ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

8105

А. Н. ПЫПИНЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ и МАТЕРІАЛЫ

ПО ЭПОХѢ

ЕКАТЕРИНЫ II

И

АЛЕКСАНДРА I.

Издательство „ОГНИ“.
1916.

А. Н. ПЫПИНЪ.

А 87
119
на отд.

РУССКОЕ МАСОНСТВО

XVIII И ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.

Редакція и примѣчанія
Г. В. ВЕРНАДСКАГО.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
ф. 29-287
1123
Оg3

Издательство „ОГНИ“.
ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 25 Апрѣля 1916 г.

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской пер., 4.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ духовномъ развитіи русскаго общества за XVIII и XIX вѣка далеко не всѣ черты ясны и отчетливы. Изъ огромнаго запаса, накопленнаго былою жизнью—памятниковъ литературы, источниковъ, рисующихъ общественныя настроенія, политическую борьбу и пр.—многое уже изучено или подготовлено къ изученію; стали возможными и попытки охватить „исторію русской интеллигенціи“ или „исторію русской общественной мысли“. Тѣмъ не менѣе, остается сдѣлать еще не мало. Необходимо и подвести итоги всей уже исполненной работѣ, чтобы вполнѣ была осознана основа изученія духовной жизни прошлаго.

Изслѣдованія А. Н. Пыпина представляютъ собою именно такую основу. Извлечь разысканія А. Н. изъ старыхъ журналовъ, гдѣ они погребены, собрать ихъ въ одно цѣлое — прямая обязанность тѣхъ, кто понимаетъ огромное значеніе его научныхъ трудовъ.

Областью нашей духовной культуры, въ предѣлахъ которой особенно много работалъ А. Н., было начало XIX вѣка, Александровская эпоха. Корни ея, уходящіе вглубь вѣковъ, не остались также внѣ круга наблюденій А. Н.

Замѣтное явленіе русской жизни первой четверти XIX вѣка — масонскія организаціи. Масонство давало значительной части общества готовыя рамки для религіозныхъ и философскихъ взглядовъ, литературныхъ вкусовъ, политическихъ симпатій.

Изслѣдуя „времена Екатерины II“ или „общественное движеніе при Александрѣ I“, А. Н. не могъ оставить масонство за предѣлами своего кругозора. Не склонный къ мистикѣ и ея проявленіямъ, А. Н. направилъ, однако, на нихъ свое вниманіе. Чуждыя ему алхимическія рукописи онъ изучалъ такъ же настойчиво, какъ и образцы политической литературы.

Основанные на этомъ изученіи и на трудахъ С. В. Ешевскаго, М. Н. Лонгинова, П. П. Пекарскаго, Н. С. Тихонравова, очерки А. Н. даютъ послѣдовательную картину развитія русскаго масонства; очерки эти сохраняютъ притомъ всецѣло свое значеніе и теперь, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ были написаны.

Новѣйшія работы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка (Я. Л. Барскова, А. В. Семеки, Т. О. Соколовской, Е. И. Тарасова, В. Н. Тукалевскаго и др.) составляютъ цѣнныя дополненія къ трудамъ А. Н., но не замѣняютъ ихъ, да и не ставятъ себѣ такой цѣли. Для первой четверти XIX вѣка новые матеріалы позволили изслѣдователямъ (В. И. Семевскому, Т. О. Соколовской и др.) пойти дальше впередъ, но и для этого времени отправная точка дана „Матеріалами“ А. Н. Пыпина.

А. Н. подготовлялъ переизданіе своихъ очерковъ. Текстъ первыхъ его статей („Русское Масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ“, Вѣстн. Евр. 1867, т. II. III, IV, и „Русское Масонство до Новикова“, тамъ же, 1868, іюнь и іюль), былъ имъ переработанъ еще въ 1870 г. и получилъ единый, законченный видъ—исторіи русскаго масонства въ XVIII вѣкѣ. Книга не была издана въ свѣтъ, такъ какъ авторъ отвлеченъ былъ дальнѣйшими изслѣдованіями въ той же области („Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ“, Вѣстн. Евр., 1872, январь, февраль, іюль, и „Хронологическій указатель русскихъ ложъ“, 1873 г.). Позднѣе, А. Н. предполагалъ свести въ одно цѣлое уже всѣ названныя работы, и это задержало переизданіе очерковъ, потребность въ которомъ, между тѣмъ, давно назрѣла.

Текстъ очерковъ печатается теперь въ томъ видѣ, какой ему былъ приданъ А. Н. Въ качествѣ приложеній помѣщены „Матеріалы“, „Указатель ложъ“ и позднѣйшая статья „Homunculus“ (1896 г.). Приложенія составляютъ, по внутреннему своему содержанію, одно цѣлое съ основнымъ текстомъ. Единство это и отмѣчено заглавіемъ книги, въ которомъ наряду съ XVIII-мъ поставлена первая четверть XIX-го в.

Много усилій потрачено редакторомъ на переработку „Указателя ложъ“; иныя свѣдѣнія пришлось выбросить, какъ невѣрныя, нѣкоторыя свести въ одно, многое добавить; вмѣсто прежнихъ 142 ложъ отмѣчено теперь 187. Конечно, и въ такомъ видѣ „Указатель ложъ“ не можетъ считаться законченнымъ и по-прежнему сохраняетъ характеръ изданія „для дополненій и поправокъ“.

Въ остальныхъ частяхъ книги редакторъ старался сохранять въ неприкосновенности текстъ А. Н., предпочитая выносить поправки въ „Примѣчанія“ послѣ текста [1]). То, что тѣмъ не менѣе пришлось вставить въ текстъ, отмѣчено прямыми скобками. Измѣненія или перестановки оговорены въ „Примѣчаніяхъ“.

Г. Вернадскій.

[1]) Лишь нѣкоторыя примѣчанія справочнаго характера помѣщены въ видѣ подстрочныхъ выносокъ.

ВВЕДЕНІЕ.

„Имя Новикова — такъ начинаетъ свою книгу его біографъ [1]) — стало пользоваться громкою извѣстностью въ Россіи болѣе восьмидесяти лѣтъ тому назадъ, и въ теченіе цѣлаго десятилѣтія общее вниманіе образованныхъ людей было обращено на дѣятельность этого необыкновеннаго человѣка и его друзей. Несчастіе, постигшее Новикова, положило конецъ не только этой дѣятельности, но и толкамъ и разсужденіямъ о ней. Предметъ такого рода не могъ подлежать, по весьма понятнымъ причинамъ, вѣдѣнію печати въ теченіе длиннаго періода времени. Послѣдователи Новикова, такъ называемые мартинисты и масоны, ограничивали также очень долго свои бесѣды и воспоминанія о немъ тѣснымъ кружкомъ немногихъ избранныхъ. Причины тому были, преимущественно, слѣдующія. Люди эти не хотѣли выступать передъ публикой съ разсказами о прошедшемъ и подвергать завѣтныя свои убѣжденія презрительнымъ насмѣшкамъ несвѣдущихъ и легкомысленныхъ людей, которыхъ ободряло осужденіе, поразившее офиціально Новикова и его дѣйствія. Притомъ же послѣ гоненія, испытаннаго Новиковымъ, разсказы о немъ могли возбуждать подозрѣнія въ сочувствіи къ дѣлу его, ославленному опаснымъ, и къ людямъ, провозглашеннымъ зловредными. Такимъ образомъ, молчаніе объ обстоятельствахъ, касавшихся до Новикова, происходившее изъ скромности и изъ опасеній, обратилось надолго въ какую-то привычку. Даже въ то время, когда масонскія ученія, близкія по духу къ но-

[1]) Лонгиновъ, М. Н., въ изслѣдованіи „Новиковъ и Московскіе мартинисты“ М. 1867. Ред.

виковскому, опять взяли силу и стали (около 1810 года) проповѣдоваться въ довольно значительномъ числѣ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, выходившихъ не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ, — молчаніе о лицахъ, составлявшихъ Новиковскій кругъ и участвовавшихъ въ его дѣятельности, все-таки почти не нарушалось. Развѣ изрѣдка прерывалось оно въ печати полунамеками и загадочными иносказаніями"...

Эти замѣчанія достаточно объясняютъ, какимъ образомъ могло случиться, что личность, подобная Новикову, личность, имѣвшая въ свое время чрезвычайно обширное вліяніе, несмотря на то могла на долгое время почти совершенно изгладиться изъ памяти общества, такъ что теперь историкъ не безъ особеннаго труда возстановляетъ факты жизни и дѣятельности этого человѣка, — будучи почти лишенъ прямыхъ преданій (Новиковъ умеръ въ 1818 году) и вынужденный ограничиваться почти одними офиціальными документами, изображающими послѣднюю насильственную катастрофу этой дѣятельности. Вмѣстѣ съ личностью Новикова оставалось недоступно для исторіи и цѣлое общественное движеніе, въ которомъ онъ игралъ господствующую роль. Таковъ фатумъ, не одинъ разъ падавшій на нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Къ сожалѣнію, такая неизвѣстность лежитъ въ большей или меньшей степени на всей внутренней исторіи нашего общества. Мы знаемъ военныя дѣянія и внѣшнюю офиціальную исторію государства, но внутренняя исторія общества, представляющая наиболѣе глубокій нравственный интересъ,— до сихъ поръ остается для насъ покрыта или полнымъ туманомъ, или тѣми же полу-намеками и загадочными иносказаніями. Ревнивые патріоты очень нерѣдко упрекали общество за его равнодушіе къ прошедшему и къ его славнымъ дѣятелямъ; но эти упреки, конечно, были справедливы, когда общество, вмѣсто исторіи, находило въ существовавшемъ запасѣ одни послужные списки, восхвалительныя реляціи, или одинъ сырой матеріалъ, безъ связи и безъ освѣщенія, или когда оно чувствовало, что предлагаемая ему исторія обходитъ много самыхъ существенныхъ событій, умалчиваетъ объ его собственной внутренней жизни. Та часть общества, которую сколько-нибудь можно

назвать образованною, всегда интересовалась тѣми книгами, гдѣ она могла находить нѣчто похожее на настоящую исторію, особенно новѣйшую.

Такимъ образомъ, общество можно было бы винить за равнодушіе развѣ къ той только исторіи, какая ему обыкновенно предлагалась. А предлагались, почти всегда, вещи, едва-ли заслуживающія названія исторіи. Мы не будемъ входить здѣсь въ мудреное перечисленіе причинъ, которыя дѣлали невозможнымъ появленіе настоящей вполнѣ правдивой исторіи. Онѣ довольно понятны изъ всего характера нашей общественной жизни и положенія литературы. Еще очень недалеко время, когда изъ литературнаго изложенія были положительно исключаемы цѣлыя историческія эпохи, и изложеніе историческихъ событій затруднялось разнообразными ограниченіями, которыя, въ концѣ концовъ, часто дѣлали это изложеніе совершенно невозможнымъ. Исторія есть публичность и критика въ прошедшемъ, и въ прошедшемъ она можетъ быть только тогда, когда получаетъ какое-нибудь право въ настоящемъ, потому что настоящее и прошедшее тѣсно связаны между собою. Поэтому исторія растетъ съ публичностью и общественнымъ мнѣніемъ; наше время поставлено въ этомъ отношеніи нѣсколько выгоднѣе прежняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія стала нѣсколько возможнѣе прежняго. Пожелаемъ, чтобы она еще больше имѣла успѣха въ этомъ направленіи, это не можетъ принести ничего иного, кромѣ пользы, и пользы глубокой и существенной.

Въ самомъ дѣлѣ, изученіе исторіи своего отечества есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ путей къ достиженію общественнаго самосознанія, безъ котораго невозможна никакая разумная общественная жизнь, никакая дѣятельность, желающая руководиться истинными интересами общества и истинными нравственными началами. О необходимости этого самопониманія говорилось въ послѣднее время очень много (хотя большинство не уразумѣвало, въ чемъ именно оно должно состоять), такъ или иначе, всѣмъ чувствовался его недостатокъ. Но одно изъ лучшихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ этому самопониманію и даетъ именно историческое изученіе. Польза исторіи, конечно, не такова, какъ понимали ее въ старину; ея уроки не похожи на мораль

басни: будь послушенъ, будь прилеженъ, и т. д.; потому что прямо и непосредственно исторія, къ сожалѣнію, даетъ слишкомъ много примѣровъ успѣха зла и несправедливости, гибели добра и правды. Ея уроки шире и глубже: объясняя великія внутреннія движенія общества, опредѣляя условія, содѣйствующія или мѣшающія его развитію, она научаетъ понимать основную идею фактовъ и явленій, отличать то, что бываетъ въ нихъ живымъ требованіемъ времени и здороваго развитія и что составляетъ только тупую инерцію отживающей старины, дошедшей до конца своей роли; объясняя броженіе и борьбу элементовъ человѣческаго общества, она указываетъ его истинныя цѣли, истинныя причины его процвѣтанія и вмѣстѣ наилучшія средства достиженія этихъ цѣлей. Поэтому и въ настоящемъ исторія можетъ указывать въ явленіяхъ жизни, что является въ ней новымъ элементомъ, справедливо требующимъ себѣ мѣста, и рано или поздно долженствующимъ достичь его, и что бываетъ только упрямой неподвижностью старыхъ преданій, упорство которыхъ только усиливаетъ напряженіе борьбы и дѣлаетъ ее только болѣе тяжкимъ трудомъ и испытаніемъ для общества. Такая наука не даетъ правилъ ходячей морали, но она можетъ опредѣлять всю дѣятельность мыслящаго человѣка, указать ему свѣтлый идеалъ, которому долженъ отдаться человѣкъ, уважающій свое достоинство и желающій служить своему обществу, и можетъ помочь ему извлечь изъ этого идеала твердое понятіе о своемъ человѣческомъ и гражданскомъ долгѣ. Въ здоровой и сильной націи, идущей съ дѣйствительнымъ сознаніемъ путями цивилизаціи, историческое движеніе можетъ быть только прогрессомъ, постояннымъ совершенствованіемъ, — иначе надо было бы считать безплодными всѣ усилія геніальныхъ людей, всѣ успѣхи наукъ и искусствъ, всѣ громадные труды націй. Движеніе это прерывалось и нарушалось, въ историческихъ переворотахъ гибли нерѣдко богатые памятники науки и искусства, — но въ послѣднемъ результатѣ историческое движеніе шло впередъ. Судьба отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей, геніальныхъ умовъ или друзей человѣчества часто бывала печальна, — но ихъ трудъ рѣдко пропадалъ, и если потомство, наконецъ, оцѣняетъ ихъ, эта оцѣнка есть нравственное и умственное завоеваніе, которое сдѣлано обществомъ съ тѣхъ поръ, и сдѣлано во имя стремленій и при помощи этихъ самыхъ людей. А если таково значеніе историческаго развитія, то изученіе исторіи можетъ быть однимъ изъ самыхъ благотворныхъ изученій, указывая смыслъ идей, составляющихъ предметъ общественной борьбы, и укрѣпляя часто упадающее передъ трудностями мужество тѣхъ, кто стоитъ за дѣло истины и дѣйствительной пользы общества.

Назидательность этого рода имѣетъ всякая исторія или всякая историческая книга, которая разсказываетъ не одну внѣшнюю смѣну фактовъ, но затрогиваетъ внутреннюю жизнь человѣческаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни безконечно разнообразіе историческихъ явленій, какъ ни различна бываетъ обстановка историческаго процесса, которую производитъ раса или нація, географическая мѣстность, климатъ, преданія, религія, правленіе, формы общественной жизни, нравы, и т. д., — но самый внутренній процессъ до замѣчательной степени единообразенъ и простъ по своей сущности, потому что онъ весь построенъ на физическихъ и нравственныхъ потребностяхъ человѣческой природы. А эта природа вездѣ одна и та же человѣческая природа. Для тѣхъ, кто способенъ понимать уроки исторіи, можетъ быть чрезвычайно поучительна и исторія Англіи, Германіи или Франціи, и даже Турціи или Бухары. Но, естественно, что исторія отечественная, изложенная въ упомянутомъ смыслѣ, имѣетъ для насъ высокую степень этого интереса и назидательности, потому что передаетъ судьбу народа, личностей и идей, совершавшуюся, если не при совершенно тѣхъ же, то при значительной долѣ тѣхъ же самыхъ условій, въ какихъ совершается наша судьба и судьба нашихъ идей. Не говоримъ уже о томъ, что естественная привязанность къ своему сообщаетъ намъ несравненно большую степень воспріимчивости и участія къ историческимъ событіямъ, идеямъ и личностямъ нашего народа.

Такой историческій интересъ и поучительность представляетъ и масонское движеніе XVIII столѣтія, въ которомъ наиболѣе замѣтно выдвигается личность Новикова.

Общій историческій смыслъ этого движенія состоитъ въ томъ, что оно было однимъ изъ первыхъ проявленій обще-

ственной иниціативы, или самодѣятельности, и вмѣстѣ однимъ изъ многихъ фактовъ европейскаго вліянія, начавшаго сильно дѣйствовать на русскую жизнь, въ особенности съ Петра Великаго. Эта общественная иниціатива была совершенно послѣдовательнымъ результатомъ реформы; это было доказательство, что реформа дѣйствительно возбудила умственную жизнь въ самомъ обществѣ, которое стало искать себѣ дѣятельности въ силу тѣхъ новыхъ понятій, какія были принесены преобразованіемъ. Общество начало выходить изъ того патріархальнаго періода, гдѣ оно совершенно подчинялось государству, гдѣ безраздѣльное господство послѣдняго держалось средневѣковой патріархальностью понятій, общихъ и самой власти, и всѣмъ классамъ націи. Новая улучшенная жизнь, начавшаяся съ реформой, естественно возбуждала новый разрядъ понятій, которыя по необходимости расходились съ патріархальными преданіями, новыя нравственныя представленія, которыя не были знакомы старой жизни. Въ обществѣ являются признаки самосознанія; оно перестаетъ видѣть за собой одно только служебное назначеніе, начинаетъ чувствовать потребность и обязанность самостоятельной дѣятельности. Это новое возбужденіе выразилось главнымъ образомъ—возникновеніемъ новой литературы и масонскимъ движеніемъ. И то и другое были собственнымъ дѣломъ общества, гдѣ оно само отыскивало себѣ цѣли и образцы, употребляло свой трудъ матеріальный и нравственный, стремилось къ національному благу своими путями. Впослѣдствіи оказалось и у насъ, что стремленія общества не совпадали съ данной формой государства,— послѣднее вообще упорно поддерживало старыя традиціи власти, но на первое время общество не доходило, и не могло дойти до этого сознанія: его собственные труды только что начинались, оно ставило первые элементарные вопросы общественной нравственности и не думало нисколько противиться существующимъ порядкамъ. Такой смыслъ имѣло первое масонство, которое даже въ своихъ европейскихъ источникахъ въ числѣ первыхъ своихъ принциповъ ставило полное повиновеніе предержащимъ властямъ, волѣ ихъ оно подчиняло даже собственное существованіе. Но сама власть уже въ это время заявила, впрочемъ, нѣкоторую подозрительность. Тѣмъ не менѣе, ложи, слишкомъ

невинныя въ этомъ отношеніи, продолжали существовать, и первые слабые признаки политической мысли можно услѣдить въ нихъ развѣ только за послѣдніе годы ихъ существованія въ XVIII-мъ столѣтіи.

Естественно было, что и самую форму новой дѣятельности общество заимствовало изъ западной Европы; тамъ взяло оно образцы для своей новой литературы; оттуда переняло масонскія ложи. И въ XVIII столѣтіи, и теперь много говорили въ осужденіе этой подражательности; но эти осужденія совершенно забываютъ объ исторіи. Невозможно было требовать, чтобы люди, только что покидавшіе патріархальную грубость, въ состояніи были производить оригинальныя созданія въ умственной и нравственной области, чтобы они надолго не подчинились высшему развитію другихъ народовъ. Къ сожалѣнію, мы и до сихъ поръ должны слишкомъ часто убѣждаться въ томъ, что если не недостатокъ самостоятельныхъ дарованій, то недостатокъ простора общественныхъ условій до сихъ поръ держитъ русскую мысль и русскую литературу въ состояніи безсилія, которое неизбѣжно продолжаетъ ея подчиненность и незначительность въ сравненіи съ независимыми литературами Европы. Признакъ развитія и возникающей силы заключался, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, уже въ самомъ порывѣ къ новому содержанію, а это содержаніе, по исторической неизбѣжности, не могло быть иное, какъ европейское.

Заимствованіе, выразившееся въ масонствѣ, было не вполнѣ удачно отчасти потому же, почему было неудачно и многое въ заимствованіяхъ литературы, хотя эта послѣдняя и была ограничена внѣшними стѣсненіями, но всего больше ея недостатки происходили отъ ея собственнаго младенчества: ей не были подъ силу лучшія и смѣлѣйшія созданія европейской мысли, вслѣдствіе низкаго уровня образованія. Въ масонскомъ движеніи тотъ же недостатокъ образованія дозволилъ войти многимъ худшимъ формамъ масонства, и не далъ возможности проникнуть и утвердиться лучшимъ, возбуждая противъ нихъ подозрѣнія и ненависть. Такъ пришло къ намъ Строгое Наблюденіе, Мартинизмъ, Розенкрейцерство, но не имѣло мѣста Иллюминатство и другія болѣе раціональныя вѣтви масонства, раз-

вившіяся подъ вліяніемъ „просвѣщенія“ [1]). Дѣло въ томъ, что эти послѣднія требовали большаго умственнаго развитія, больше духа критики относительно настоящаго, болѣе высокаго развитія нравственныхъ идеаловъ.

Какъ ни было скромно русское масонское движеніе, оно вызвало въ массѣ, повидимому, сильную вражду. Франкъ-масонъ, въ понятіяхъ грубѣйшей массы общества, казался врагомъ религіи и врагомъ общества; „фармазонство“ стало синонимомъ какой-то злонамѣренности, которую, впрочемъ, не умѣли ясно опредѣлить его противники. Эта ненависть была однимъ изъ многихъ проявленій того застоявшагося невѣжества, которое враждебно относилось ко всякимъ нововведеніямъ; масонство въ особенности своими странными формами возбуждало благочестивый страхъ людей, которые въ его обрядахъ увидѣли не что иное, какъ служеніе Антихристу. Другого рода вражду испытывало масонское движеніе со стороны правительства. Такъ же, какъ масса, правительство не могло вынести этого необычнаго движенія въ обществѣ, за которымъ не признавалось никакихъ правъ на какую-либо самостоятельность. Оно смотрѣло сначала сквозь пальцы на заведеніе ложъ, на масонскія собранія, потому что видѣло въ этомъ только моду и забаву; но какъ только оно стало подозрѣвать въ этомъ движеніи нѣчто серьезное и независимое, оно не могло простить ему этого и начало преслѣдованіе, исполненное крайней нетерпимости. Его собственныя опасенія приписали дѣятельности Новикова политическую важность, которой она никогда не имѣла, и Новиковъ безъ всякаго суда былъ заключенъ въ крѣпость, всѣ учрежденія московскаго кружка были уничтожены...

Но дѣло Новикова не осталось безплодно. Мы крайне далеки вообще отъ понятій Новикова; многое изъ нихъ для насъ совершенно антипатично, потому что вело не къ просвѣщенію, а къ обскурантизму, — но, несмотря на то, за нимъ остается заслуга для русскаго образованія. Какъ вообще

[1]) В. В. Сиповскій считаетъ тайными иллюминатами Шварца и Новикова—едва ли, впрочемъ, его мнѣніе достаточно убѣдительно. См. статью его „Новиковъ, Шварцъ и Московское масонство“ въ приложеніи къ книгѣ „Н. М. Карамзинъ“. Спб. 1899. Возраженіе на это у В. И. Семевскаго въ статьѣ: „Декабристы—масоны“—„Минувшіе годы“, 1908, № 2. Ред.

въ масонскамъ движеніи, такъ и въ дѣятельности Новикова было много ложнаго и ограниченнаго, но важно въ нихъ было именно пробужденіе общественнаго сознанія, возникновеніе нравственныхъ требованій, которыхъ еще не знало прежнее общество, важны были первые опыты самостоятельной мысли, которые могли быть неудовлетворительны, но давали начало для дальнѣйшаго развитія. Это былъ дѣйствительно первый примѣръ общественной иниціативы, въ развитіи которой заключалась вся будущность общества. Энергія, которую Новиковъ обнаружилъ въ своихъ образовательно-масонскихъ трудахъ, дружное содѣйствіе его сотрудниковъ, значительное вліяніе на общество, свидѣтельствовали о глубокомъ убѣжденіи, которое руководило этими людьми, и вмѣстѣ о силѣ той общественной потребности, которая обнаруживалась въ этомъ движеніи.

Масонское движеніе вообще и дѣятельность московскаго кружка окончились преслѣдованіемъ, въ которомъ слѣдуетъ, конечно, видѣть не случайное обстоятельство, вызванное одними личными условіями и соображеніями, а естественное столкновеніе общественной иниціативы съ властью, которая въ то время видѣла въ ней нарушеніе своего авторитета. По старымъ нравамъ власть оберегала неприкосновенность этого авторитета столь сурово, что малѣйшее движеніе общества, выходившее изъ рамокъ ея собственныхъ предписаній, казалось ей непокорствомъ, требующимъ строгой казни. Въ наше время уже нѣтъ спора о томъ, на чьей сторонѣ была правда въ этомъ столкновеніи. Никому не приходитъ въ голову обвинять Новикова, напротивъ, ему несомнѣнно принадлежатъ всѣ сочувствія, и сами панегиристы имп. Екатерины ищутъ только объясненій руководившихъ ею мотивовъ, а не оправданія ея рѣшеній. Несмотря на преслѣдованіе, историческая жизнь взяла свое. Преслѣдованіе не убило сущности его стремленій; напротивъ, общественная самодѣятельность съ тѣхъ поръ развивается все шире; самое ученіе Новикова не погибло подъ ударами, потому что нѣсколько лѣтъ спустя его школа снова выставила свое знамя,—къ сожалѣнію, даже въ такое время, когда можно было оставить это ученіе,— и старое поколѣніе мистиковъ нашло въ преслѣдованіи только новую опору для своего позднѣйшаго вліянія. Та-

кимъ образомъ, еще разъ была доказана безплодность преслѣдованія тамъ, гдѣ шло дѣло объ исторической потребности; оно дѣйствовало въ слишкомъ тѣсно понятомъ интересѣ власти, не принесло ей никакой побѣды, и причинило положительный вредъ обществу, потому что много отдѣльныхъ личныхъ силъ было подорвано, многихъ оно несомнѣнно запугало; къ самой себѣ власть внушила лишнее недовѣріе.

ГЛАВА I.

Начало общества свободныхъ каменьщиковъ въ Англіи. Распространеніе его въ Европѣ.

Старинные масоны твердо вѣрили въ глубокую древность своего общества. Они возводили его основаніе до самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, какіе знаетъ исторія: одни считали его основателемъ самого Адама, который вынесъ изъ рая наслѣдіе божественной мудрости, которая потомъ вѣрно сохранилась въ преданіяхъ ихъ общества; другіе видѣли его начало въ эпохѣ строенія Соломонова храма, легенда о которомъ составляетъ основную часть масонскаго ритуала, и строители храма считались вообще первыми „Свободными каменьщиками“, въ искусствѣ которыхъ преобразовалось высокое нравственное ученіе. Преданіе о строеніи Соломонова храма было вообще самой распространенной версіей сказаній о началѣ масонства. Но кромѣ того, историки общества и члены его связывали его основаніе съ множествомъ другихъ историческихъ событій, въ особенности съ различными древними мистеріями, таинственными сектами и философскими обществами. Такъ, съ исторіей масонскаго братства связывали египетскихъ царей-пастырей, таинства египетскихъ жрецовъ, еврейскую секту ессеевъ, Элевзинскія мистеріи, таинства пиѳагорійской школы, ученіе Талмуда, древнюю магію, средневѣковую алхимію и т. д., и т. д. Было бы длинно и безполезно исчислять эти и подобныя генеалогіи, на которыхъ упорно стояли ортодоксальные масоны стараго вѣка; довольно сказать, что ордену приписывалась вообще глубокая древность, ученіе его считалось высокимъ откровеніемъ, которое хранилось въ тайнѣ избранными людьми и переходило по преданью отъ поколѣ-

нія къ поколѣнію... Съ конца XVIII-го столѣтія между масонами (преимущественно нѣмецкими) нашлось достаточно ученыхъ людей, которые подвергли эти преданія исторической критикѣ и мало-по-малу разъяснили дѣйствительную исторію масонскаго братства. Но и до сихъ поръ между „братьями“ остается много людей, которые все еще вѣрятъ старому баснословію. Мы приводимъ въ примѣчаніи образчики подобныхъ мнѣній, какіе намъ встрѣтились даже въ послѣднее время [1]).

На самомъ дѣлѣ, *для объясненія историческаго значенія* масонства вовсе не нужно идти до Адама. То масонство, о которомъ мы говоримъ, начинается не дальше полутораста лѣтъ тому назадъ. Всѣ толки самихъ масоновъ о строеніи Соломонова храма, объ Элевзинскихъ таинствахъ, объ ессеяхъ и пиѳагорейцахъ, даже о происхожденіи свободныхъ каменьщиковъ отъ заговора приверженцевъ Карла I, хотѣвшихъ отомстить за его казнь, или, наоборотъ, происхожденіи ихъ отъ коварныхъ мѣръ Кромвеля для утвержденія своей власти—всѣ эти и подобныя толкованія, повторенныя

[1]) Англійскій журналъ „Athenaeum“ (сент. 1869, стр. 404) извѣщаетъ о новомъ масонскомъ журналѣ, который основывается въ Англіи, и, между прочимъ, обѣщалъ статью, подъ названіемъ: „Истинная исторія масонства, проводящая его основаніе до царей-пастырей“. Критикъ „Атенея“ замѣчаетъ: „Принимая въ соображеніе, что другіе масонскіе изслѣдователи едва могутъ (въ объясненіи происхожденія масонства) добраться до средневѣковыхъ гильдій, и что относительно царей-пастырей теперь д-ръ Бекъ (ученый путешественникъ въ Африку) и другіе ученые стараются разыскать, кто они были,—попытка упомянутой исторіи очень смѣла. Еще недавно—одинъ почтенный „братъ“ связывалъ масонство съ клинообразными письменами; но такъ какъ эти письмена упорно противились быть прочтенными имъ, и никто, умѣвшій читать ихъ, не давалъ имъ желаемаго толкованія, это открытіе оказалось неудачнымъ. Въ прошломъ столѣтіи Іосифъ Бальзамо, называвшій себя графомъ Каліостро, могъ безъ труда увѣрить *нѣкоторыхъ невѣжественныхъ масоновъ во Франціи*, что онъ имѣлъ египетскіе масонскіе документы,—еще до того времени, когда начали читать іероглифы. Поучительное свидѣтельство того, какъ живучи обманщики и легковѣрные между полу-образованными людьми, представляетъ тотъ фактъ, что въ нынѣшнемъ столѣтіи во Франціи возникло другое египетское масонство, которое не исчезло и до сихъ поръ“.

Далѣе, вотъ заглавіе одной нѣмецкой книги, вышедшей въ томъ же прошломъ [т. е. 1869] году: Das Studium des Freimaurerei und die

и Лонгиновымъ, не имѣютъ историческаго значенія, и новѣйшія изысканія о происхожденіи масонскаго общества представляютъ его гораздо проще [1]).

Масонство, какъ дружеское и братское общество людей, соединяющихся для собственнаго нравственнаго совершенствованія, восходитъ только къ началу XVIII вѣка. Единственное историческое родство его съ давнимъ прошедшимъ есть внѣшняя связь его съ средневѣковыми строительными гильдіями или цехами. Эти гильдіи, трудъ которыхъ создалъ великіе готическіе соборы западной Европы, существовали и въ Англіи, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и какъ многія другія корпоративныя учрежденія (напримѣръ университеты), эти гильдіи имѣли свои различныя корпоративныя отличія и привиллегіи, между прочимъ право суда, и *этимъ нѣкоторые объясняютъ* названіе свободныхъ каменьщиковъ (Free-Masons), названіе, оставшееся за новѣйшими франкъ-масонами; по другимъ, это названіе принято было тогда, когда въ старыя собственно ремесленныя общества начали вступать новые члены, изъ которыхъ потомъ и образовалось новое, не ремесленное масонское братство. Старые обычаи и нравы строительныхъ цѣховъ въ Англіи и въ другихъ странахъ представляли много сходнаго съ обычаями другихъ средневѣковыхъ цеховъ: ихъ внутреннее

ursprüngliche Geschichte derselben, von der Schöpfung an bis an das tausendjährige Reich,—enthaltend: Veranlassung, Ursprung, Stifter, Wezen, Zweck, Tendenz, Ritual, Ceremoniel, Gebräuche, Zeichen, Wort, Griff, Meisterwörter und Bedeutungen über Alles. Auch Ursprung und Bedeutung der „schwarzen Brüder“, die schon in Solomonischen Tempel existirt haben. (8 Bde.) *Bearbeitet von Isaak Salomon Borchardt, emerit. Ober*—Kreis- Rabbiner, Berl. 1869 (5869). Книга преисполнена библейскими цитатами, талмудическою и каббалистическою ученостью.

Лонгиновъ въ своей книгѣ о Новиковѣ придалъ серьезное значеніе баснословію о происхожденіи ордена.

[1]) Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ближе ознакомиться съ дѣйствительной исторіей масонства, мы сдѣлаемъ слѣдующія указанія. Настоящая критическая исторія его начинается только послѣ того, какъ въ концѣ XVIII столѣтія лучшіе масоны стали заботиться о томъ, чтобы освободить орденъ отъ шарлатанскаго мистицизма и миѳологическихъ выдумокъ. Таковы были стремленія Боде, извѣстнаго „просвѣтителя“, книгопродавца Николаи, Фесслера и др. (Лессингъ еще принималъ происхожденіе масонства отъ храмовыхъ рыцарей). Вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ очистить самый орденъ, явилась и критическая

устройство имѣло цѣлью сохраненіе и распространеніе переходившихъ по преданію правилъ и секретовъ искусства, нравственную дисциплину между товарищами и общественное равенство среди цеха. Но понятно, что эти цехи вовсе не имѣли никакихъ тайныхъ знаній о природѣ, ея силахъ и свойствахъ, о числѣ и мѣрѣ и т. п., никакихъ преданій незапамятной древности, которыя приписываются имъ масонскими историками, и которыми хвалятся сами масоны. Фактическое изслѣдованіе средневѣковыхъ цеховъ показало, что всѣ разсказы подобнаго свойства—совершенная выдумка и обманъ, какъ напр., мнимая іоркская конституція принца Эдвина, 926 года. Этотъ послѣдній обманъ былъ достаточно разоблаченъ извѣстнымъ ученымъ Шнаазе, въ его „Исторіи Искусства". Другіе обманы, напримѣръ, производство извѣстныхъ отраслей ордена отъ средневѣковыхъ тампліеровъ, разоблачались даже въ глазахъ самихъ масоновъ. Но если въ этихъ цехахъ не было преданій, идущихъ отъ сотворенія міра, отъ египетскихъ таинствъ или даже отъ строенія Соломонова храма, и не было глубокаго знанія таинственныхъ силъ природы, то въ нихъ были, однако, оригинальныя учрежденія, любопытные обычаи и символическая обрядность—какъ подобная обрядность вообще проникала средневѣковой бытъ; была своя особая дисциплина и стремленіе къ нравственному образованію. Общество дѣлилось и тогда на степени: ученика, товарища (подмастерья) и мастера, стоявшихъ между собой въ извѣстной естественной іерархіи; каменьщики имѣли свои условные знаки, слова и т. п., по которымъ они

мысль объ его исторіи. Таковы были прежде всего труды Фридр. Людв. Шредера, Шнейдера, Краузе и Гельдмана. Этотъ послѣдній доказалъ, между прочимъ, подложность Кельнской грамоты 1535 г., которую масонскіе историки выдавали за историческое доказательство существованія ордена въ то время. Но въ особенности имѣютъ значеніе труды Клосса (I. G. B. Fr. Kloss.): Die Freimaurerei in ihren wahren Bedeutung, Frankf. a. M. 1846; Geschichte der Freim. in England, Irlaud und Schottland, Frankf., 1848; Geschichte der Freim. in Frankreich, 2 Bde. Frankf. 1851—53, и Bibliographie der Freim. Frankf., 1844. Клоссъ вообще есть лучшій изъ историковъ масонства; онъ въ первый разъ опредѣлительно указалъ связь его съ средневѣковыми цехами. Далѣе Фаллу (Fr. Albert Fallou): Mysterien der Freimaurerei, oder die verschlierte Gebrüderung, Verfassung und Symbolik der teutschen Baugewerke etc., Leipzig, 1848,—представляетъ критическую попытку объясненія внутренняго содержанія масонской символики. См. также сочиненія Келлера (Gesch. der Freim. in Deutschland, Gessen, 1859), Финделя (Gesch. der Freimaurei, 2-te Aufl. Leipz. 1866). Книга Финделя представляетъ, впрочемъ, скорѣе только внѣшній перечетъ событій, чѣмъ строгую исторію внутренняго развитія. Наконецъ, въ послѣдніе годы вышла замѣчательная масонская энциклопедія, очень богатая разнообразными историческими свѣдѣніями: Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, zweite völlig umgearbeitete Auflage von Lenning's Encyclopädie der Freim. 3 Bde Leipz. 1863—1867. [Третье, сокращенное, изданіе этой энциклопедіи въ двухъ томахъ, Leipzig, 1900 и 1901]; чрезвычайно точная и—для нѣмецкой литературы—исчерпывающая работа A. Wolfstieg, Bibliographie der freimaurerischen Litteratur, 2 тома, Burg. в. M. 1911 и 1912, [отдѣльно указатель, 1913].

узнавали другъ друга; происходили особые обряды, когда являлся странствующій товарищъ или вступало въ корпорацію новое лицо. Какъ и многіе другіе цехи и учрежденія въ средніе вѣка, каменьщики имѣли своихъ святыхъ и свои легенды, естественно относившіяся къ ихъ цѣховымъ качествамъ. Наконецъ, мѣсто собраній корпораціи называлось обыкновеннымъ словомъ, означавшимъ квартиру или помѣщеніе для рабочихъ и ихъ инструментовъ (англ. lodge, нѣм. Bauhütte, фран. logis, итал. loggia). Итакъ, обрядовыя формы корпораціи были довольно общей чертой средневѣковаго быта, чтобы въ нихъ можно было видѣть какую-нибудь исключительную принадлежность одного цеха. Понятны также благочестивыя и нравственныя тенденціи корпорацій или ложъ. Это было время полнаго и безраздѣльнаго господства мистицизма, обнимавшаго всѣ слои народа. Если этотъ мистицизмъ могъ увлекать цѣлыя народныя толпы въ крестовые походы, то могло весьма естественно случиться, что этотъ же мистицизмъ, только съ большей силой, чѣмъ въ другихъ примѣрахъ, могъ отражаться и на тѣхъ корпораціяхъ, которыя по самому свойству ремесла должны были быть къ нему воспріимчивы, служа народному благочестію строеніемъ великихъ готическихъ каѳедраловъ и аббатствъ.

Однимъ словомъ, старыя общества каменьщиковъ въ Англіи, строительныя гильдіи Германіи и т. д., не представляютъ по сущности своей ничего исключительнаго въ общемъ религіозно-мистическомъ характерѣ и въ корпоративномъ устройствѣ среднихъ вѣковъ. Въ Англіи, гдѣ это учрежденіе, быть можетъ, развилось сильнѣе и, по

обыкновенной инерціи англійскаго быта, сохранилось дольше своими особенностями, старинныя ложи процвѣтали до конца XVI вѣка; но съ упадкомъ готическаго искусства, которому они особенно служили, и съ успѣхами стиля возрожденія, упали и самыя ложи. Поэтому, съ начала XVII столѣтія больше и больше входило въ обычай, что знатные покровители и любители искусства стали принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ и положеніи цеховъ, какъ думаютъ, для того, чтобы сблизить рабочихъ и строителей. Они назывались принятыми каменьщиками (accepted Masons). Такъ, въ послѣдніе годы XVII вѣка вступилъ въ ложу Вильгельмъ Оранскій, и съ той поры ремесло каменьщиковъ получило названіе „королевскаго ремесла“,— что позднѣйшіе масоны стали употреблять въ символическомъ смыслѣ. Но старый духъ гильдій уже исчезъ. Знаменитый лондонскій пожаръ 1666 года и постройка собора св. Павла снова оживили старое учрежденіе, но не надолго; ложи опять пришли въ упадокъ—и возстановленіе ихъ относится уже къ 1717 году, когда лондонскія ложи, оставленныя въ пренебреженіи престарѣлымъ Кристофомъ Реномъ (Wren), строителемъ собора св. Павла, рѣшились сблизиться, имѣя одного общаго великаго мастера или гросмейстера и общій порядокъ. „Въ своемъ началѣ—замѣчаетъ одинъ историкъ—эта Великая ложа (имѣвшая такую знаменитость между масонами), быть можетъ, и сама не сознавала, какая здѣсь совершилась перемѣна и какое глубокое направленіе должно было изъ нея выйти“. Но дѣйствительно, великая перемѣна произошла: если Кристофъ Ренъ, заключившій собою старую исторію цеха, былъ еще самъ архитекторъ и имѣлъ къ ложамъ простое практическое отношеніе, то въ новой ложѣ являются уже не одни только ремесленники, но и образованные люди изъ всѣхъ сословій. Великая ложа должна была получить новое устройство, которое, сохраняя извѣстный смыслъ отъ стараго учрежденія, удовлетворяло бы вмѣстѣ и потребностямъ новыхъ, „принятыхъ“ членовъ братства. Такимъ образомъ, вмѣсто чисто-ремесленныхъ цѣлей старой цеховой корпораціи, на первый планъ выдвинулась ея нравственная сторона: мало-по-малу она стала господствующей, и ремесленная ложа дала новому масонству только его наружныя техническія

формы и метафорическій языкъ. Требованіе нравственнаго совершенствованія, которымъ прежніе каменьщики освящали свой ремесленный трудъ, стало теперь единственной цѣлью, соединявшей въ братство людей всякаго званія, которые стали теперь быстро стекаться въ ложи, надѣясь найти въ нихъ отвѣтъ на свои личныя нравственныя потребности.

Итакъ, старыя ложи дали только приблизительную форму, въ которую вылилось новое содержаніе. Это содержаніе дано было характеромъ времени, стремленія котораго искали въ преобразованной ложѣ своего исхода и выраженія.

„Вся эта эпоха—говоритъ Геттнеръ въ своей книгѣ о литературѣ XVIII-го вѣка—проникнута была глубокимъ стремленіемъ сдѣлать человѣка, чистаго и свободнаго по своей природѣ, еще прекраснѣе и сильнѣе, освободить его отъ всѣхъ внѣшнихъ путъ и предразсудковъ, дать ему опору его въ немъ самомъ, въ чистотѣ и благородствѣ его собственнаго существа! Вся Англія была въ это самое время подъ живымъ впечатлѣніемъ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, которыя свирѣпствовали, не переставая, со временъ Кромвеля и обоихъ послѣднихъ Стюартовъ. Всѣ благородныя сердца были утомлены безплодной враждой; вездѣ раздавался призывъ ко всеобщей терпимости и любви къ ближнему. Локкъ и великіе англійскіе деисты, Шафтсбери, Коллинзъ и Толандъ, открыто оспаривали господствующія церковныя понятія и искали такъ называемой естественной религіи, въ которой человѣкъ, удовлетворяемый простымъ почитаніемъ всемогущаго Творца, извлекаетъ истину и добродѣтель не изъ ученій библейскаго Откровенія, а изъ собственнаго человѣческаго разума; за христіанствомъ оставалось его достоинство и значеніе только потому, что его содержаніемъ было чистѣйшее нравственное ученіе и самое благородное счастіе было его цѣлью“. Если образованіе Великой ложи въ это самое время и было чистой случайностью, то эта случайность вполнѣ совпадала съ потребностями времени; и если Великая ложа стала разсадникомъ цѣлаго множества ложъ, распространившихся по всей Европѣ, то это могло произойти именно потому, что сама Великая ложа уже заключала въ себѣ тѣ вліянія и черты духа времени, которыя одни и могли дать этому учрежденію такую

силу надъ обществомъ Англіи и другихъ европейскихъ странъ, представлявшихъ тѣ же и подобныя условія. „Развѣ въ этомъ товариществѣ продолжаетъ тотъ же авторъ — уже не были уничтожены всякія отличія сословій и вѣроисповѣданія? Поэтому легко было сдѣлать еще шагъ дальше и такъ же уничтожить вся кіядругія рамки, отчуждающія человѣка отъ человѣка, или, если бы это не удалось, по крайней мѣрѣ ослабить и смягчить самыя вредныя ихъ стороны. Почему бы изъ этого товарищества не могъ образоваться, мало-по-малу, союзъ, въ которомъ братски встрѣчались бы люди всякихъ вѣроисповѣданій, сословій и климата? И если вся эта эпоха уже давно чувствовала потребность, чтобы этотъ чистый и свободный человѣкъ для своихъ новыхъ воззрѣній имѣлъ и осязательное выраженіе, новый культъ и обрядъ, гдѣ бы тѣ вещи, которыя могли казаться дѣломъ головы и пытливой мысли, стали также и дѣломъ фантазіи и сердца,—то здѣсь и были именно такіе осязательные символы и обряды... Дѣло состояло только въ томъ, чтобы этимъ стариннымъ словамъ, знакамъ и формамъ дать теперь новое значеніе и освѣтить ихъ въ духовномъ смыслѣ. Теперь надо было строить уже не внѣшній видимый храмъ, а храмъ внутренній и невидимый. Матеріаломъ для „королевскаго ремесла“ должны были служить съ этихъ поръ не дерево, не камень, или другія земныя средства и вещи, а жизнь и душа человѣка.—Сѣмена, заключавшіяся въ этомъ новомъ обществѣ, были, конечно, такъ плодотворны и жизненны, что нуженъ былъ только опытный и старательный уходъ нѣсколькихъ благородныхъ и умныхъ людей, чтобы довести ихъ до неожиданно высокаго развитія“.

Такіе люди нашлись въ Великой ложѣ, и отсюда началась исторія масонства, которое быстро распространилось по Европѣ, потому что вездѣ находило себѣ удобную почву въ общественныхъ отношеніяхъ, благопріятствовавшихъ его утвержденію тѣмъ или другимъ способомъ. Главнѣйшій документъ этого масонства есть знаменитая въ свое время „Книга Конституцій“ Андерсона (The book of Constitutions of the Free Masons, containing the History, Charges, Regulations etc., или также просто: „Old Charges“), утвержденная и принятая за основной законъ англійскими масонами въ 1723 г. Она заключаетъ въ себѣ руководящія нравственныя и общественныя идеи, которыхъ держалось и европейское масонство въ своихъ лучшихъ формахъ. Существенными чертами этого „стараго англійскаго“ масонства были — внѣшняя обрядность средневѣковыхъ ложъ, растолкованная и измѣненная въ символическомъ смыслѣ, и деистическія и филантропическія идеи XVIII столѣтія. Читая „Книгу Конституцій“, не трудно видѣть съ одной стороны присутствіе этихъ идей, а съ другой несомнѣнную близость новаго учрежденія со старымъ, —т. е. собственнаго масонства, какъ оно стало пониматься теперь, съ религіозно-ремесленными преданіями и обычаями средневѣковаго цеха каменьщиковъ. Въ текстѣ „Старыхъ обязанностей“ не одинъ разъ можно быть въ недоумѣніи о томъ, къ какому каменьщику обращаются эти правила: говорится-ли въ нихъ о ремесленникахъ и ихъ мастерахъ, или о масонахъ,—говорится-ли въ прямомъ смыслѣ, или иносказательно, символически. Мы остановимся на минуту на этихъ масонскихъ узаконеніяхъ, которыя дадутъ понятіе о первомъ характерѣ этого учрежденія.

Та часть „Конституцій“, которая посвящена опредѣленію общихъ внутреннихъ основаній масонства, политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ положеній его ученія, дѣлится на шесть отдѣловъ, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ [1]).

Отдѣлъ I, „О Богѣ и религіи“:

„Каменьщикъ обязанъ своимъ призваніемъ повиноваться нравственному закону, и если онъ хорошо понимаетъ свое искусство, то онъ не будетъ ни тупымъ отрицателемъ Бога, ни безбожнымъ развратникомъ. И хотя въ древнія времена каменьщики въ каждой странѣ были обязаны принадлежать къ религіи этой страны или этого народа, какова бы она ни была, но теперь сочтено лучшимъ обязывать ихъ только къ той религіи, въ которой всѣ люди согласны, и затѣмъ ихъ особенныя мнѣнія предоставить имъ самимъ; то-есть быть людьми добрыми и вѣрными, или людьми чести и честности, какими бы названіями или убѣжденіями

[1]) Выписки сдѣланы по тексту, напечатанному въ книгѣ Финделя, въ приложеніяхъ.—Другой памятникъ этого стараго масонства, „Общія постановленія“ Джорджа Пайна (1720 г.), заключаетъ только подробности чиноначалія и управленія ложъ.

они ни отличались. Черезъ это, масонство становится средоточіемъ соединенія и средствомъ основать вѣрную дружбу между людьми, которые безъ того должны были бы оставаться въ постоянномъ разъединеніи".

Отдѣлъ II, „О гражданской власти, высшей и подчиненной", говоритъ:

„Каменьщикъ, гдѣ бы онъ ни жилъ и работалъ, есть мирный подданный гражданскихъ властей, и онъ никогда не долженъ вмѣшиваться въ комплоты и заговоры противъ мира и благоденствія народа, ни нарушать своихъ обязанностей къ начальствамъ. Потому что какъ война, кровопролитіе и смуты всегда были вредны для каменьщичества, такъ съ древнихъ временъ короли и князья были очень склонны поощрять членовъ цеха, по причинѣ ихъ миролюбія и гражданской вѣрности, — чѣмъ они на дѣлѣ опровергали злословіе своихъ противниковъ, — и склонны были возвышать честь братства, которое всегда процвѣтало во времена мира. Поэтому, если бы братъ возмутился противъ государства, то его не слѣдуетъ поддерживать въ его мятежѣ; но должно сострадать о немъ, какъ о несчастномъ человѣкѣ" и пр. [1]).

Отдѣлъ III, „О ложахъ":

„Ложа есть мѣсто, гдѣ каменьщики собираются и работаютъ; поэтому такое собраніе или должнымъ образомъ устроенное общество каменьщиковъ называется ложею, и каждый братъ долженъ принадлежать къ ней и подчиняться какъ ея особеннымъ законамъ, такъ и общимъ постановленіямъ... Въ древнія времена ни одинъ мастеръ или членъ ложи не могъ отлучаться отъ нея, особенно если ему объявлено было, что онъ долженъ явиться въ ней, — иначе онъ подвергался строгому наказанію; нужно было, чтобы мастеръ или надзиратель ясно видѣлъ, что ему помѣшала дѣйствительная необходимость.

„Лица, которыя допускаются въ ложу какъ члены, должны быть люди добрые и вѣрные, свободные по рожденію, [2]) зрѣлаго и разсудительнаго возраста, не крѣпо-

[1]) Въ позднѣйшей редакціи „Конституцій" такой мятежникъ исключается изъ ложи.

[2]) Потому что въ старину несвободныхъ, крѣпостныхъ въ цехи не принимали.

стные, не женщины, не безнравственные или неприличные люди, но люди съ добрымъ именемъ".

Отдѣлъ IV, „О мастерахъ, надзирателяхъ, товарищахъ и ученикахъ":

„Всякое преимущество между каменьщиками основывается единственно на истинномъ достоинствѣ и собственной заслугѣ, на томъ, чтобы хозяевамъ постройки было хорошо услужено, чтобы братьямъ не было стыдно, и королевское ремесло (royal craft) не подверглось презрѣнію. Поэтому мастеръ или надзиратель выбирается вовсе не по лѣтамъ, а по своимъ заслугамъ. Эти вещи не возможно вполнѣ изложить на письмѣ, каждый братъ долженъ являться на своемъ мѣстѣ и изучать эти вещи тѣмъ способомъ, который свойственъ этому братству. Ищущіе могутъ знать только то, что ни одинъ мастеръ не можетъ принять ученика, если не имѣетъ для него достаточно занятія, и если это не есть совершенный юноша, безъ всякихъ уродливостей и тѣлесныхъ недостатковъ, которые могли бы сдѣлать его неспособнымъ изучить королевское ремесло, служить хозяевамъ своего мастера, сдѣлаться братомъ и въ свое время членомъ цеха, какъ скоро онъ прослужитъ извѣстное число лѣтъ, что предписываютъ обычаи страны...

„Ни одинъ братъ не можетъ быть надзирателемъ, если не былъ сначала членомъ цеха; ни мастеромъ, если не исполнялъ должности надзирателя, ни великимъ надзирателемъ, если не былъ прежде мастеромъ ложи, ни великимъ мастеромъ (гросмейстеромъ), если до своего избранія не былъ членомъ цеха. Гросмейстеръ долженъ также быть знатнаго происхожденія, или человѣкъ съ общественнымъ положеніемъ, или особенно высокаго образованія, или замѣчательный ученый, или искусный архитекторъ, или иной художникъ, происшедшій отъ достопочтенныхъ родителей, и при томъ, по мнѣнію ложъ, человѣкъ съ совершенно особенными, великими заслугами"...

Отдѣлъ V, „Объ управленіи цеха при работѣ":

„Всѣ каменьщики должны въ рабочіе дни работать честно, чтобы имъ можно было прилично жить въ праздничные дни; и должно быть наблюдаемо время, которое установлено законами страны или принято обычаями.

„Опытнѣйшій изъ товарищей цеха долженъ быть выбранъ или назначенъ мастеромъ, или главнымъ надзирателемъ надъ запасомъ хозяина, и тѣ, кто работаетъ подъ его надзоромъ, должны называть его мастеромъ. Товарищи цеха должны избѣгать всякихъ дурныхъ разговоровъ, а также не называть другъ друга невѣжливыми именами, а просто братомъ или товарищемъ, и въ ложѣ и внѣ ея обходиться ласково.

„Мастеръ, который знаетъ свое искусство въ ремеслѣ, долженъ брать у хозяина запасъ сколько можно дешевле и обходиться съ его имуществомъ такъ бережно, какъ если бы оно было его собственное; онъ не долженъ также давать брату или ученику больше платы, чѣмъ тотъ дѣйствительно заслужилъ...

„Всѣ принятые каменьщики должны принимать свою плату дружелюбно, безъ ропота и ссоръ, и не оставлять мастера до тѣхъ поръ, пока работа не будетъ окончена.

„Младшій братъ долженъ быть обучаемъ въ работѣ, чтобы онъ по недостатку пониманія не портилъ матеріала, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и сохранялась братская любовь.

„Всѣ инструменты, которые употребляются въ работѣ, должны быть одобрены отъ „Великой Ложи“...

Отдѣлъ VI, „О поведеніи братьевъ“, и именно, во-первыхъ, „въ ложѣ, когда она устроена“:

„Вы не должны держать особыхъ отдѣльныхъ собраній, ни вести отдѣльныхъ совѣщаній безъ позволенія мастера; ни говорить чего-нибудь не должнаго или неприличнаго, ни прерывать мастера или надзирателя, или другого брата, который говоритъ съ мастеромъ, вы не должны также дѣлать съ ними шутокъ или шалостей, когда ложа занята серьезными и торжественными вещами, ни говорить неприличнымъ образомъ подъ какимъ бы ни было предлогомъ; но вы должны оказывать должное высокое почтеніе своему мастеру, своимъ надзирателямъ и товарищамъ и уважать ихъ“.

Въ случаѣ жалобъ и споровъ обвиняемый, по правиламъ общества, долженъ быть судимъ самой ложей; обращаться къ обыкновенному суду, въ дѣлахъ каменьщичества, позволяется только тогда, когда сама ложа найдетъ это нужнымъ.

Во-вторыхъ, о поведеніи братьевъ, „когда ложа закрыта, но братья еще не разошлись“:

„Вы можете развлекаться невинными забавами и другъ друга угощать по силамъ, но при этомъ избѣгая всякой неумѣренности и не принуждая никого изъ братьевъ ѣсть или пить, когда у него нѣтъ охоты, и не мѣшая ему уходить, когда его вынуждаютъ къ этому свои дѣла. Вы не должны также ничего говорить или дѣлать, что бы могло оскорблять или нарушать непринужденное и свободное обхожденіе, потому что это разстроило бы наше согласіе и разрушило бы наши похвальныя намѣренія. Поэтому, никакая вражда или ссоры не должны быть приносимы къ дверямъ ложи, и еще менѣе какой-нибудь споръ о религіи, или о разныхъ народахъ, или устройствѣ государствъ; такъ какъ мы всѣ, какъ каменьщики, держимся только упомянутой выше всеобщей религіи, и, кромѣ того, мы бываемъ изъ всѣхъ народовъ, говоровъ, нарѣчій или языковъ, и мы рѣшительно противъ всякихъ политическихъ споровъ, такъ какъ подобные споры еще никогда не были и никогда не будутъ полезны для блага ложъ“...

Въ третьихъ, о томъ, какъ братья должны держать себя, „если встрѣтятся, хотя не при чужихъ, но не въ настоящей ложѣ“:

„Вы должны ласково привѣтствовать другъ друга, по наставленію, которое будетъ вамъ дано, должны называть другъ друга братьями, искренно давать другъ другу взаимное обученіе, насколько это окажется нужнымъ, не будучи наблюдаемы или подслушиваемы, и не превозносясь одинъ передъ другимъ и не уменьшая уваженія, которое подобало бы каждому брату, если бы онъ не былъ каменьщикомъ. Потому что, хотя каменьщики, какъ братья, всѣ равны между собою, но тѣмъ не менѣе каменьщичество нисколько не уменьшаетъ ни у кого той чести, какую онъ имѣлъ прежде, а напротивъ, оно еще увеличиваетъ его честь, особенно если онъ оказалъ услуги братству, которое должно отдавать честь тому, кому честь подобаетъ, и избѣгать дурныхъ нравовъ“.

Въ четвертыхъ, о поведеніи „въ присутствіи чужихъ, не каменьщиковъ“, — совѣтуется осторожность въ рѣчахъ и поступкахъ, чтобы чужой не узналъ того, чего не долженъ

знать, и совѣтуется избѣгать разговоровъ, касающихся братства.

Въ пятыхъ, „о поведеніи дома и съ сосѣдствомъ“, — предписывается поступать такъ, какъ прилично человѣку нравственному и мудрому, жить въ мирѣ съ друзьями и сосѣдями, заботиться о семьѣ, не предаваться пьянству и гульбѣ.

Въ шестыхъ, о поведеніи „съ чужимъ братомъ“:

Надо съ осторожностью изслѣдовать его качества, и если это вѣрный и истинный братъ, то надо принять его, оказать ему уваженіе и, если нужно, помощь. „Вы должны дать ему нѣсколько дней работы. Но вы не обязаны дѣлать сверхъ вашей возможности: вы должны только, при равныхъ обстоятельствахъ, предпочесть бѣднаго брата, когда это хорошій и вѣрный человѣкъ, всякому другому бѣдному человѣку“.

„Наконецъ, вы должны исполнять всѣ эти предписанія, а также и всѣ тѣ, которыя будутъ сообщены вамъ другимъ путемъ; вы должны исполнять братскую любовь, основной и послѣдній камень, цементъ и славу этого древняго братства, и избѣгать всякихъ раздоровъ и несогласій, всякой клеветы и злословія, и не дозволять другимъ клеветать на какого-нибудь достойнаго брата, но защищать его, и оказывать ему всѣ добрыя услуги, — сколько позволяетъ ваша честь и благополучіе, и не далѣе. И если кто-нибудь окажетъ вамъ несправедливость, то вы должны обратиться къ его или своей ложѣ,—и потомъ апеллировать, если надо, къ Великой Ложѣ. Вы никогда не должны обращаться къ суду и начинать тяжбы; если же это будетъ неизбѣжно и процессъ начнется, то это должно быть безъ гнѣва и ожесточенія, и вы не должны ничего говорить и дѣлать такого, что могло бы помѣшать братской любви и возобновленію и продолженію добрыхъ услугъ, чтобы всѣ могли видѣть благотворное вліяніе каменьщичества, какъ дѣлали съ самаго начала міра всѣ вѣрные каменьщики, и какъ они будутъ дѣлать до конца временъ“.

Таково содержаніе основного памятника масонства, составляющаго исходный пунктъ его новѣйшей исторіи. Онъ еще сохраняетъ на себѣ свѣжесть новаго учрежденія. Терминологія каменьщичества, такъ очевидно искусственная въ

ея дальнѣйшемъ употребленіи, здѣсь еще очень близка къ своему буквальному непосредственному смыслу. О нравственныхъ и религіозныхъ предметахъ говорится съ большой простотой: здѣсь нѣтъ и слѣда того аффектированнаго и притязательнаго мистицизма, который впослѣдствіи овладѣваетъ больше или меньше всѣми системами; нѣтъ преувеличенія братскаго союза: онъ понимается просто и здраво — это только взаимное уваженіе и обученіе, когда нужна помощь, но „не сверхъ возможности“.

Съ такимъ простымъ и не притязательнымъ характеромъ является старое англійское масонство. Первая пропаганда шла, вѣроятно, въ томъ же смыслѣ, и хотя масонство скоро начало подвергаться порчѣ, становиться дѣломъ моды или средствомъ интриги, но лучшіе люди и въ концѣ XVIII столѣтія оставались вѣрны первымъ нравственнымъ идеаламъ. Пропаганда имѣла чрезвычайный успѣхъ: въ двадцатыхъ годахъ масонскія ложи, кромѣ Ирландіи и Шотландіи, появляются уже во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Испаніи; въ тридцатыхъ — въ разныхъ краяхъ Германіи, въ Италіи, Швейцаріи, Португаліи, Польшѣ, даже Турціи и пр. Къ 1731 или 1732 относятъ первыя ложи въ Россіи. Фридрихъ Великій еще наслѣднымъ принцемъ былъ принятъ въ масоны въ Брауншвейгѣ; въ масонство вступили и многіе другіе государи Европы и лица изъ владѣтельныхъ домовъ — въ исторіи масонства извѣстны имена Густава III шведскаго, герцога Зюдерманландскаго, Фердинанда Брауншвейгскаго и т. д.

Не входя въ подробности исторіи масонства, замѣтимъ еще только нѣкоторыя обстоятельства, объясняющія его успѣхъ въ европейскомъ обществѣ. Мы видѣли, въ какихъ условіяхъ масонство сложилось въ Англіи. Подобныя условія дали ему дорогу и въ континентальную Европу. Здѣсь общество также подготовлено было къ деистическо-нравственному содержанію и не удовлетворялось существовавшими формами общественности, увлекалось оригинальнымъ нововведеніемъ,—хотя, какъ увидимъ, континентальныя ложи вскорѣ уже приняли новыя направленія и удалились отъ своего образца.

Русское масонство заимствовано было первоначально изъ англійскаго источника, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и впослѣдствіи особенно, оно подверглось также вліянію континен-

тальнаго масонства. Вслѣдствіе близкаго сосѣдства и другихъ обстоятельствъ, оно всего больше испытало вліянія нѣмецкаго масонства, о которомъ поэтому мы должны сказать нѣсколько словъ.

Германія съ самаго начала обнаружила большую ревность къ распространенію масонскихъ ложъ и ученій. Масонское движеніе существенно связывалось съ религіознымъ вопросомъ, и эта почва была въ Германіи особенно удобна: церковныя отношенія, господствовавшія послѣ реформаціи, не удовлетворяли ни свободному религіозному чувству, ни духу изслѣдованія, возбужденному реформой; католичество съ его слишкомъ мірской притязательностью и сухой протестанскій догматизмъ, переходившій въ невыносимую школьную рутину, съ другой стороны, вызывали реакцію въ обоихъ направленіяхъ. Поэтому, еще съ конца XVII вѣка, въ умственной жизни Германіи идутъ два параллельныя явленія: постоянно возрастающее вліяніе философіи свободныхъ мыслителей англійскихъ, французскихъ и голландскихъ (Декартъ, Спиноза, Локкъ, Толандъ), и рядомъ съ этимъ — чрезвычайное усиленіе направленія, долго господствовавшаго въ нѣмецкой литературѣ и обществѣ съ именемъ піэтизма. Въ извѣстномъ смыслѣ, свободное мышленіе и піэтизмъ выросли здѣсь изъ одного источника, какъ реакція противъ тягостнаго гнета въ вопросахъ нравственныхъ и религіозныхъ. Эта реакція давала двоякій исходъ для свободныхъ личныхъ стремленій, и произвела два враждебныя направленія, которыя впослѣдствіи, вступаютъ въ борьбу наполняющую XVIII-е столѣтіе — борьбу свободнаго мышленія съ мистическимъ туманомъ и фанатизмомъ. Одно изъ этихъ направленій, естественно, было принято болѣе смѣлыми и логическими умами, другое — умами, менѣе сильными и больше способными къ сантиментальному увлеченію. Въ эту борьбу вошли потомъ и политическіе элементы, такъ что къ концу XVIII-го вѣка, это броженіе идей представляло самую пеструю картину разнообразныхъ столкновеній. Въ началѣ столѣтія эти явленія еще только обозначались; умы находились въ тревожномъ исканіи и ожиданіи новыхъ принциповъ — официальное протестантство такъ мало удовлетворяло людей, что многіе уже въ это время переходили обратно въ католицизмъ; другіе успокаивались на раціонализмѣ, или скептической философіи, третьи впадали въ піэтизмъ. Исторія нѣмецкаго піэтизма далеко не ограничивается предѣлами церковныхъ отношеній; піэтизмъ не былъ одной опредѣленной школой, и своими различными оттѣнками могъ удовлетворять разнымъ степенямъ свободно-религіозныхъ стремленій, или мистическаго настроенія, и своими лучшими сторонами много способствовалъ улучшенію той церковной жизни, недостатки которой были первоначальнымъ предметомъ его оппозиціи. Въ различныхъ явленіяхъ піэтизма уже легко видѣть зародыши тѣхъ понятій, которыя мы находимъ потомъ въ масонствѣ и, вообще, онъ открывалъ дорогу и лучшимъ и худшимъ проявленіямъ масонства, его филантропіи и его мистической экзальтаціи. Піэтистъ Франке еще въ концѣ XVII-го столѣтія основываетъ знаменитый „Сиротскій домъ“, до сихъ поръ существующій въ Галле. Главнѣйшее литературное произведеніе піэтизма, знаменитая „Исторія церкви и ересей“ (1698—1700) Готфрида Арнольда, есть громадный ученый трудъ, направленный противъ безжизненнаго догматизма и нетерпимости протестантской ортодоксіи. Чтобы доказать, что его собственный піэтизмъ, преслѣдуемый протестантскими формалистами, и составляетъ истинную сущность христіанства, а господствующая іерархія — ея извращеніе, Арнольдъ старается доказать въ своей книгѣ, что истинное христіанство уже издавна находилось только въ преслѣдуемыхъ и подавляемыхъ актахъ. Книга, конечно, была односторонна, она преувеличиваетъ ошибки противниковъ, прикрашиваетъ слабыя стороны религіознаго фантазерства и мистицизма ересей, но тѣмъ не менѣе, она отвѣтила на потребности времени и возбудила самый оживленный интересъ. Понятно, что люди, затронутые книгой Арнольда, съ ожесточеніемъ напали на нее, но преслѣдуемые піэтисты приняли ее съ восторгомъ, и этотъ восторгъ представляетъ уже серьезное свидѣтельство о настроеніи общества. Далѣе въ піэтизмѣ началось и то мистическое фантазерство, которое, впослѣдствіи, овладѣваетъ масонскими ложами: піэтисты склонны были вѣрить въ тайныя силы природы, въ дѣланіе золота, въ добываніе жизненнаго элексира и т. п. — они думали, что Богъ обнаруживаетъ и здѣсь силу своихъ чудесъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ піэтистовъ конца XVII-го и начала

XVIII-го вѣка, Диппель, уже представляетъ собою примѣръ этой связи фантазерства религіознаго съ алхимическимъ: въ 1704 г. Диппель купилъ помѣстье, чтобы заняться тамъ алхиміей въ широкихъ размѣрахъ, и хотѣлъ расплатиться за покупку золотомъ, которое должна была дать ему алхимія. Съ конца XVII вѣка, въ средѣ піэтизма появляются и другіе спутники крайней экзальтаціи: являются вдохновенные, экстатики, духовидцы и т. п. Эти „возрожденные“ думали, что ихъ вѣра, широкая, какъ вѣра первыхъ христіанъ, даетъ имъ право видѣть и переживать такія же чудеса и сверхъестественныя видѣнія, какими ознаменованы первые вѣка; — немудрено, что они ихъ и видѣли. Наконецъ, послѣдней степенью піэтизма бывалъ и переходъ въ совершенно противную сторону, въ смѣлыя попытки свободнаго мышленія; очень любопытный психологическій примѣръ этой борьбы мысли представляетъ исторія замѣчательнаго эксцентрика и писателя этихъ временъ Эдельмана.

Такимъ образомъ, англійское масонство, предлагавшее болѣе или менѣе чистый деизмъ внѣ всякихъ конфессіональныхъ ограниченій и съ большимъ просторомъ для личныхъ стремленій, могло встрѣтить совершенно подготовленную почву: піэтизмъ, въ разрывѣ съ официальной теологіей и, въ своихъ лучшихъ представленіяхъ, проникнутый христіанской любовью, былъ близкимъ предшествіемъ масонства. Развитіе послѣдняго объясняется въ большой мѣрѣ также политическими и общественными условіями нѣмецкой жизни, гдѣ гнетъ политическій и общественный былъ еще тяжеле, чѣмъ конфессіональный, и гдѣ нравственное чувство мыслящаго человѣка еще сильнѣе могло возмущаться существовавшей дѣйствительностью. Въ началѣ XVIII-го вѣка еще не было той системы „просвѣщеннаго деспотизма“, которая въ послѣдней половинѣ этого столѣтія, если не уничтожила, то по крайней мѣрѣ, нѣсколько смягчила прежнее зло. Время, о которомъ мы говоримъ, было временемъ феодально-канцелярскаго режима; деспотическій произволъ множества мелкихъ владѣльцевъ (до наполеоновскихъ войнъ они считались въ Германіи сотнями) крайне истощалъ страну, которая должна была содержать множество большихъ и маленькихъ дворовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, терпѣть отъ тяжести налоговъ, отъ дурныхъ судовъ и администраціи, политическая жизнь вертѣлась на интригѣ и не допускала свободной публичности. Все это оказывало свое дѣйствіе: религіозное броженіе соединялось съ общественнымъ; потребность дѣйствовать для общаго блага производила филантропію піэтистовъ и развивала манію къ братствамъ и тайнымъ обществамъ; тягость общественнаго положенія поддерживала мечты о первоначальномъ христіанствѣ, — піэтисты вѣрили въ утвержденіе царства Христова на землѣ.

Понятно изъ этого, что англійское масонство могло получить интересъ для подобной среды, и явившись въ Германію готовымъ учрежденіемъ, со всѣми аттрибутами высокихъ нравственныхъ цѣлей, таинственности и ритуала, оно должно было имѣть и дѣйствительно имѣло чрезвычайный успѣхъ. Самые искренніе, наиболѣе доброжелательные люди могли искать въ немъ отвѣта на вопросы времени: символическая іерархія представляла перспективу высшихъ знаній и высшей добродѣтели. Уже въ первое время распространенія ложъ въ Германіи въ числѣ адептовъ масонства являются владѣтельныя лица, въ первый разъ между людьми, раздѣленными общественнымъ положеніемъ, является сближеніе въ интересахъ личной и общественной нравственности и человѣколюбія.

Подобныя условія нашло масонство и въ другихъ странахъ Европы. Вездѣ оно встрѣчало церковный и политическій гнетъ, который вызывалъ въ образованной части общества нравственную реакцію; масонская ложа удовлетворяла развивавшейся потребности въ болѣе свободныхъ религіозныхъ взглядахъ о болѣе свободныхъ общественныхъ броженіяхъ; ея таинственныя формулы и обряды были заманчивы по своей новизнѣ и на первое время встрѣчали больше довѣрія, чѣмъ впослѣдствіи. Всему этому и надо, вѣроятно, приписывать быстрое распространеніе масонства на европейскомъ континентѣ.

Естественно, что новое учрежденіе, хотя и намѣренно удалявшееся отъ всякаго вмѣшательства въ политическіе предметы, заявлявшее полную покорность властямъ, тѣмъ не менѣе вызвало вражду и нападенія; потому что при всей скромности своихъ правилъ, оно заявляло новыя понятія и нарушало старые обычаи. Масонское общество или „орденъ“, какъ оно стало потомъ называться, уже вскорѣ должно

было защищаться отъ обвиненій, какія поднимались противъ него съ разныхъ сторонъ. Мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ одной подобной апологіи, которая доставитъ намъ образчикъ того, какъ говорилъ о себѣ самъ орденъ, и какія мнѣнія складывались о немъ въ это первое время. Мы возьмемъ для этого одну изъ самыхъ старыхъ апологій масонства, вышедшую въ 1742 г. [1]). Хотя масонское общество называется здѣсь орденомъ—вещь новая, а въ одной пѣснѣ, приложенной въ концѣ книги, уже упоминается chevalier de l'Aigle, одна изъ первыхъ выдуманныхъ „высшихъ степеней", но въ общемъ характерѣ книги остаются еще черты стараго масонства и тѣ простые взгляды на цѣль учрежденія, какіе должны были существовать при первомъ распространеніи его за предѣлы цеха, въ высшіе слои общества.

Въ своей защитѣ авторъ старается опровергнуть возраженія и обвиненія противъ масонства, уже возбуждавшаго подозрѣнія своей оргинальностью и таинственностью. Эти возраженія и обвиненія были тѣ, что масонство можетъ быть противно религіи вообще или отдѣльнымъ исповѣданіямъ; что его таинственность заставляетъ подозрѣвать какую-нибудь тайную безнравственность; что оно можетъ скрывать партію, противную властямъ; что масонство можетъ облегчать заговоры; что многіе члены общества ведутъ себя дурно и т. д.; наконецъ, что тайна общества не нарушается членами его изъ страха тайнаго убійства. Опровергнувъ всѣ эти подозрѣнія, авторъ Апологіи на вопросъ о цѣли ордена отвѣчаетъ такимъ образомъ:

„Я думаю,—говоритъ онъ,—что публика вправѣ сдѣлать намъ этотъ вопросъ; а мы, если есть какія-нибудь выгоды быть членами этого ордена, мы обязаны не скрывать ихъ: итакъ я считаю восемь главныхъ выгодъ:

„I. Орденъ соединяетъ въ одномъ духѣ мира и братства всѣхъ своихъ членовъ, какой бы партіи они ни были и въ какомъ бы исповѣданіи ни были воспитаны: такъ что каждый, оставаясь вѣренъ и ревностенъ къ своему собственному

[1]) Apologie pour l'Ordre des Francs-maçons. Par Mr N*** membre de l'ordre avec deux Chansons composés par le frère Americain. A la Hayl, chez Pierre Gosse et à Dresde, chez george Conrad Walther. 1742 (Клоссъ № 276.

исповѣданію, съ неменьшимъ жаромъ любитъ братьевъ, которые, правда, раздѣлены различіемъ въ объясненіи догматовъ и въ обрядахъ богослуженія, но которые однако же, каждый въ своемъ исповѣданіи, питаютъ ту же надежду и то же довѣріе къ вѣчной жертвѣ Бога, восхотѣвшаго умереть за нихъ. Это соединеніе тѣмъ болѣе удивительно, что оно могло бы показаться невозможнымъ, если бы опытъ, постоянно повторяющійся въ орденѣ, не доказывалъ, что это соединеніе дѣйствительно существуетъ въ немъ; это — соединеніе сердца, какого всегда желали самые мудрые и самые благочестивые люди, если нѣтъ соединенія въ догматахъ.

„II. Орденъ дѣлаетъ братьями вельможъ и простыхъ людей (des Grands et des Petits); онъ сближаетъ ихъ другъ съ другомъ, не смѣшивая ни имущества, ни сословій, въ чемъ онъ умѣлъ избѣжать опасности, въ которую впали нѣкоторые христіане послѣднихъ вѣковъ, которые хотѣли основать общность имущества между всѣми людьми, или, по крайней мѣрѣ, между всѣми людьми ихъ мнѣній,—вещь, совершенно неисполнимая, если бы ихъ общество стало многочисленно. Здѣсь знатный хочетъ уничижиться и сдѣлаться братомъ простого человѣка, и публично почтить его этихъ именемъ; онъ помогаетъ и покровительствуетъ ему во всѣхъ случаяхъ, справедливыхъ и согласныхъ съ правилами милосердія. Но если знатный хочетъ снизойти до незнатнаго, этотъ послѣдній рано научается не допускать въ себѣ гордости, не злоупотреблять братствомъ, столько для него лестнымъ и столько способнымъ утѣшить его въ посредственности его состоянія,—не забывать того, чѣмъ онъ обязанъ тому, что превосходитъ его положеніемъ, происхожденіемъ и средствами. Онъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ и вѣрностію исполняетъ тѣ справедливыя и разумныя услуги, которыхъ знатный отъ него требуетъ, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ это для брата, и брата признательнаго. Наконецъ, знатные и незнатные всѣ обязаны, каждый по своему положенію, взаимно содѣйствовать общему благу и счастію, и мало того, довольно рѣдко случается видѣть, чтобы эта обязаность пренебрегалась.

„III. Всѣ славные ордены, установляемые государями, составляютъ удѣлъ знатныхъ, недоступный для простыхъ

людей; орденъ, о которомъ мы говоримъ, возвращаетъ послѣднихъ остальнымъ людямъ, безразлично допуская ихъ на ряду съ самыми знатными лицами.

„IV. Всякій членъ ордена имѣетъ право войти во всѣ ложи міра, это выгода, которая, за недостаткомъ болѣе специальной рекомендаціи, доставляетъ владѣющему ей одно изъ самыхъ легкихъ средствъ познакомиться со многими хорошими людьми, и которая, въ случаѣ непредвидѣннаго несчастія, какъ воровство, кораблекрушеніе и т. п., даетъ ему возможность найти помощь у братьевъ, пока онъ успѣетъ оглядѣться (de se reconnaitre), и извлечь изъ своихъ собственныхъ дарованій средства существованія; или, если онъ иностранецъ и имѣетъ ресурсы въ своемъ отечествѣ, пока онъ успѣетъ получить оттуда, что нужно, для исполненія своихъ плановъ, которые побудили его къ путешествію.

„V. Удовольствіе узнавать братьевъ, хотя и въ чужой странѣ, языкъ которой неизвѣстенъ, и никогда не видѣвши этихъ братьевъ прежде, узнавать посредствомъ языка и знаковъ, употребляемыхъ въ орденѣ повсемѣстно: этотъ языкъ и знаки служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому, чтобы отличить брата отъ какого нибудь другого человѣка, который бы захотѣлъ ложно воспользоваться этимъ именемъ.

„VI. Удобство въ очень короткое время узнать знаки и выраженія, составляющіе этотъ своего рода универсальный языкъ. Средство, которое, за незнаніемъ языка страны, даетъ возможность понять и узнать другъ друга, въ какомъ бы мѣстѣ міра мы ни нашли братьевъ ордена.

„VII. Болѣе общая выгода состоитъ въ томъ, что если единство и братство въ извѣстныхъ отношеніяхъ простираются только на братьевъ самого ордена, то вмѣстѣ съ тѣмъ братья обязываются оказывать помощь и содѣйствіе всѣмъ другимъ людямъ, насколько позволяютъ имъ средства,—и дѣлать это, не обращая вниманія на религію или отечество этихъ людей, но по мѣрѣ той нужды, какую несчастные могутъ въ этомъ имѣть.

„VIII. Наконецъ, самыя обязательныя правила братьевъ составляютъ, 1) исполненіе: обязанностей къ Богу, —каждый дѣлаетъ это смотря по тому, что предписываетъ христіанская религія вообще и, въ частности, то изъ христіанскихъ

исповѣданій, въ которомъ онъ выросъ; 2) неизмѣнная вѣрность государю, или въ качествѣ его природнаго подданнаго, или пріобрѣтеннаго, или, наконецъ, въ качествѣ человѣка, живущаго въ его государствѣ и пользующагося публичной безопасностью подъ его покровительствомъ; 3) любовь къ своему собственному семейству и забота о немъ; 4) милосердіе, всегда готовое дѣйствовать въ пользу ближняго, подъ именемъ котораго разумѣются по началамъ христіанской вѣры всѣ люди, не исключая и самыхъ враговъ [1]).

Но такое положеніе вещей сохранялось, повидимому, очень недолго. Новая среда должна была оказать свое вліяніе на характеръ общества и когда оно пріобрѣло обширный кругъ членовъ, оно скоро подверглось различнымъ искаженіямъ. Въ Англіи масонство стояло выгоднѣе, потому что было до нѣкоторой степени естественнымъ продолженіемъ стараго учрежденія и существовало въ обществѣ болѣе свободномъ. Здѣсь обстоятельства были иныя, оно легче подпадало постороннимъ вліяніямъ, ему легче было подставить другія цѣли, чѣмъ тѣ, какія въ немъ собственно были.

Во-первыхъ, орденъ представлялъ только немногіе положительные пункты содержанія, онъ не имѣлъ строго опредѣленной системы понятій и при каждомъ переходѣ въ новую обстановку орденъ долженъ былъ опредѣляться характеромъ самихъ людей. Масонство представляло внѣшнія формальности, проповѣдовало нравственную „работу“ надъ „камнемъ“, взаимную братскую помощь, — но ближайшее опредѣленіе его тенденцій и ихъ практическое исполненіе могло быть очень разнообразно. Поэтому къ ордену могли принадлежать и люди довольно свободныхъ религіозныхъ мнѣній, раціоналисты, отдѣлившіеся отъ оффиціальной церковности или равнодушные къ ней, и піэтисты со всѣми ихъ увлеченіями; здѣсь были и люди просвѣщенные, и здѣсь же, какъ увидимъ, могли найти себѣ пріютъ всевозможное мистическое шарлатанство и крайній обскурантизмъ. Наконецъ, въ орденѣ, вѣроятно также рано, явились и люди совершенно пустые, которые искали въ немъ одного развлеченія и застольныхъ удовольствій; или люди, избалованные аристократической лѣнью и желавшіе, цѣною нѣсколькихъ формаль-

[1]) Стр. 110—117.

ностей, достигнуть высшаго знанія, на которое имъ не хотѣлось потратить времени, нужнаго для серьезнаго образованія.

Наконецъ, существенно подѣйствовали на орденъ разныя, между прочимъ, политическія интриги и простой обманъ.

Прежде всего это обнаружилось въ основаніи и распространеніи такъ называемыхъ высшихъ степеней.

Исторія ихъ до сихъ поръ темна и запутана. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что масонскіе руководители начали утверждать, что три извѣстныя масонскія степени не заключаютъ въ себѣ всей той мудрости и таинственнаго ученія, какими владѣетъ масонство, что эти ученія сообщаются въ высшихъ степеняхъ, слѣдующихъ за степенью мастера. Когда разъ поданъ былъ примѣръ новаго изобрѣтенія, оно распространилось чрезвычайно быстро; въ масонствѣ размножились различныя „системы“, и за исключеніемъ англійскаго масонства, не осталось масонскаго союза, который бы не былъ преисполненъ высшими степенями.

Высшія степени легко прививались къ масонству потому уже, что масонство постоянно говорило о тайнѣ и основывалось на легендѣ, которая способна была къ развитію и варіаціямъ. Символическая тайна ремесленнаго каменьщичества, въ новой формѣ масонства, стала тайной нравственнаго знанія, которой масонская легенда давала смыслъ тайнаго ученія, будто бы переходившаго съ древнѣйшихъ временъ, отъ одного поколѣнія избранныхъ людей къ другому. Первая исторія ордена, помѣщенная при „Конституціяхъ“ Андерсена (1723 г.), уже ссылалась обстоятельно на древнія времена и ихъ высокую мудрость. Если тайна масонства принадлежала только избраннымъ, и если вся глубина ея доставалась только немногимъ, то понятно, что начавъ съ этого, можно было, наконецъ, эксплуатировать эту „тайну“, и притомъ въ любомъ желаемомъ смыслѣ. Разъ убѣжденный и легковѣрный масонъ становится искателемъ этой тайны, и людямъ съ нѣкоторою изобрѣтательностью и знаніемъ масонскихъ пріемовъ не трудно было сочинять новые градусы, сверхъ трехъ общепринятыхъ. Эти новые „градусы“ появляются вообще около 1740 г. или немного раньше, и первая эксплуатація масонства, какъ говорятъ, началась подъ іезуитскими вліяніями, когда масонству хотѣли дать скрытую

цѣль возстановленія Стюартовъ. Первымъ источникомъ „высшихъ степеней“ были французскія ложи, или англійскія ложи во Франціи. Шотландецъ Рамзай (1686—1743), воспитатель и приверженецъ претендента Карла Эдуарда Стюарта (Іаковъ III), считается вообще основателемъ высшихъ степеней; онъ первый имѣлъ въ этомъ смыслѣ рѣшительное вліяніе и поставилъ масонство въ связь съ крестовыми походами и мальтійскимъ рыцарствомъ. Нѣсколько позднѣе стали выдавать его за прямое продолженіе и наслѣдіе тампліерства или храмовыхъ рыцарей, которые были будто бы спеціальными хранителями и служителями древней „тайны“. Рыцарство или рыцарскія степени стали съ этихъ поръ почти всеобщей принадлежностью высшихъ степеней. Масонское общество начинаетъ (около 1740 г.) называться орденомъ.

Само собою разумѣется, что историческая преемственность, которую утверждали новѣйшіе рыцари, требовала доказательствъ; необходима была исторія ордена, и дѣйствительно явились цѣлыя поддѣльныя исторіи съ разными варіаціями по разнымъ „системамъ“. Такъ, напр., сочинена была цѣлая исторія тампліерства, въ которой перечислены были всѣ мнимые гермейстеры ордена, отъ Якова Моле, сожженнаго въ XIV столѣтіи, до барона фонъ-Гунда, который въ 1751 году вообразилъ себя гермейстеромъ возобновленнаго тампліерства. Изобрѣтатели подложныхъ исторій должны были, конечно, заботиться объ исторической вѣроятности своихъ разсказовъ; для этого они рылись и въ дѣйствительной исторіи, придумывая, вѣроятно, комбинаціи событій, собирая таинственные символы и преданія. Впослѣдствіи знатоки дѣла, какъ напр. Николаи, нападали на слѣды поддѣлокъ и отыскивали мнимыя тайны, сохранившіяся будто бы по преданію только въ орденѣ,—въ печатныхъ археологическихъ книгахъ XVII столѣтія, но на первое время и въ той мало ученой публикѣ, къ которой обращались прежде всего эти изобрѣтенія, поддѣлки и не подозрѣвали, и ея отчетливость усиливала убѣжденіе новыхъ адептовъ въ великой древности и старой славѣ ордена. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы видѣть поддѣлку, надо было быть ученымъ археологомъ, надо было напасть на тѣ же книги, обыкновенно рѣдкія и забытыя, которыми пользовались изобрѣтатели,—а гдѣ же можно было найти такую ученость между французскими

сеньорами, нѣмецкими баронами и купцами (не говоря уже о старыхъ русскихъ барахъ и среднемъ дворянствѣ), изъ которыхъ набирался главный контингентъ ордена? Впослѣдствіи въ этомъ новомъ усовершенствованномъ масонствѣ не разъ открывались самые наглые обманы, такого и подобнаго рода,—но первое впечатлѣніе было уже сдѣлано, и легковѣріе находило себѣ выходы, относя обманъ только къ отдѣльнымъ дурнымъ людямъ, или къ одному частному случаю, и продолжало держаться прежняго.

Такъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ держалось мнимое „тампліерство“, въ разныхъ своихъ формахъ имѣвшее поклонниковъ и у насъ. Около половины XVIII-го столѣтія нѣмецкій масонъ, баронъ Гундъ, вступилъ въ Парижѣ въ сношенія съ англійскимъ претендентомъ (это былъ уже третій претендентъ, Карлъ-Эдуардъ) и его совѣтниками, и здѣсь рѣшена была новая интрига. Для приданія Клермонской системѣ большей важности, пущена была въ ходъ исторія (для которой сфабриковали фальшивыя грамоты и пергаменты) о непосредственномъ происхожденіи этого масонства отъ знаменитаго средневѣковаго ордена Тампліеровъ. Это была извѣстная въ исторіи масонства система „строгаго наблюденія“ (stricta observantia), которая, при крайнемъ легковѣріи адептовъ, нашла въ Германіи множество ревностныхъ приверженцевъ. Баронъ, повидимому, имѣлъ при этомъ свои соображенія: интересы Карла-Эдуарда отступали на второй планъ, и въ виду имѣлось сдѣлать изъ масонства настоящій рыцарскій союзъ дворянства, и покамѣстъ союзъ еще не основался въ полной формѣ, Гундъ, какъ говорятъ, умѣлъ извлечь выгоды изъ своей масонской индустріи [1]).

[1]) Такъ какъ „Тампліерство“ играетъ извѣстную роль въ нашемъ масонствѣ, то мы приведемъ нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей объ этомъ орденѣ, разсказываемыхъ Мовильономъ (который самъ былъ въ числѣ посвященныхъ) въ его „Исторіи Фердинанда Брауншвейгскаго“:

„Гундъ показалъ полномочіе, будто бы полученное имъ отъ истинныхъ хранителей и преемниковъ тайны тампліерства, и назначавшее его провинціальнымъ гросмейстеромъ всей Германіи и сѣвера. Онъ самъ составилъ себѣ орденскій совѣтъ изъ членовъ, которыхъ содѣйствіе считалъ особенно нужнымъ и полезнымъ для достиженія своей цѣли. Этимъ способомъ и нѣкоторыми другими средствами дѣло пріобрѣло большой успѣхъ. Въ самомъ тайномъ кружкѣ этого союза былъ введенъ весь церемоніалъ и все устройство рыцарскаго ордена... при раздачѣ степеней, онъ соображался съ происхожденіемъ, связями, богатствомъ... Эта система отдѣлилась отъ всѣхъ вѣтвей масонства, и правители ея требовали отъ подчиненныхъ имъ ложъ, чтобы онѣ не допускали въ свой составъ никакихъ другихъ братьевъ изъ другихъ ложъ,—какъ дѣлаютъ люди, ожидающіе и надѣющіеся получить большія богатства, относительно всякого, кто желалъ бы получить долю вмѣстѣ съ ними... Видя, что множество богатыхъ и знатныхъ людей ревностно предавались этой отрасли масонства, очень многіе стремились попасть въ ихъ общество. Но доступъ былъ не легокъ и открытъ далеко не каждому: особеннымъ затрудненіемъ были огромныя издержки и правило, по которому принимались въ члены почти только богатые люди, чтобы ихъ приношеніями покрывались расходы и составлялись капиталы. Разумѣется, съ перваго взгляда видно, что вся эта продѣлка была обманомъ“. (Шлоссеръ. Ист. Восемн. Стол., т. III).

Не мудрено, что когда поданъ былъ первый примѣръ такой эксплуатаціи или такихъ украшеній масонства, этотъ примѣръ нашелъ немало послѣдователей, отчасти фантазеровъ, которые и сами до нѣкоторой степени вѣрили въ выдумки, отчасти простыхъ обманщиковъ. Такъ послѣ тампліерства является шведское масонство, система Циннендорфа, „Клерикатъ“, Розенкрейцерство и т. д. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ масонскія дѣла находились въ особенномъ оживленіи, и въ средѣ ложъ происходили усиленныя интриги и волненіе: въ масонство проникаютъ новыя формы мистицизма и новые извращающіе элементы. Изъ новыхъ масонскихъ сектъ для исторіи русскихъ ложъ особенный интересъ представляетъ нѣмецкое розенкрейцерство или „орденъ златорозоваго креста“. Это была первоначально темная мистическая и каббалистическая секта, заявившая о себѣ еще въ началѣ XVII-го столѣтія; теперь вздумали возобновить ее, приписывая розенкрейцерству древнее происхожденіе, будто бы доходившее до самого Адама. Розенкрейцеры хвалились глубокимъ знаніемъ теософіи и тайнъ природы, перешедшимъ къ ихъ ордену по преданію отъ древнѣйшихъ временъ, и во второй половинѣ XVIII-го вѣка успѣли занять въ нѣмецкихъ ложахъ вліятельное мѣсто. Розенкрейцеры выдавали свои познанія за высшія степени обыкновеннаго масонства; этихъ степеней стали всѣми силами добиваться простодушные люди, искренно искавшіе разрѣшенія вопросовъ о божествѣ, человѣкѣ и

природѣ,—люди, которые не въ состояніи были разъяснить себѣ этихъ вопросовъ путями научнаго знанія, и потому совершенно безоружно отдавались во власть самаго безграничнаго мистицизма. Мы увидимъ, что „розенкрейцерскія степени“—главнѣйшимъ раздавателемъ которыхъ былъ подъ конецъ столѣтія прусскій министръ Вёльнеръ, въ Берлинѣ—были предметомъ горячихъ стремленій и для нашихъ масоновъ.

Въ розенкрейцерствѣ масонство, первоначально либерально-деистическое, становилось сектой крайнихъ мистиковъ и потому обскурантовъ. Къ этому извращенію масонства присоединились, какъ утверждаютъ, и іезуитскія интриги. Мы видѣли, что іезуиты уже при первомъ появленіи масонства на континентѣ, съумѣли попасть въ него и захватить часть его въ свои руки; баронъ Гундъ также стоитъ къ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. — Орденъ дѣйствительно могъ казаться для іезуитовъ удобнымъ средствомъ для различныхъ цѣлей: онъ могъ доставлять многочисленныя связи, съ помощью которыхъ можно было обдѣлывать разныя нужныя дѣла; онъ могъ приносить имъ и болѣе обширную пользу, потому что масонство, съ развитіемъ его теософско-мистическаго вздора, могло успѣшно служить для помраченія головъ, къ которому они всегда стремились. Интриги іезуитовъ въ этомъ смыслѣ въ особенности усилились при запрещеніи ордена (1773 г.): запрещеніе уничтожило его оффиціальныя формы, но, конечно, не уничтожило людей и ихъ коренныхъ стремленій; множество эксъ-іезуитовъ, явныхъ и тайныхъ, сохранили вліятельныя положенія, особенно придворныя, при которыхъ имъ было очень удобно работать втихомолку для возвращенія прошедшаго и для поддержанія принципа.

Отчасти въ связи съ іезуитскими продѣлками стоитъ и необычайное развитіе шарлатанства. Весьма крупными шарлатанами были уже и сами основатели тампліерства или розенкрейцерства; но были люди, еще болѣе нагло промышлявшіе мнимой масонской мудростью или мистическими чудесами. Таковы были, напр., знаменитый въ свое время дармштатскій оберъ-гофпредигеръ Штаркъ, изобрѣтатель тампліерскаго „клериката“, или мнимой духовной отрасли этого масонскаго рыцарства; или пасторъ Роза, проповѣдывавшій каббалистическую философію въ іенской ложѣ, которая пріобрѣла этимъ большую славу. Таковъ былъ и извѣстный въ лѣтописяхъ масонства Джонсонъ (собственно Беккеръ, или Лейксъ), который выдавалъ себя за посланнаго отъ высшихъ орденскихъ властей Шотландіи въ Германію, для преобразованія масонства. Ему удалось собрать съ этой цѣлью братьевъ „строгаго наблюденія“ на масонскій конгрессъ въ 1764 г. Здѣсь выбранъ былъ гросмейстеромъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій. Джонсонъ утверждалъ, что его преслѣдуетъ по пятамъ Фридрихъ Великій; поэтому, на конгрессѣ онъ разставилъ братьевъ на стражу въ полномъ тампліерскомъ вооруженіи, и, покамѣстъ эти патрули разъѣзжали, а остальные братья занялись пустыми церемоніями, Джонсонъ сдѣлался невидимъ—вмѣстѣ съ кассой ордена. Противъ этого чуда были однако приняты мѣры: Джонсонъ былъ изловленъ и посаженъ въ Вартбургъ,—потому, вѣроятно, что обманывалъ уже слишкомъ крупныхъ людей. Наконецъ, подъ фирмой масонства стали совершаться шарлатанства неслыханныхъ дотолѣ размѣровъ; орденъ становился гнѣздомъ самаго наглаго обмана и пошлаго невѣжества. Въ немъ пропадали послѣднія искры его первоначальнаго характера, и онъ все больше становился на дорогу мистическаго фанатизма, злобной вражды къ просвѣщенію и эксплуатаціи невѣжества и дурныхъ страстей. Въ то же время, когда патеръ Гаснеръ, стоявшій въ ближайшемъ отношеніи къ іезуитамъ, совершалъ свои чудесныя исцѣленія, доходившія до настоящаго скандала, но, впрочемъ, приводившія въ восторгъ Лафатера [1]),—въ средѣ самого ордена происходили не менѣе дикія вещи: одни были духовидцы, по Сведенборгу; другіе обращали на мистическія цѣли животный магнетизмъ, провозглашенный тогда Месмеромъ; содер-

[1]) Этотъ оракулъ тогдашняго моднаго свѣта отличался самымъ нелѣпымъ легковѣріемъ; онъ не только находился въ сантиментально-мистической перепискѣ съ Гаснеромъ, но и вѣрилъ въ шарлатанскія чудотворенія Каліостро. „Кто былъ бы выше его,—восклицалъ Лафатеръ,—если бы онъ понималъ простоту Евангелія“! Въ 1781 г. онъ посѣтилъ Каліостро въ Страсбургѣ, но Каліостро принялъ его довольно жестко и сказалъ ему слѣдующее: „Если изъ насъ двоихъ больше знаете вы, то я вамъ вовсе не нуженъ; если же больше знаю я, то вы мнѣ вовсе ненужны“. Лафатеръ долженъ былъ понять, на какую доску ставилъ его Каліостро; но онъ не исправился и послѣ.

жатель кофейной въ Лейпцигѣ, Шрёпферъ, занимался вызываніемъ духовъ; розенкрейцеры занимались алхиміей и магіей; наконецъ, стоитъ назвать имена Сенъ-Жермена, Казановы, Каліостро, чтобы показать размѣры мистификаціи, обходившей всю Европу и опять выбиравшей орденъ сценой своихъ подвиговъ. Каліостро выдумалъ даже, для большаго удобства своихъ представленій, особый, „древнеегипетскій орденъ", основателями котораго онъ называлъ уже не меньше, какъ Еноха и Илію, и находилъ простяковъ, которые шли къ нему. Были, правда, и теперь люди, проникнутые искренней любовью къ человѣчеству и старавшіеся возвратить ордену его прежній нравственный характеръ; но эти люди были пока безсильны противъ мистическаго помраченія. Мы увидимъ дальше, что это извращенное положеніе вещей отразилось своими вліяніями и на тѣхъ людяхъ нѣмецкаго общества, которые хотѣли бороться съ іезуитами и обскурантами: иллюминатство, основанное съ этой послѣдней цѣлью, заимствовало отсюда многія свои непривлекательныя черты.

Чтобы закончить характеристику этого положенія вещей бросающаго много свѣта и на складъ тогдашняго русскаго масонства,—мы приведемъ нѣсколько сужденій Шлоссера, который былъ близокъ къ эпохѣ этого удивительнаго броженія умовъ и, по своей общей точкѣ зрѣнія, можетъ быть признанъ вполнѣ компетентнымъ судьей. Начиная свой разсказъ о разныхъ тайныхъ орденахъ въ Германіи во второй половинѣ XVIII-го вѣка, онъ говоритъ:

„Большинство всѣхъ тѣхъ людей, о которыхъ мы будемъ разсказывать, не были ни шарлатанами въ тѣсномъ смыслѣ слова, ни людьми пустыми, ни совершенно презрѣнными людьми (какъ баронъ Книгге), думавшими только о выгодѣ и житейскихъ удобствахъ, отрицавшими и презиравшими все высокое и благородное въ человѣкѣ, —большинство главныхъ дѣятелей въ этихъ обществахъ было вовсе не таково... Эти люди и эти ордена, съ ихъ пристрастіемъ къ таинственнымъ церемоніямъ и ученіямъ, представляются намъ не столько виновниками, сколько результатами медленно развивавшагося новаго порядка вещей, слѣдовательно, представляются средствами и орудіями вѣчнаго хода судебъ, порождающаго и уничтожающаго міры, пользующагося то

формою для выработки содержанія, то содержаніемъ для выработки формы...

„Почти всѣ основатели тайныхъ обществъ старались пользоваться для своихъ цѣлей символами, гіероглифами и ложами масоновъ, и невинныя игрушки этого тайнаго общества часто употреблялись во зло. Обрядъ принятія въ члены, съ клятвами и торжественностью, повышеніе изъ степени въ степень, подчиненіе однихъ другимъ,—все это привлекало въ орденъ членовъ; символы и гіероглифы возбуждали въ простякахъ и глупцахъ надежду получить за свои деньги знаніе важныхъ тайнъ; ловкіе люди, сластолюбцы и авантюристы искали и находили въ орденѣ покровителей, протекцію, рекомендацію, свѣтскія удовольствія, пріятность которыхъ усиливалась замкнутостью для непосвященныхъ. Скептикъ могъ говорить въ ложахъ свободнѣе, чѣмъ въ простомъ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ слѣдила за нимъ государственная и церковная полиція. Люди, хотѣвшіе пользоваться орденомъ для своихъ выгодъ, завлекали своихъ масонскихъ братьевъ, придумывая формы „строгаго" и „слабаго наблюденія", циннендорфства и розенкрейцерства, мартинизма, тампліерства и т. д.

„Принцы, графы, бароны, праздношататели и богачи искали въ тайныхъ обществахъ философскаго камня и пріобрѣтаемой безъ труда мудрости,—эти привиллегированные въ гражданскомъ быту люди хотѣли получать и знаніе по привиллегіи... Люди, находящіе слишкомъ обременительнымъ медленный, предписанный человѣку Провидѣніемъ путь къ цѣли всѣхъ человѣческихъ стремленій, посредствомъ труда, усилій, мышленія, всегда возлагали свою надежду на внезапное раскрытіе тайны извѣстныхъ знаковъ и символовъ.

„Самъ Фридрихъ Великій, при окончаніи Силезской войны, еще принадлежалъ къ ордену, и вышелъ изъ него лишь незадолго передъ Семилѣтней войной, въ ту самую эпоху, когда начали злоупотреблять орденомъ для всякихъ обмановъ, и запретилъ посѣщать ложи своимъ министрамъ, бывшимъ членамъ ордена. Обманщики стали пользоваться ложами и тайнами масоновъ еще въ 1760—70 годахъ, и нѣкоторые изъ этихъ людей пріобрѣли огромное вліяніе на орденъ, имѣвшій тогда множество членовъ... Мечтатели и плуты находили для себя большое удобство пользоваться

для своихъ цѣлей орденомъ, который, по своему устройству, только немногимъ посвященнымъ давалъ ключъ таинственнаго тумана... Такъ называемое масонство „строгаго наблюденія“ сдѣлало многихъ нѣмецкихъ государей, бароновъ и и графовъ орудіями и жертвами плутовъ; нѣкоторые, напримѣръ, храбрый Фердинандъ Брауншвейгскій, не образумились и тогда, когда всѣ обманщики, одинъ за другимъ, были публично разоблачены.

„Эксъ-іезуитамъ,—замѣчаетъ Шлоссеръ о томъ же предметѣ въ другомъ мѣстѣ,—была очень пріятна и полезна мечтательность, появившаяся тогда между протестантами, какъ реакція противъ легкомыслія энциклопедистовъ... Наклонность нѣмецкихъ, и вообще сѣверныхъ натуръ, сочинять себѣ очаровательные призраки въ туманахъ фантазіи, и подъ суровымъ небомъ, при скудости и тяжести общественной жизни, создавать себѣ другую жизнь въ мечтѣ,—эта наклонность, возведенная въ философскую систему Лафатеромъ, Клавдіусомъ, Гаманномъ и др., увлекала тогда всѣ чувствительныя нѣмецкія натуры къ мистическому сантиментализму.

„Этою наклонностью добродушныхъ нѣмцевъ уноситься духомъ изъ страны рабства, повиновенія и смиренія, въ которой живетъ ихъ тѣло, въ воздушныя высоты фантазіи, а не однимъ вліяніемъ іезуитства и шарлатанства, надобно объяснять тогдашнее фиглярство тайныхъ обществъ и мистически сантиментальный лунатизмъ многихъ модныхъ писателей того времени“ [1]).

ГЛАВА II.

Масонскій ритуалъ.

Развитіе масонскаго ритуала шло параллельно съ размноженіемъ системъ: каждая имѣла свой обрядникъ, поэтому въ послѣднемъ періодѣ масонства ритуаловъ было множе-

[1]) Шлоссеръ, Ист. Восемн. Столѣтія, т. III.

ство, и изданія ихъ представляютъ цѣлую обширную литературу.

Въ трехъ первыхъ степеняхъ, сохранившихся по традиціи и отъ англійскаго масонства, ритуалы вообще довольно сходны,—въ дальнѣйшихъ степеняхъ весьма разнообразны, хотя и въ нихъ господствуетъ тотъ же мистико-символическій стиль.

Мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о первоначальной формѣ и дальнѣйшемъ развитіи ритуала.

Гросмейстеръ русскихъ ложъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія, Елагинъ, разсказывая о своихъ отношеніяхъ къ англійской „Великой Ложѣ“, жалуется, что эта ложа „раздаетъ одни токмо на постановленіе ложъ грамоты, повелѣвающія работать въ первыхъ трехъ іоанновскихъ степеняхъ, да и на сіи работы письменно ничего не сообщаетъ“ [1]). Дѣйствительно, основной законъ масонства запрещалъ какимъ бы то ни было способомъ изображать, писать, печатать и т. д. тайну общества, и потому старыя ложи не печатали ритуаловъ, и не сообщали ихъ письменно, какъ это дѣлали потомъ всѣ новыя системы. И если на дѣлѣ существуетъ много изданій англійскаго и другихъ ритуаловъ (такія изданія начинаются уже съ 1725 г.), то ложи утверждали, что все это были только такъ называемыя измѣнническія изданія, дѣланныя людьми, предавшими тайну. Ложи отказывались отъ подобныхъ изданій, даже иногда опровергали ихъ, хотя новѣйшіе историки сознаются, что опроверженія были натянутыя, что измѣнническія изданія вообще передавали подробности ритуала достаточно вѣрно, и поэтому могутъ служить надежнымъ историческимъ источникомъ для изученія масонской старины.

Въ настоящемъ случаѣ мы и обратимся къ этимъ источникамъ. Хотя, къ сожалѣнію, намъ доступна была только одна доля старыхъ ритуаловъ, но это дѣлаетъ мало раз-

[1]) „Р. Арх.“ 1864, ст. 598. Ср. Handb. III. 73. Есть извѣстіе, что, за отсутствіемъ письменныхъ „актовъ“ англійскихъ, Елагинъ заимствовалъ ритуалы іоанновскихъ степеней шведской системы у Рейхеля (см. Handb. III. 492). Если это дѣйствительно и было, то можно думать, что въ этихъ степеняхъ тогда еще не было большой разницы съ англійскими.

ницы для нашей цѣли—познакомиться съ общимъ характеромъ стараго масонскаго ритуала.

Дѣло въ томъ, что при самомъ основаніи „Великой Ложи“ англійское масонство раздѣлилось на двѣ вѣтви, Старыхъ и Новыхъ масоновъ (Ancient and Modern Masons). Исторія этого раздѣленія до сихъ поръ очень темна; но сущность его заключалась, кажется, въ слѣдующемъ. При своемъ основаніи (1717), „Великая Ложа“ не соединила въ своемъ управленіи всего количества ложъ, такъ что внѣ ея оставалось извѣстное число братьевъ, рабочихъ-каменьщиковъ, продолжавшихъ свои прежніе, масонскіе обычаи и составлявшихъ ложи. Кромѣ того, сама „Великая Ложа“, повидимому, порождала недовольныхъ: расширивъ общество каменьщиковъ на лица, постороннія рабочему классу, а напротивъ часто принадлежавшія высшимъ сословіямъ, она ввела въ общество извѣстную привиллегію, установила новыя и почетныя должности въ своей средѣ, наконецъ, присвоила себѣ господствующее положеніе: подобныя мѣры были почти неизбѣжны при реформѣ, но онѣ нарушали равноправность ложъ и должны были возбуждать неудовольствіе. Естественно, что вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ характера общества, съ его централизаціей и вступленіемъ въ него сильнаго нерабочаго элемента, должно было утрачиваться и многое изъ самыхъ обычаевъ: старые каменьщики еще сберегали ихъ и, по свидѣтельству Андерсона, могли съ помощью этихъ старыхъ обычаевъ понимать другъ друга даже и безъ тѣхъ масонскихъ знаковъ, какіе были теперь приняты и освящены „Великой Ложей“,— „и этихъ обычаевъ, говоритъ Андерсонъ,— не могли угадать даже самые опытные и ученые люди, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, между тѣмъ, какъ старымъ каменьщикамъ не надо было даже и говорить, чтобы понять другъ друга“... Но „Великая Ложа“ никакъ не хотѣла допускать раскола и не признавала этихъ каменьщиковъ, которые между тѣмъ, опираясь на старые обычаи, съ своей стороны принимали новыхъ членовъ, и, повидимому, въ особенности изъ низшаго и средняго класса. „Великая Ложа“ принимала противъ нихъ свои мѣры и, наконецъ, чтобы совершенно закрыть для нихъ входъ въ свое общество, произвела въ своей практикѣ нѣкоторыя, впрочемъ, неважныя, измѣненія. Противная партія ухватилась за этотъ случай,

чтобы выдать себя за настоящихъ старыхъ масоновъ, а „Великую Ложу“ съ ея послѣдователями назвала новыми. Названіе старыхъ до извѣстной степени было правильно, но въ другомъ отношеніи и неправильно, потому что къ расколу старыхъ масоновъ присоединились потомъ и нѣкоторыя совершенно новыя тенденціи. Именно, нашелся ревностный масонъ, который составилъ для Старыхъ масоновъ законодательную книгу и поддержалъ ихъ стремленія къ отдѣленности, рѣзко нападая на „Великую Ложу“: въ самомъ законѣ новаго еще не было, но зато у Старыхъ масоновъ явилась новая степень, или усовершенствованіе степени мастера, Royal-Arch, занесенная, какъ полагаютъ, изъ главнѣйшаго источника высшихъ степеней—Франціи. Это было уже чистое нововведеніе, гдѣ „старые“ масоны вовсе не были вѣрны старинѣ. Въ 1772 г. Старые масоны успѣли, наконецъ, утвердиться окончательно, когда гросмейстеромъ ихъ собственной „Великой Ложи“ сдѣлался въ первый разъ человѣкъ изъ высшей аристократіи, герцогъ Атольскій. Такимъ образомъ явились двѣ „Великія Ложи“, но главное вліяніе все-таки оставалось за „Великой Ложей“ 1717 года, той, которой Старые масоны давали названіе новой: отъ нея, почти исключительно, распространялись ложи „англійской системы“ на континентѣ, между прочимъ и русскія ложи, и за ней сохранился историческій авторитетъ.—Двѣ враждебныя Великія Ложи соединились, наконецъ, послѣ взаимныхъ уступокъ, уже только въ 1813 году.

Каждая изъ этихъ Великихъ Ложъ представляетъ свои ритуалы въ упомянутыхъ измѣнническихъ изданіяхъ. Ритуалы и обычаи собственной Великой Ложи (1717) изложены въ книгѣ Причарда (Sam. Prichard, Masonry dissected, Lond. 1730, 21 изд. 1787), у Престона (Will. Preston, Illustrations of Masonry, Lond. 1772, 15 изд. 1840), и въ болѣе новомъ видѣ у Броуна (I. Browne, The Master Key, Lond. 1794 и пр.) и друг.

Ритуалы Старыхъ масоновъ въ книгахъ: Jachin and Boaz, or an Authentic Key to the door of Free-Masonry, both ancient and modern, Lond. 1762, т. е.: „Іакинъ и Боазъ, или подлинный ключъ къ двери Франкъ-Масонства, стараго и новаго“; The three distinct Knocks, or the Door of the most ancient Free-Masonry, opening to all Men, etc. Lond. 6-е изд.

около 1767, т. е.: „Три сильные (или ясные, слышные) удара, или дверь древнѣйшаго Франкъ-Масонства, открывающаяся для всѣхъ людей“ [1]) и др.

Къ сожалѣнію, мы могли пользоваться только этими послѣдними книгами и не имѣли подъ руками Причарда. Разница ритуаловъ, впрочемъ, не такъ значительна, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться по сличенію съ цитатами изъ ритуала Великой Ложи въ другихъ книгахъ [2]). Для сравненія можетъ служить также то, менѣе отчетливое, но, кажется, достовѣрное изложеніе англійскаго ритуала, которое находится въ книгѣ „Масонъ безъ маски“. (Спб. 1784); подлинникъ ея, подъ названіемъ „Le Macon demasqué“ etc., вышелъ въ Лондонѣ въ 1751 г. [3]). Замѣтимъ, наконецъ, что многія подробности сохраняются въ этихъ разныхъ ритуалахъ буквально сходно.

[1]) Клоссъ, № 1887, 1888. [Wolfstieg № 29983 и 29981].

Изданіе „Іакина и Боаза“, 1811, есть въ Академической библіотекѣ. Престонъ, въ изд. 1812 года, въ Публичной библіотекѣ. Ритуалъ „старыхъ масоновъ“ переданъ у Краузе, Die drei ältesten Kunsturkunden der Freimaurerbrüderschaft, 1-е изд. Дрезд., 1810. Оттуда мы беремъ дальше варіанты изъ книги Причарда и Броуна.

[2]) Прежніе масонскіе историки, какъ Краузе, придавали первостепенное значеніе именно „Подлинному ключу“ и „Тремъ сильнымъ ударамъ“. Новые приписываютъ имъ болѣе позднее происхожденіе и осуждаютъ Краузе, дѣйствительно преувеличивающаго дѣло; но люди безпристрастные, какъ Финдель, (стр. 188), считаютъ этотъ ритуалъ „immer noch ein achtungswerthes Denkmal unserer Bruderschaft und eines gründlichen sorgfältigen studiums werth“. Разница состоитъ, напр., въ числѣ вопросовъ (у Причарда 92, въ „Іакинѣ и Боазѣ“ 108) и въ томъ, что самые отвѣты въ „Іакинѣ и Боазѣ“ нѣсколько подробнѣе. Но во всякомъ случаѣ ритуалъ „Іакина и Боаза“ несравненно ближе къ ритуалу Великой Ложи, чѣмъ ритуалы новѣйшихъ системъ, хотя и въ этихъ послѣднихъ первыя три степени вообще сохранились въ своей старой формѣ; и въ самомъ этомъ различіи скорѣе нужно, кажется, видѣть варіанты дѣйствительно существовавшихъ обычаевъ, чѣмъ простое изобрѣтеніе Старыхъ Масоновъ; первое объясненіе кажется намъ гораздо болѣе сообразнымъ съ историческими вѣроятностями. Наконецъ, для нашей настоящей цѣли—указать общія черты стараго англійскаго ритуала и его историческое положеніе въ развитіи масонскаго содержанія и обрядности, разница стараго и новаго англійскаго масонства теряютъ большую долю своего значенія.

[3]) Клоссъ, № 1882, 1883. [Wolfstieg № 29975]. Англійскій переводъ, сдѣланный по изданію Berl. 1757, подъ заглавіемъ: Salomon in all his glory, or the Master Mason etc. Lond. 1766,—упоминаетъ въ заглавіи, что подлинникъ былъ сожженъ по приказанію прусскаго короля, вслѣдствіе просьбы франкъ-масоновъ.

„Подлинный ключъ“ и „Три сильные удара“, къ которымъ мы присоединимъ указанія Причарда, передаютъ общія черты англійскаго ритуала слѣдующимъ образомъ: [1])

Человѣкъ, который хочетъ сдѣлаться Франкъ-Масономъ, долженъ познакомиться съ членомъ какой-нибудь хорошей ложи, и этотъ послѣдній предложитъ его кандидатомъ въ слѣдующемъ собраніи. Братъ, предлагающій новаго члена, долженъ доставить ложѣ свѣдѣнія о званіи и качествахъ кандидата; братья разсуждаютъ потомъ, можетъ ли онъ быть принятъ, и въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія принятіе назначается въ слѣдующій же вечеръ.

Братья пунктуально собираются въ назначенный часъ.

Число братьевъ, принадлежащихъ къ ложѣ, неограниченно; но ложа вообще можетъ составиться только тогда, когда въ ней присутствуетъ мастеръ и необходимыя должностныя лица.—Въ общераспространенной практикѣ, трое свѣдущихъ братьевъ уже составляютъ ложу, пятеро составляютъ „справедливую“, семеро—„совершенную“ ложу.

При мастерѣ состоятъ два главныхъ должностныхъ лица, старшій и младшій надзиратели (senior and junior Wardens), которые смотрятъ за соблюденіемъ законовъ ложи и исполненіемъ приказаній мастера. Надзиратели имѣютъ своихъ помощниковъ, старшаго и младшаго діакона (deacons); при нихъ были, наконецъ, стюарты (stewards). Въ „Подлинномъ ключѣ“ упоминаются діаконы, а стюартовъ нѣтъ. Діаконы составляли, кажется, исключительную принадлежность англійскихъ ложъ; но стюарты извѣстны также въ шведскихъ, нѣмецкихъ ложахъ, а также и русскихъ [2]).

Когда братья соберутся, — разсказываетъ „Подлинный ключъ“,—мастеръ, два его ассистента, секретарь и казначей („хранитель сокровищъ“ въ русскихъ ритуалахъ) прежде всего надѣваютъ себѣ на шею голубыя ленты треугольной формы: у мастера виситъ на лентѣ циркуль и ли-

[1]) Въ слѣдующемъ изложеніи мы вообще удерживаемъ, сколько возможно, подлинныя слова источниковъ.

[2]) Лонгиновъ, (стр. 96) кажется, принялъ это слово за собственное имя.

нейка; ассистенты, старшіе надзиратели, носятъ одинъ циркуль.

На столѣ, за которымъ сидитъ мастеръ, ставятся свѣчи въ видѣ треугольника, и въ лучшихъ ложахъ на подсвѣчникахъ бываютъ искусно вырѣзаны эмблематическія фигуры. У каждаго брата надѣтъ бѣлый кожаный передникъ (запонъ). Мѣсто мастера за столомъ, на востокѣ; передъ нимъ лежитъ открытая библія, на ней положенъ циркуль, концы котораго покрыты lignum vitae, или наугольникомъ. Старшій и младшій надзиратели находятся напротивъ него, на западѣ и югѣ. „На столѣ ставится также вино, пуншъ, и проч., чтобы угощать братьевъ, которые занимаютъ мѣста по масонскому старшинству". Когда всѣ братья сядутъ въ такомъ порядкѣ, мастеръ приступаетъ къ открытію ложи. Оно происходитъ такимъ способомъ:

Мастеръ спрашиваетъ младшаго діакона:

— Какая первая обязанность масона?

— Смотрѣть, чтобы ложа была покрыта.

— Исполните свою должность.

Младшій діаконъ ударяетъ три раза въ дверь, и покрыватель (tyler, собственно кровельщикъ: одинъ изъ братьевъ, состоящій на стражѣ у дверей) отвѣчаетъ съ другой стороны также тремя ударами. Діаконъ доноситъ объ этомъ мастеру:

— Достопочтенный, ложа открыта.

Мастеръ. Скажите, гдѣ мѣсто младшаго діакона въ ложѣ?

Отвѣтъ. Позади старшаго надзирателя, или по его правую руку, если онъ позволитъ.

Мастеръ. Въ чемъ состоитъ ваша обязанность?

О. Передавать порученія отъ старшаго надзирателя младшему, чтобы они могли быть сообщены по ложѣ.

Такимъ же образомъ дѣлаются вопросы старшему діакону: онъ отвѣчаетъ, что его мѣсто позади мастера или по правую руку его, „если онъ позволитъ"; обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы передавать порученія отъ мастера къ младшему надзирателю. Затѣмъ мастеръ дѣлаетъ вопросъ объ обязанностяхъ младшаго надзирателя; за него, изъ видовъ масонской скромности, отвѣчаетъ сначала старшій діаконъ (стоящій ниже младшаго надзирателя), а потомъ уже

самъ младшій надзиратель и т. д. Все это дѣлается, по вѣроятнымъ объясненіямъ комментаторовъ, для того, чтобы въ концѣ экзамена, когда заходитъ рѣчь объ обязанностяхъ мастера, за самого мастера могъ отвѣчать другой, т. е. его подчиненный, старшій надзиратель.

Мастеръ. Гдѣ мѣсто младшаго надзирателя въ ложѣ?

Діаконъ. На югѣ.

Мастеръ (къ младшему надзирателю). Почему на югѣ?

Младшій надзиратель. Чтобы можно было лучше наблюдать солнце, когда оно стоитъ прямо на полуднѣ, — для того, чтобы звать людей отъ работы къ отдыху и смотрѣть, приходятъ ли они въ должное время, чтобы мастеръ получалъ отъ этого удовольствіе и прибыль.

Мастеръ. Гдѣ мѣсто старшаго надзирателя въ ложѣ?

Младшій надзиратель. На западѣ.

Мастеръ (къ старшему надзирателю). Какая ваша обязанность тамъ, братъ?

Старшій надзиратель. Какъ солнце заходитъ на западѣ, чтобы окончить день, такъ и старшій надзиратель стоитъ на западѣ, чтобы закрывать ложу, платить людямъ ихъ заработокъ и отпускать ихъ съ работы.

Мастеръ. Гдѣ мѣсто мастера въ ложѣ?

Старшій надзиратель. На востокѣ.

Мастеръ. Въ чемъ его обязанность тамъ?

Старшій надзиратель. Какъ солнце всходитъ на востокѣ, чтобы открыть день, такъ мастеръ стоитъ на востокѣ, чтобы открыть свою ложу и поставить людей на работу.

Затѣмъ мастеръ снимаетъ шляпу и объявляетъ ложу открытой, слѣдующими словами:

„Эта ложа открыта во имя св. Іоанна; я запрещаю всякую брань, клятвы или шопотъ, и всѣ профанные разговоры, какого бы рода ни было, подъ неменьшимъ штрафомъ, чѣмъ какой положитъ большинство".

Мастеръ ударяетъ три раза о столъ деревяннымъ молоткомъ и надѣваетъ шляпу; остальные братья остаются безъ шляпъ. Онъ спрашиваетъ потомъ, готовъ-ли къ принятію джентльменъ [1]), предложенный въ прошлый разъ? и, по-

[1]) „Масонъ безъ маски" также даетъ кандидату названіе „дворянина" и замѣчаетъ при этомъ: „такъ называютъ кандидатовъ, хотя бы они были и самые подлые". Рус. изд., стр. 15.

лучивъ утвердительный отвѣтъ отъ брата, которому порученъ кандидатъ [1]), посылаетъ надзирателей приготовить его.

Обряды пріема, описываемые „Подлиннымъ ключемъ", повторяются вообще въ масонскихъ ритуалахъ весьма сходно, и двѣ старыя отрасли англійскихъ ложъ представляютъ особенно много этого сходства.

Кандидатъ помѣщается въ особой комнатѣ, довольно отдаленной отъ самой ложи, и оставляется тамъ одинъ. Оттуда его приводятъ въ другую комнату, совершенно темную. Здѣсь спрашиваютъ его: имѣетъ-ли онъ истинное желаніе быть принятымъ? Если онъ отвѣчаетъ утвердительно, у него спрашиваютъ его имя и званіе; отбираютъ всѣ металлическія вещи, напр., пряжки, пуговицы, кольца и даже деньги; потомъ обнажаютъ ему правое колѣно, на лѣвую обутую ногу надѣваютъ туфлю, завязываютъ платкомъ глаза и предоставляютъ его на нѣсколько времени его размышленіямъ. Комната охраняется братьями.

Между тѣмъ въ ложѣ братья приводятъ все въ порядокъ, напр., на полу ложи, въ верхней части комнаты, рисуютъ мѣломъ или углемъ символическій чертежъ, или употребляютъ для этого тесемку и маленькіе гвозди, „чтобы не пачкать пола" [2]); чертежъ дѣлается отъ востока къ западу. Мастеръ стоитъ на востокѣ, на груди виситъ у него наугольникъ; библія открыта на евангеліи отъ Іоанна, и три горящія свѣчи ставятся въ чертежѣ на полу, въ видѣ треугольника.

Должностные братья располагаются въ извѣстномъ порядкѣ около мастера, потомъ на югѣ, западѣ и сѣверѣ ложи; „бывшій мастеръ", налѣво отъ настоящаго мастера, стоитъ

[1]) Этотъ братъ назывался обыкновенно приготовителемъ (preparateur,—также и у нѣмцевъ),—у насъ „провожатымъ" или „водителемъ"; должность его соединялась также съ должностью оратора, обязанность котораго состоитъ въ разъясненіи новопринятому его обязанностей и масонскаго ученія; вѣроятно, болѣе позднимъ изобрѣтеніемъ является „братъ ужаса" (frère terrible, fürchterlicher Bruder), имя котораго показываетъ уже, что сущность его обязанности заключалась въ томъ, чтобы хорошенько напугать новаго масона.

[2]) Впослѣдствіи сталъ употребляться такъ называемый „коверъ" (tapis, Teppich), вошедшій вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ высшихъ степеней: рисунокъ дѣлался на клеенкѣ; потомъ употреблялись и готовые живописные „ковры". Въ англійскихъ ложахъ коверъ не употреблялся и вошелъ, наконецъ, уже не раньше XIX стол.

съ солнцемъ, циркулемъ и связкой веревокъ около шеи [1]); старшій надзиратель на западѣ, съ отвѣсомъ, который виситъ у него на шеѣ на лентѣ, и съ колонкой, которая стоитъ на столѣ и имѣетъ въ длину около 29 дюймовъ; младшій надзиратель на югѣ, на шеѣ виситъ у него отвѣсъ на лентѣ, въ рукѣ онъ держитъ колонку; секретарь на сѣверѣ,съ лежащими накрестъ перьями; старшій и младшій діаконы—каждый съ черной палкой, на шеѣ циркуль; хранитель сокровищъ съ ключемъ, висящимъ на шеѣ. Остальные братья стоятъ во время церемоніи кругомъ.

Когда всѣ приготовленія кончены, предлагающій стучитъ три раза въ дверь ложи; мастеръ отвѣчаетъ тремя ударами молотка, и младшій надзиратель спрашиваетъ: кто тамъ? Кандидатъ (научаемый провожатымъ) отвѣчаетъ: „Человѣкъ, который желаетъ имѣть и проситъ участія въ благахъ этой достопочтенной ложи, посвященной св. Іоанну, какъ это сдѣлали до меня многіе братья и товарищи". Тогда двери растворяются, старшій и младшій надзиратели или ихъ помощники берутъ кандидата подъ руки и обводятъ его (все еще съ завязанными глазами) три раза вокругъ чертежа и, наконецъ, ставятъ на нижнемъ его концѣ, лицомъ къ мастеру, и братья, ставши по обѣ стороны, поднимаютъ шумъ, стуча въ находящіеся на нихъ аттрибуты ордена.

Потомъ мастеръ, ставъ за низкими креслами, спрашиваетъ самъ кандидата: имѣетъ-ли онъ желаніе сдѣлаться каменьщикомъ? и послѣ утвердительнаго отвѣта говоритъ: „покажите ему свѣтъ". У кандидата снимаютъ съ глазъ платокъ, а братья въ ту же минуту окружаютъ его съ обнаженными мечами въ рукахъ и направляютъ острія въ грудь кандидата. (Масонскій эффектъ, который, — какъ замѣчаетъ „Іакинъ и Боазъ",—производилъ впечатлѣніе на новичка, при оригинальности всей обстановки и послѣ долгаго ожиданія съ завязанными глазами).

Послѣ того кандидата подводятъ, тремя особенными масонскими шагами, къ скамейкѣ, стоящей передъ упомянутымъ чертежемъ. На скамьѣ лежатъ линейка и циркуль, и одинъ изъ братьевъ говоритъ кандидату такъ: „Вы вступаете

[1]) „Бывшій мастеръ" и веревка являются только у старыхъ масоновъ; масоны Великой Ложи не принимали этихъ подробностей.

теперь въ почтенное общество, которое серьезнѣе и важнѣе, чѣмъ вы думаете. Оно не допускаетъ ничего противнаго закону, религіи и нравственности; оно не допускаетъ также ничего противнаго обязанностямъ подданнаго; достопочтенный великій мастеръ объяснитъ вамъ остальное“ [1]).

Послѣ этихъ словъ отъ кандидата требуютъ, чтобы онъ всталъ правымъ, т. е. обнаженнымъ колѣномъ на скамью, и великій мастеръ спрашиваетъ его: обѣщаетъ ли онъ никому и никакимъ образомъ не выдавать масонской тайны, кромѣ брата въ ложѣ и въ присутствіи великаго мастера?—и когда кандидатъ даетъ это обѣщаніе, ему растегиваютъ жилетъ и къ обнаженной лѣвой груди приставляютъ остріе циркуля, который онъ самъ держитъ въ лѣвой рукѣ. Кандидатъ кладетъ правую руку на евангеліе, развернутое на чтеніи отъ св. Іоанна, и при этомъ произноситъ за мастеромъ присягу.

Присяга состоитъ въ обѣщаніи хранить и не выдавать ни подъ какимъ видомъ „никакой изъ тайныхъ мистерій свободнаго каменьщичества“ (any of the secret Mysteries of Free - Masonry); далѣе въ обѣщаніи, что новопринятый не будетъ изображать этой тайны никакимъ вообразимымъ способомъ,—„ни писать, ни печатать, ни вырѣзывать, ни рисовать, ни красить или гравировать, ни подавать повода къ тому, чтобы это случилось, ни на какой вещи подъ небесами, подвижной или неподвижной, на которой бы она могла быть прочитана или понята“, — для того, чтобы тайна не могла быть пріобрѣтена кѣмъ-нибудь незаконно. Все это обѣщается безъ всякаго колебанія, внутренняго умолчанія и какой бы ни было увертки, и подъ страхомъ такого наказанія: „пусть мнѣ будетъ перерѣзана шея, языкъ вырванъ съ корнемъ и зарытъ въ морскомъ пескѣ при низкой водѣ, за кабельтовъ разстоянія отъ берега, гдѣ приливъ и отливъ проходятъ дважды въ двадцать четыре часа“ [2]).

Затѣмъ новопринятаго члена научаютъ ученическому

[1]) Это, вѣроятно, такъ называемая рѣчь ритора; „Подлинный ключъ“ замѣчаетъ, что слова бываютъ различны, что и естественно; образчики этихъ рѣчей приводятся въ разныхъ ритуалахъ, между прочимъ, у Престона, а также въ „Масонѣ безъ маски“.

[2]) Эти формулы несомнѣнно обычныя; онѣ повторяются и въ ритуалѣ Великой Ложи, и въ другихъ позднѣйшихъ ритуалахъ. См. также „Масонъ безъ маски“.

знаку, прикосновенію и слову,—по которымъ „братья“ узнаютъ другъ друга; потомъ научаютъ его масонскому шагу, какимъ онъ долженъ подходить къ мастеру по чертежу, сдѣланному на полу. „Этотъ чертежъ,—разсказываетъ старый ритуалъ,—походитъ въ нѣкоторыхъ ложахъ на большое зданіе, которое называется мозаиковымъ дворцомъ и рисуется съ величайшей точностью. Рисуютъ также и другія фигуры: одна изъ нихъ называется Laced Tuft (бахрома), а другая—усѣянный звѣздами престолъ. Тамъ представляется также перпендикулярная линія въ видѣ каменьщическаго инструмента, который называется обыкновенно отвѣсомъ; другая фигура представляетъ могилу Гирама, перваго великаго мастера, умершаго три тысячи лѣтъ тому назадъ. Всѣ эти фигуры объясняются новопринятому самымъ точнымъ образомъ, и украшенія или эмблемы ордена описываются съ большой легкостью“. Послѣ этого новопринятый обязанъ смыть на полу чертежъ, если онъ сдѣланъ былъ мѣломъ или углемъ. Затѣмъ кандидата уводятъ, возвращаютъ ему всѣ взятыя у него вещи, и онъ, вернувшись, садится направо отъ мастера. Ему даютъ также запонъ (передникъ) и списокъ ложъ.

Послѣ того братья поздравляютъ новопринятаго и садятся къ столу; мастеръ пьетъ за здоровье новаго брата, послѣдній произноситъ свои тосты, начинается такъ называемая „пальба“, т. е. масонскій пиръ, опять сопровождаемый извѣстными масонскими пріемами.

Церемонія пріема кончена. Кандидатъ считается „братомъ“ и можетъ участвовать въ „работѣ“. Онъ пріобрѣтаетъ первую каменьщическую степень, и „работу“ этой степени мы увидимъ въ такъ называемой „ученической лекціи“ (lecture), въ томъ, что послѣ называлось обыкновенно катехизисомъ. Сообщая эту лекцію, „Іакинъ и Боазъ“ замѣчаетъ, что онъ приводитъ ее вполнѣ, но что „новые каменьщики“ сокращаютъ ее по крайней мѣрѣ на половину.

Не разбирая вопроса о томъ, кто былъ здѣсь вѣрнѣе старому преданію, Старые или Новые масоны, замѣтимъ только, что оба эти ритуала несравненно больше позднѣйшихъ открываютъ историческую перспективу масонскаго общества и его старыхъ обычаевъ. „Подлинный Ключъ“ нерѣдко указываетъ разницу между прежнимъ и нынѣшнимъ

и отмѣчаетъ, какъ извѣстные обряды исполнялись прежде и какъ исполняются теперь, и здѣсь, во всякомъ случаѣ, еще сохранился отпечатокъ старины, который естественно сберегался на своей родной почвѣ гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ онъ становился простой заученой формулой. Въ старомъ ритуалѣ мы опять находимъ тѣ же черты, какія видѣли въ „Конституціяхъ“ Андерсона: обрядовая бесѣда мастера съ братьями еще носитъ слѣды рабочей практики, какъ въ „Конституціяхъ“ еще ясенъ простой характеръ договора, заключеннаго между рабочими. Въ первоначальныхъ формахъ ритуала сохранилось еще много простого и наивнаго, что превратилось потомъ въ аффектацію и наборъ словъ. Едва ли сомнительно, что въ старыхъ обрядахъ масонства продолжался народный цеховой обычай, и тайна „братской любви, помощи и вѣрности“ придавала ему нравственно - поэтическій смыслъ. Этотъ смыслъ терялся больше и больше въ позднѣйшемъ искусственномъ масонствѣ, и прежній наивный обрядъ превратился, наконецъ, въ произвольную фантастическую церемонію, гдѣ нужно было употреблять всевозможныя театральныя уловки, чтобы производить дѣйствіе на новопосвящаемаго. Понятно, что если обычаи и символическіе обряды простыхъ рабочихъ не могли въ новомъ „масонскомъ“ обществѣ не потерять своей непосредственности, то и масонская „тайна“ естественно должна была получить совсѣмъ иной смыслъ. Новѣйшее масонство, выдумавшее высшія степени, эксплуатировало эту тайну въ самыхъ различныхъ смыслахъ: или въ видѣ заговора въ пользу изгнанныхъ Стюартовъ, или съ рыцарскими (т. е. феодальными, юнкерскими) затѣями, или съ наклонностями клерикальными, т. е. іезуитско-обскурантными, или, наконецъ, въ видѣ алхиміи и нелѣпаго колдовства. Въ этихъ случаяхъ „тайну“ знали только изобрѣтатели новыхъ степеней и ближайшіе адепты, которымъ она довѣрялась; множество другихъ членовъ ордена томились нетерпѣливымъ стремленіемъ узнать эту тайну, мучились въ поискахъ за ней, иногда находили, наконецъ, какую-нибудь изъ пошлыхъ подложныхъ „тайнъ“, часто не удовлетворялись ею и начинали искать снова, и т. д. Такова была исторія множества масоновъ въ прошломъ столѣтіи. Старые англійскіе ритуалы не знаютъ этой фантастической

тайны; здѣсь тайна является въ формѣ простого секрета между членами цеха, связанными одной работой и одними нравственными правилами и обязательствами: братской любовью, помощью и вѣрностью. Символы тайны—инструменты ихъ ремесла; средства увѣряться во взаимномъ знаніи тайны—извѣстныя слова и пріемы, которые поэтому также составляютъ ихъ тайну. Дальше этого не идетъ старый англійскій ритуалъ; онъ не даетъ никакихъ обѣщаній раскрывать таинства природы, научать секретамъ алхиміи и магіи, философскаго камня и жизненнаго элексира, духовидѣнія и т. п.; однимъ словомъ, не впадаетъ въ ту пошлость, которая наполняетъ позднѣйшіе ритуалы.

Лекціи читаются такимъ образомъ [1]):

Мастеръ. Братъ, нѣтъ ли чего-нибудь между вами и мною [2])? Отвѣтъ. Есть, достопочтенный.

М. Что же такое братъ? О. Тайна.

М. Какая это тайна, братъ? О. Масонство, каменьщичество [3]).

М. Итакъ, вы, я полагаю, масонъ? О. Такимъ меня считаютъ и принимаютъ братья и товарищи [4]).

[1]) Первые вопросы мы приводимъ вполнѣ, но затѣмъ, для краткости, будемъ пропускать вопросы.

[2]) Въ нашихъ ритуалахъ вмѣсто „вы“, постоянно „ты“; по-англійски, напротивъ, форма постоянно болѣе вѣжливая, въ вопросахъ прибавляются: pray и т. п.

[3]) Въ ритуалахъ „Великой Ложи“ вставленъ еще вопросъ:

— Почему я могу узнать, что вы масонъ?

— Посредствомъ знаковъ, примѣтъ и полныхъ пунктовъ моего вступленія.

[4]) По смыслу лекціи Старыхъ Масоновъ главнымъ символомъ каменьщичества и его тайны являются (дальше) „три свѣтильника“: библія, наугольникъ и циркуль. Въ ритуалахъ Великой Ложи содержаніемъ масонства ставится „братская любовь, помощь и вѣрность“, и разговоръ о тайнѣ ведется такъ:

— Почему сдѣлались вы масономъ?

— Для тайны (for the sake of secrecy), и чтобы изъ мрака тотчасъ перейти въ свѣтъ.

— Есть-ли у масоновъ тайны?

— Есть много и высокой цѣны.

— Гдѣ сохраняютъ они ихъ?

— Въ своихъ сердцахъ.

— Кому они довѣряютъ ихъ?

М. Скажите, прошу Васъ, какимъ человѣкомъ долженъ быть каменьщикъ? О. Это долженъ быть человѣкъ родившійся отъ свободной женщины.

М. Гдѣ вы сначала готовились сдѣлаться масономъ? О. Въ моемъ сердцѣ.

М. Гдѣ вы готовились потомъ? О. Въ одной комнатѣ подлѣ ложи.

М. Какъ вы были приготовляемы здѣсь? О. Я не былъ ни раздѣтъ, ни одѣтъ, ни босой, ни обутый, съ меня снятъ былъ всякій металлъ, я былъ съ завязанными глазами, съ веревкой на шеѣ [1]); тогда меня повели къ дверямъ ложи въ неподвижно-подвижномъ положеніи, подъ руку съ другомъ, въ которомъ я узналъ потомъ своего брата.

М. Какъ вы могли знать, что тутъ была дверь, когда у васъ были завязаны глаза? О. Потому что я нашелъ сначала задержку, потомъ входъ или допускъ.

М. Какъ получили вы допускъ? О. Тремя сильными ударами.

М. Что вамъ сказано было изнутри? О. „Кто тамъ?“

М. И что вы отвѣчали, братъ? О. „Человѣкъ, который желаетъ имѣть и проситъ участія въ благахъ (benefit) этой достопочтенной ложи, посвященной святому Іоанну, какъ это сдѣлали до меня многіе братья и товарищи“.

М. Почему вы надѣялись получить это участіе? О. Потому что я родился свободнымъ и имѣю добрую славу.

М. Что сказали Вамъ на это? О. „Войдите“.

— Никому, кромѣ братьевъ и товарищей.

— Какъ открываютъ они ихъ?

— Посредствомъ знаковъ, примѣтъ и особенныхъ словъ.

Въ другой редакціи ритуала Великой Ложи этотъ послѣдній вопросъ переданъ такъ:

— Что такое тайна масона?

— Знаки, примѣты и многія слова.

Въ другомъ мѣстѣ того же ритуала: „Братъ скрываетъ всѣ секреты и тайны“ (all secrets and secrecy).

Едва-ли можно сомнѣваться, что подъ всѣми этими оборотами скрывался именно первоначальный цеховой секретъ, состоявшій въ особыхъ условныхъ знакахъ, словахъ и т. п., а вмѣстѣ и въ извѣстныхъ нравственныхъ положеніяхъ братства.

[1]) Въ ритуалѣ Великой Ложи веревка не упоминается, но можетъ быть, что и это не было здѣсь произвольной прибавкой.

М. Какъ вы вошли и по чемъ? О. По острію меча, или копья, или другого военнаго оружія, которое приставили къ моей обнаженной груди.

М. Что сказали вамъ послѣ этого? О. Меня спросили не чувствую-ли я чего?

М. Что вы отвѣчали? О. „Я чувствую нѣчто, но видѣть не могу ничего“.

М. Вы разсказали мнѣ, какъ вы были приняты; скажите теперь, кто принялъ васъ? О. Младшій надзиратель.

М. Что онъ сдѣлалъ съ вами? О. Онъ передалъ меня мастеру, который приказалъ мнѣ стать на колѣни и получить благо молитвы.

Слѣдуетъ молитва, обращенная къ Великому и Всеобщему Архитектору (каменьщику) міра и Строителю человѣка [1]), о благословеніи для всѣхъ ихъ предпріятій, о томъ, чтобы новый другъ сталъ ихъ вѣрнымъ братомъ, чтобы имъ послана была милость и миръ, чтобы, какъ онъ (т. е. другъ) простираетъ руку на божественныя слова писанія, такъ бы простиралъ ее и на служеніе брату, „если только это не будетъ вредно ему или его семейству“, и, наконецъ, чтобы они могли сдѣлаться участниками Его божественной природы... Молитва заключается прошеніемъ о ниспосланіи всеобщей братской любви, чтобы масонство подъ божьимъ благословеніемъ распространилось во всемъ мірѣ и чтобы всѣ соединились тогда какъ одинъ человѣкъ.

Затѣмъ новый братъ, по вопросамъ мастера, продолжаетъ разсказъ о пріемѣ: „Когда я получилъ эту молитву, меня спросили, на кого я возлагаю свое упованіе; я отвѣчалъ: на Бога. Потомъ меня взяли за руку, и одинъ братъ сказалъ: встаньте и слѣдуйте за вашимъ водителемъ и не бойтесь никакой опасности [2]). Меня провели три раза кру-

[1]) Great and universal Mason of the World and first Builder of Man,— въ ритуалахъ Великой Ложи: univ. Architect, или Architect of the Universe, что, собственно, одно и то же, потому что Mason и Architect болѣе однозначительны. Это выраженіе было потомъ всеобщей принадлежностью ритуаловъ, потому что сравненіе нравилось масонамъ.

[2]) Въ ритуалѣ Великой Ложи:—Что Вы отвѣчали?—„На Бога“.—Что сказалъ мастеръ?—„Если я довѣряюсь такому вѣрному вождю, то я долженъ встать, слѣдовать за моимъ водителемъ и не бояться никакой опасности“.

гомъ ложи. Первое препятствіе я встрѣтилъ въ спинѣ младшаго надзирателя на югѣ, я постучалъ въ нее тремя ударами, какъ въ дверь, онъ сказалъ: кто тамъ? Я отвѣчалъ то же, что при двери (повторяется отвѣтъ). Второе сопротивленіе я встрѣтилъ въ спинѣ старшаго надзирателя на западѣ, гдѣ я повторилъ то же, что при двери (повторяется вопросъ и отвѣтъ). Третье сопротивленіе встрѣтилъ я въ спинѣ мастера на востокѣ, гдѣ я повторилъ то же. Мастеръ послалъ меня назадъ къ старшему надзирателю на западѣ, чтобы получить наставленія [1]). Онъ велѣлъ мнѣ сдѣлать шагъ на первую ступень прямоугольнаго продолговатаго четвероугольника [2]), причемъ лѣвое колѣно было обнажено и согнуто, тѣло оставалось прямо, а правая нога составляла прямой уголъ, моя обнаженная правая рука лежала на св. библіи, на которой лежали наугольникъ и циркуль, а лѣвая рука поддерживала ее; тогда я принесъ торжественное обязательство или присягу масона".

На вопросъ мастера, новопринятый встаетъ и повторяетъ присягу. Послѣ того мастеръ произноситъ тостъ за Сердце, которое скрываетъ, и Языкъ, который никогда не разсказываетъ, и всѣ братья принимаютъ тостъ съ извѣстными обрядами.

Ученикъ по вопросамъ мастера отвѣчаетъ снова: —„Когда обязательство было принято, у меня спросили: чего я желаю всего больше? Я отвѣчалъ: быть приведеннымъ къ свѣту. Меня привели къ свѣту мастеръ и остальные братья. Когда я былъ приведенъ къ свѣту, то первыя вещи, которыя я увидѣлъ, были библія, наугольникъ и циркуль; мнѣ сказали. что они означаютъ три великіе свѣтильника масонства (Lights in Masonry): это—Библія, чтобы управлять и руководить нашей вѣрой; наугольникъ, чтобы дѣлать прямыми наши дѣйствія; циркуль, чтобы соединять насъ въ извѣстныхъ границахъ со всѣми людьми, а особенно съ братомъ. Потомъ мнѣ показали три свѣчи, о которыхъ сказали, что это три меньшіе свѣтильника въ масонствѣ; они представляютъ собой солнце, луну и мастера-масона;—потому что солнце управляетъ днемъ, луна управляетъ ночью, а мастеръ-масонъ управляетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ бы былъ управлять, своей ложей [1]). Затѣмъ мастеръ взялъ меня за правую руку и далъ мнѣ прикосновеніе и слово новопринятаго ученика".

Прикосновеніе, которымъ братья ученической степени узнаютъ другъ друга, состоитъ въ томъ, что надо ногтемъ большого пальца правой руки прижать къ первому суставу правой руки брата. Слово есть Jachin, произносимое братьями раздѣльно и по очереди: первый говоритъ „Ja", второй „chin", первый „Jachin"—(или же каждый говоритъ поочередно по одной буквѣ слова, которое потомъ выговаривается вполнѣ [2]). По Причарду, ученикъ долженъ знать и другое слово „Боазъ".—„Іакинъ и Боазъ" были названія двухъ миѳическихъ столбовъ въ Соломоновомъ храмѣ, къ которымъ относятся различныя легенды, масонскія и средневѣковыя преданья, вѣроятно послужившія источникомъ или поводомъ для масонскихъ. Наконецъ, знакъ ученической степени: надо правой рукой горизонтально провести у шеи.

Когда мастеръ испытаетъ на примѣрѣ, знаетъ-ли новопринятый прикосновеніе, слово и знакъ, новопринятый от-

[1]) Такъ что обязательство приносилось на западномъ концѣ чертежа; вѣроятно мастеръ подходилъ къ принимаемому. Въ ритуалѣ Великой Ложи принимаемый приближается тремя шагами къ мастеру на востокѣ и вопросы идутъ такъ:

— Что сдѣлалъ тогда съ вами младшій надзиратель?—Онъ приблизилъ меня къ достопочтенному мастеру на востокѣ и научилъ меня подходить къ нему тремя правильными шагами.

— Изъ чего состоятъ они?—Изъ прямыхъ линій и угловъ.

— Чему они научаютъ насъ въ нравственномъ смыслѣ?—Честной (прямой) жизни и правильнымъ понятіямъ.

[2]) Т. е. упомянутаго выше чертежа, или „ковра",—къ которому вели три (начерченныя) ступени.

[1]) Въ ритуалѣ Великой Ложи въ этомъ изложеніи есть нѣкоторая разница: великими свѣтильниками прямо называются солнце, луна и мастеръ; а объясненіе Библіи, наугольника и циркуля отнесено въ истолкованіе украшеній (furniture) ложи;—впрочемъ, въ томъ же самомъ общемъ смыслѣ, какъ здѣсь.

[2]) Кромѣ того дается еще такъ называемое „проходное слово" для предварительнаго освѣдомленія. Число знаковъ масонскихъ было очень велико, и между ними, конечно, были варіанты.

Въ „Масонѣ безъ маски" пересчитываются (стр. 106) четыре разряда знаковъ: ручные, ножные, шейные и грудные, которые описываются уже въ Grand Mystery of Free-Masons, 1724, и у Причарда.

вѣчаетъ на новые вопросы: какъ онъ одѣлся снова по-прежнему, какъ принесъ мастеру и всѣмъ братьямъ благодарность за принятіе въ „достойное общество“ (worthy society), какъ мастеръ, призвавъ его на „сѣверовостокъ ложи“ подарилъ ему запонъ, „знакъ невинности, болѣе старый, чѣмъ золотое руно или римскій орелъ, и почетнѣе звѣзды и подвязки или какого бы то ни было другого ордена подъ солнцемъ“ [1]). Отвѣты продолжаются такъ: „Я сѣлъ потомъ по правую руку мастера, который показалъ мнѣ инструменты принятаго ученика: это были 24-дюймовый масштабъ, наугольникъ и молотъ (common gavel, or setting maul). Наугольникъ служитъ мнѣ, чтобы дѣлать мою работу прямоугольной; 24-дюймовый масштабъ, чтобы вымѣрять мою работу; молотъ—отсѣкать весь ненужный матеріалъ, чтобы можно было легко и вѣрно наложить наугольникъ“.

Мастеръ. „Братъ, такъ какъ мы не всѣ работающіе масоны (каменьщики), то мы относимъ эти инструменты къ нашей нравственной жизни, что мы называемъ одухотвореніемъ [2]): объясните это. Ученикъ. 24-дюймовый масштабъ представляетъ 24 часа дня.

М. Какъ вы дѣлите ихъ? У. Шесть часовъ на работу, шесть часовъ на служеніе Богу, шесть часовъ на служеніе другу или брату, „сколько я имѣю возможности безъ вреда себѣ и своему семейству“, и шесть часовъ для сна“.

Послѣ того названные нами ритуалы излагаютъ „доказательства (или основанія, Reasons) ученика“, состоящія въ объясненіи предыдущихъ символическихъ дѣйствій, словъ и предметовъ, и въ другихъ подобныхъ истолкованіяхъ. Собственно говоря, это есть продолженіе той же „лекціи“.

Ученикъ, опять по вопросамъ мастера, разсказываетъ: „Я былъ ни одѣтый, ни раздѣтый, ни босой, ни разутый и съ веревкой на шеѣ, потому что если бы я отступился и выбѣжалъ на улицу, то народъ принялъ бы меня за сумасшедшаго; если же бы увидѣлъ меня братъ, то онъ воротилъ бы меня назадъ и позаботился бы, чтобы мнѣ

[1]) То же сравненіе повторяется и въ ритуалѣ Великой Ложи.

[2]) Spiritualizing. Въ ритуалахъ Великой Ложи вмѣсто этого слова употреблено moralize,—„объяснять въ нравственномъ смыслѣ“.

оказана была справедливость [1]). Глаза были мнѣ завязаны для того, чтобы мое сердце могло воспринять прежде, чѣмъ глаза могли увидѣть, и еще потому, что, какъ я находился тогда во мракѣ (т. е. относительно тайны масонства), такъ я долженъ весь міръ держать во мракѣ [2]). Металлъ былъ отобранъ для того, чтобы я не принесъ въ ложу ничего для нападенія или для защиты; и еще потому, что такъ какъ я былъ бѣденъ и не имѣлъ денегъ, когда былъ сдѣланъ масономъ, то это научило меня, что я долженъ помогать всѣмъ бѣднымъ и не имѣющимъ денегъ братьямъ, насколько это для меня возможно. Три сильные удара въ дверь означаютъ извѣстное изрѣченіе Писанія: просите и дастся вамъ; ищите и найдете; стучите и вамъ отворятъ. Къ масонству это изрѣченіе примѣняется такъ: я искалъ въ моей душѣ, я просилъ моего друга, я стучался и дверь масонства открылась мнѣ. Мечъ, копье или другое военное оружіе было приставлено къ моей обнаженной лѣвой груди потому, что лѣвая грудь всего ближе къ сердцу, для того, чтобы это тѣмъ больше могло быть уколомъ для моей совѣсти, какъ оружіе кололо тогда мое тѣло. Меня обвели три раза [3]) кругомъ ложи для того, чтобы всѣ братья видѣли, что я должнымъ образомъ приготовленъ. Послѣ принятія въ ученики мое лѣвое колѣно было обнажено и согнуто, потому что лѣвое колѣно есть

[1]) Этотъ отвѣтъ кажется страннымъ; и дѣйствительно, другія редакціи ритуала Старыхъ и Новыхъ масоновъ приводятъ другія объясненія; напр.: „Я рожденъ былъ нагимъ и нагимъ перейду въ истлѣніе; разутъ—потому что мѣсто, на которое вступаетъ мастеръ-масонъ, священно“ (ср. Посл. къ Тимоѳ. VI, 7. Исх. III, 5), и подобныя сближенія изъ св. Писанія. Но основа приведеннаго въ текстѣ отвѣта, вѣроятно, старая и подлинная.

[2]) Т. е., чтобы тайна могла быть получаема только правильнымъ, законнымъ образомъ. Эти и слѣдующіе вопросы вообще повторяются въ томъ же смыслѣ и ритуаломъ Великой Ложи; относительно завязыванья глазъ прибавлена еще черта весьма естественная: „Почему вамъ были завязаны глаза?“—Потому что въ случаѣ, если бы я отказался подчиниться обычной церемоніи, которая происходитъ во время принятія масона, то я былъ бы уведенъ изъ ложи, не узнавши его вида“.

[3]) По ритуаламъ Великой Ложи принимаемаго водили кругомъ ложи только одинъ разъ.

слабѣйшая часть моего тѣла, какъ новопринятый ученикъ есть слабѣйшая часть масонства, въ которое я только что вступилъ".

Затѣмъ братья снова пьютъ тосты. Дальше идутъ вопросы о ложѣ, объ ея внутреннемъ составѣ, внѣшнихъ украшеніяхъ и ея символическомъ смыслѣ.

Ученикъ. „Ложу составляетъ извѣстное число масоновъ, которые соединились, чтобы вмѣстѣ работать. Ложу составляютъ числа: три, пять, семь или одиннадцать [1]). Три составляютъ ложу потому, что три Великіе Масона создали міръ, такъ же какъ и это благородное произведеніе архитектуры, человѣка, которые такъ совершенны въ своихъ пропорціяхъ, что древніе начинали свою архитектуру съ тѣхъ же самыхъ правилъ; и еще потому, что три великіе масона были при строеніи Соломонова храма [2]). Пять составляютъ ложу потому, что каждый человѣкъ одаренъ пятью чувствами, именно: слухомъ, зрѣніемъ, вкусомъ, обоняніемъ и осязаніемъ. Въ масонствѣ три изъ этихъ чувствъ имѣютъ для меня великую важность, именно, слухъ, зрѣніе и осязаніе. Слухъ служитъ къ тому, чтобы слышать слово; зрѣніе, чтобы видѣть знакъ; осязаніе, чтобы чувствовать прикосновеніе, такъ что я могу такъ же хорошо узнать брата въ темнотѣ, какъ при свѣтѣ. Семь составляютъ ложу потому, что есть семь свободныхъ наукъ, именно: грамматика, реторика, логика, ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія. Грамматика учитъ меня писать и говорить на языкѣ, которому я учусь, „по правиламъ перваго, второго и третьяго согласованія". Реторика учитъ искусству говорить обо всякомъ предметѣ. Логика учитъ правильно разсуждать, чтобы тѣмъ отличать истину отъ заблужденія. Ариѳметика учитъ свойству чиселъ. Геометрія учитъ искусству измѣрять..... Музыка учитъ свойствамъ тоновъ. Астрономія учитъ знанію небесныхъ тѣлъ [3]). Одиннадцать

[1]) Въ другихъ ритуалахъ старыхъ масоновъ упоминается и число девять, и къ нему приводятся аргументомъ девять музъ.

[2]) Здѣсь разумѣются: Царь Соломонъ, царь тирскій Гирамъ и Гирамъ (или Гирамъ—Абифъ), самый строитель или архитекторъ храма,— три лица, на которыхъ въ особенности останавливаются масонскія легенды, какъ мы упомянемъ дальше.

[3]) Это исчисленіе повторяется и въ ритуалѣ Великой Ложи и распространяется здѣсь примѣненіями къ масонству; при этомъ особенное значеніе дается геометріи, какъ заключающей въ себѣ все искусство масона. Этимъ словомъ объяснялась и буква G, изображеніе которой, окруженное свѣтомъ, сіяло въ масонской ложѣ.

составляютъ ложу потому, что было одиннадцать патріарховъ, когда Іосифъ былъ проданъ въ Египетъ и считался погибшимъ; и еще потому, что было только одиннадцать апостоловъ, когда Іуда предалъ Христа. Ложа имѣетъ видъ продолговатаго, прямоугольнаго четвероугольника [1]); Длина ея отъ востока до запада; Ширина отъ сѣвера до юга; Высота отъ земли до неба; Глубина отъ поверхности земли до ея центра; Глубина ложи простирается отъ поверхности земли до ея центра потому, что масонство универсально. Ложа расположена отъ востока къ западу потому, что такъ расположены, или должны быть расположены, всѣ церкви и часовни; и это потому, что евангеліе прежде всего возвѣщено на востокѣ и оттуда распространилось на западъ. Ложу поддерживаютъ три великіе столба; они называются: мудрость, сила и красота. Столбъ мудрости представляетъ собой мастера на востокѣ. Столбъ силы — старшій надзиратель на западѣ. Столбъ красоты—младшій надзиратель на югѣ. Первое потому, что мастеръ даетъ рабочимъ наставленія, чтобы они вели свое дѣло въ должномъ стилѣ, съ хорошей гармоніей. Второе: какъ солнце заходитъ, чтобы окончить день, такъ старшій надзиратель

[1]) Слѣдующее далѣе описаніе ложи почти въ томъ же самомъ видѣ повторяется въ старыхъ и болѣе новыхъ ритуалахъ Великой Ложи. Здѣсь прибавляется еще вопросъ:

— Гдѣ стоитъ Ложа?

— На священномъ мѣстѣ,—или на самомъ высокомъ холмѣ, или въ глубочайшей долинѣ, или въ долинѣ Іосафатовой, или въ другомъ тайномъ мѣстѣ.

Эта „Іосафатова долина" осталась потомъ во всѣхъ позднѣйшихъ ритуалахъ, вообще развивавшихъ ту библейско-легендарную символику, начало которой, какъ видимъ, является уже и въ первыхъ ритуалахъ, но въ болѣе умѣренномъ количествѣ.

Объ универсальности масонства говорится у Брауна такъ:

— Почему говорится, что масонская ложа имѣетъ такое обширное протяженіе (т. е. отъ земли до неба)?

— Не только для того, чтобы показать всеобщность науки (the Universality of the science), но также, что человѣколюбіе (charity) масона не имѣетъ никакихъ границъ, кромѣ благоразумія.

стоитъ на западѣ, чтобы выдавать рабочимъ ихъ плату, что и составляетъ силу и опору всякой работы. Третье потому, что младшій надзиратель стоитъ на югѣ въ самый полдень (который и есть красота дня) сзывать рабочихъ для отдыха отъ работы и смотрѣть, чтобы они во-время возвращались на работу, для того, чтобы мастеръ получилъ отъ этого удовольствіе и прибыль. Ложа поддерживается этими тремя столбами потому, что мудрость, сила и красота суть совершители (finisher) всѣхъ дѣлъ и безъ нихъ ничто не можетъ быть сдѣлано. Это оттого, что мудрость придумываетъ, сила поддерживаетъ, а красота украшаетъ. Наша ложа имѣла покровомъ облачный небесный сводъ [1]) разныхъ цвѣтовъ; Вѣтеръ масона дуетъ прямо отъ востока къ западу".

Мастеръ. „Который часъ, братъ?" Отв. Самый полдень.

М. „Созовите людей отъ работы для отдыха и смотрите, чтобы они во-время воротились опять на работу".

Этимъ оканчивается масонская бесѣда; въ заключеніе поется масонская пѣсня, причемъ масоны становятся вокругъ стола. При послѣднемъ стихѣ пѣсни они берутся за руки слѣдующимъ образомъ: человѣкъ, стоящій вправо, беретъ лѣвую руку своего сосѣда правой рукой, или стоящій влѣво беретъ правую руку своего сосѣда лѣвой рукой—такъ составляется масонская цѣпь. Братья всѣ поютъ въ хорѣ, поднимая и опуская въ тактъ руки и громко стуча ногами.

Послѣ того всѣ говорятъ, о чемъ хотятъ, а мастеръ дѣлаетъ распоряженіе объ отдыхѣ.

На этомъ кончается изложеніе степени ученика въ ритуалѣ Старыхъ Масоновъ.

Въ ритуалѣ Великой Ложи 1717 г., или Новыхъ Масоновъ, изложенномъ у Броуна и Престона, мы находимъ еще нѣкоторыя черты, которыя мы приведемъ вкратцѣ, въ дополненіе символики и нравственнаго ученія стараго англійскаго масонства.

Въ ритуалѣ Великой Ложи передъ закрытіемъ ложи приводятся еще другія подробности, и переданное сейчасъ описаніе ложи дополняется такимъ образомъ. Три столба, тосканскаго, дорическаго и коринѳскаго ордена, представляютъ Соломона, Гирама, царя тирскаго, и Гирама-Абифа. Ложа покрыта многоцвѣтнымъ балдахиномъ (небомъ), котораго масоны надѣются достигнуть по символической „лѣстницѣ Іакова". Она имѣетъ три главныя ступени: вѣру—въ Христа, надежду—на спасеніе, любовь—ко всему человѣчеству! Эта лѣстница ведетъ къ небу и утверждается на библіи. „Но любовь обнимаетъ цѣлое; кому свойственна эта добродѣтель въ ея обширномъ смыслѣ, о томъ мы говоримъ, что онъ достигъ вершины своего призванія, или, говоря метафизически (sic), достигъ того эфирнаго жилища, которое закрыто отъ глазъ смертныхъ звѣздною твердью, и далѣе представляется эмблематически семью звѣздами, обозначающими семь принятыхъ масоновъ", etc.

Дальше идетъ описаніе внутренности ложи. Внутри ложа состоитъ изъ украшеній, принадлежностей и клейнодовъ. Къ первымъ относятся: мозаиковый полъ (изображаемый на чертежѣ), „прекрасное основаніе масонской ложи—онъ представляетъ богатство творенія и божественныхъ благодѣяній, такъ же, какъ перемѣнчивый и неизвѣстный ходъ жизни, и разнообразныя внѣшнія отношенія людей, которые по рожденію и могилѣ всѣ равны"; пылающая звѣзда, напоминающая о поданіи десяти заповѣдей на Синаѣ, о любящемъ и благомъ вездѣсущіи Бога и т. д. Принадлежности ложи: библія, чтобы управлять и руководить нашей вѣрой и обязывать на ней новопринимаемаго; циркуль и наугольникъ, чтобы управлять нашими дѣйствіями. Библія исходитъ отъ Бога для всѣхъ людей, какъ самое краснорѣчивое объясненіе его воли; циркуль относится къ великому мастеру, какъ его отличіе; наконецъ, наугольникъ принадлежитъ всему цеху... Наконецъ, ложа тщательно бережетъ и скрываетъ отъ профановъ свои клейноды. Этихъ клейнодовъ—три подвижныхъ и три неподвижныхъ. Подвижные—наугольникъ, линейка и отвѣсъ,—собственно, это необходимые инструменты рабочаго каменьщика, а для масона это клейноды неоцѣнимаго достоинства по своему нравственному значенію, потому что наугольникъ учитъ нравственности, линейка—равенству, а отвѣсъ—прямотѣ и чистосердечію во всю жизнь. Подвижными они называются потому, что колеблются, когда

[1]) По англійски cапору, что значитъ и „балдахинъ".

они висятъ на груди мастера и двоихъ надзирателей, и они движутся каждый разъ въ день св. Іоанна, а если нужно и чаще. Неподвижные клейноды — чертежная доска для мастера, дикій камень для ученика, чтобы обдѣлывать его и вырѣзать на немъ знаки и нарѣзки, и совершенный [1]) камень для опытнаго работника, чтобы пробовать на немъ свои клейноды и приводить ихъ въ порядокъ. Они называются неподвижными потому, что всегда должны находиться передъ глазами масона, какъ знакъ того, что они означаютъ въ нравственномъ смыслѣ. Ложа, украшенная такимъ образомъ, посвящается вообще Соломону, какъ первому великому мастеру, а такъ какъ онъ былъ еврей, то теперь ложа посвящается Св. Іоанну Крестителю и Іоанну Евангелисту.

Затѣмъ въ новомъ отдѣлѣ излагаются основныя нравственныя положенія масонства. Мы приведемъ только нѣкоторыя черты. Масонство состоитъ изъ трехъ великихъ принциповъ: братской любви, помощи и вѣрности (brotherly Love, Reliet and Truth). Братская любовь смотритъ на весь человѣческій родъ, какъ на одно семейство, въ которомъ люди должны взаимно защищать, оказывать помощь и поддерживать другъ друга. Помощь каждому нуждающемуся, особенно всякому масону, есть основаніе масонской дружбы и знакомствъ. Вѣрность есть божественное свойство и основаніе масонской добродѣтели, почему лицемѣріе и обманъ масонамъ неизвѣстны, а чистосердечіе и прямота составляютъ ихъ отличительный характеръ, и сердце и языкъ каждаго соединяются, чтобы содѣйствовать благосостоянію другого и радоваться этому.

Отличительный характеръ масона есть добродѣтель, какъ высшее образованіе сердца, какъ чистота, гармонія и настоящее равновѣсіе склонностей, здоровье, крѣпость и красота души. Совершенство добродѣтели состоитъ въ томъ, чтобы дать разуму его полную свободу, съ радостной силой повиноваться велѣніямъ совѣсти, въ томъ, чтобы душевныя движенія, относящіяся къ самозащищенію, дѣйствовали съ силой и постоянствомъ; относящіяся къ человѣческому обществу — съ справедливостью и, наконецъ, душевныя движенія частной жизни — съ умѣренностью.

[1]) Или, какъ говорится обыкновенно, кубическій.

Масоны называются свободными и принятыми (free and accepted), потому что они свободны (имѣютъ взаимное право) для дружескихъ связей и должны быть свободны отъ пороковъ. Въ случаѣ, если бы не находилось человѣка съ такими свойствами, они надѣются навѣрно найти его „между наугольникомъ и циркулемъ“, потому что если они дѣйствуютъ по одному, то, конечно, они встрѣтятся внутри другого [1]) и т. д. Въ теченіе бесѣды, при главныхъ ея пунктахъ, пьются тосты, напримѣръ, въ память обоихъ св. Іоанновъ, въ честь масонскихъ принциповъ и добродѣтелей и т. п.

Въ заключеніе, закрытіе ложи совершается съ такими же обрядовыми вопросами и отвѣтами мастера и обоихъ надзирателей, съ какими ложа открывалась.

Такъ кончилась „лекція ученика“. Замѣтимъ, что въ этой лекціи (въ ея первоначальной формѣ) первоначально и заключался в е с ь ритуалъ и вся обрядность масонства, потому что, какъ доказываютъ новѣйшія изслѣдованія, степени товарища и мастера были уже позднѣйшимъ развитіемъ основной темы стараго обряда, и первоначально вовсе не имѣли своихъ особыхъ ритуаловъ, съ которыми являются впослѣдствіи.

Приведенные нами тексты, по всей вѣроятности, не представляютъ собой подлиннаго обряда собственныхъ каменьщиковъ, какъ онъ существовалъ въ старыя времена до Великой Ложи. Можно легко предположить, что преобразователи масонства, расширившіе смыслъ стараго обычая людей одного ремесла до цѣлаго общественнаго учрежденія, произвели и здѣсь обобщенія, какія можно замѣчать въ „Конституціяхъ“,—но за всѣмъ тѣмъ едва-ли сомнительно, что первый старинный смыслъ и источникъ лекціи есть именно обычай, легенда и мораль средневѣкового цеха. Ея символы, уподобленія, нравственныя правила, послужившія впослѣдствіи для цѣлой системы масонской мистики, очевидно, шли первоначально не дальше того, что говорится въ нихъ прямо, въ этомъ содержаніи было много свѣтлыхъ и человѣчныхъ идей, которыя могли получить болѣе широкое значеніе и

[1]) Одинъ изъ употребительныхъ масонскихъ символовъ, состоящій изъ соединенія раскрытаго циркуля (сверху) и наугольника (снизу), которые взаимно пересѣкаются.

болѣе возвышенныя примѣненія. Преобразователи только воспользовались этими формами.

Настоящій видъ приведеннаго нами ритуала сохраняетъ черты стараго содержанія, во многихъ случаяхъ, вѣроятно, буквально. Если мы сравнимъ „Конституцію“ и „лекцію“, особенно первую, съ такими памятниками, какъ отысканные масонскими историками „Уставы нѣмецкихъ каменотесовъ въ Страсбургѣ“ 1459 и другіе подобные цеховые документы каменьщиковъ XV и XVI вѣка, мы найдемъ въ нихъ весьма любопытныя указанія, подтверждающія ихъ историческую связь. Въ этихъ „Уставахъ“ правила каменьщиковъ изложены въ чисто спеціальномъ цеховомъ смыслѣ и по сравненію съ ними мы можемъ наглядно судить о томъ, насколько „Конституціи“ должны были сохранить старое содержаніе: здѣсь тѣ же самые порядки, то же чиноначаліе, тѣ же отношенія между людьми ремесла и тѣ же заявленія о дружелюбіи. Какъ естественно въ людяхъ цеха являлась не только ремесленная, но и нравственная связь и солидарность, можно видѣть изъ сравненія этихъ цеховъ съ нашими артелями, даже въ ихъ нынѣшней формѣ. Въ „Постановленіяхъ“ артелей, напечатанныхъ Н. В. Калачовымъ при его изслѣдованіи о русскихъ артеляхъ [1]), мы не разъ встрѣтимъ тотъ же самый тонъ отношеній и то же присутствіе нравственныхъ требованій между членами общества. И здѣсь точно такъ же „новикъ“ принимается въ общество за поруками, какъ масонъ-кандидатъ долженъ быть представленъ ручающимся за него братомъ; равныя и справедливыя отношенія также выполняются между членами, отъ которыхъ требуется вѣрность и честность; артель точно такъ же имѣетъ свой судъ надъ членами и приговариваетъ ихъ ко взысканіямъ по общему приговору; точно такъ же членамъ артели предписывается доброе обращеніе; такая же заботливость о хорошей службѣ „господамъ хозяевамъ“; такое же обязательство „не возвышаться одинъ передъ другимъ старшинствомъ или званіемъ..... не заводить ссоръ, удерживаться отъ непристойныхъ выраженій“, „не заводить съ артелью ни въ какомъ случаѣ никакихъ споровъ по судебнымъ мѣстамъ“, наконецъ, стараніе вести всю

[1]) См. Этн. Сборникъ Геогр. Общ. т. VI.—Ср. Handb. II, 479—502.

работу „добропорядочно и дружелюбно, чтобы заслуживать доброе имя“, однимъ словомъ, въ томъ же родѣ, какъ мы читали въ „Конституціяхъ“. Къ этому цеховому характеру отношеній надобно только прибавить легенду и обрядность. А легенда въ средніе вѣка была такимъ общимъ спутникомъ бытовой жизни, что присутствіе ея здѣсь не требуетъ особенныхъ объясненій. Какъ отдѣльныя мѣстности, сословія, промыслы имѣли свои священныя преданія или своихъ патроновъ между святыми, такъ патрональная легенда была и у каменьщиковъ. Особенная исключительность ихъ общества, которая характеризуется ложею, строго закрытой для профана, будетъ очень понятна, если мы представимъ себѣ дѣйствительныхъ каменьщиковъ и дѣйствительные обряды религіозно-настроеннаго цеха, строившаго „церкви и часовни“, и вмѣстѣ цеха-монополиста, который питалъ обычную корпоративную гордость своимъ искусствомъ и ревниво оберегалъ себя и отъ конкуррентовъ, и отъ непосвященныхъ. Нѣкоторые изъ масонскихъ историковъ думали, что универсальность масонства, о которой говоритъ ритуалъ въ обѣихъ редакціяхъ, выражаетъ собой благороднѣйшій и самый широкій идеалъ космополитической любви къ человѣчеству; мы полагали бы, что подобнаго рода „универсальность“ могла быть понята и проведена въ принципъ развѣ только Андерсономъ и Дезагюлье, но, что если она и упоминалась у старыхъ каменьщиковъ, то она скорѣе ограничивалась только всѣмъ составомъ цеха, который принималъ чужестранныхъ братьевъ и оказывалъ имъ дружелюбіе и помощь. Въ такомъ смыслѣ, напр., „Конституціи“ говорятъ о каменьщикахъ всѣхъ странъ, какъ членахъ одного общества, какъ рабочихъ одного высокаго ремесла. И точно такъ же, какъ въ „Конституціяхъ“ помощь брату не обязательна сверхъ возможности, такъ и въ „уставахъ“ эта помощь всегда оговаривается наивно высказываемымъ условіемъ, „если это не будетъ вредно мнѣ самому и моему семейству“.

Что касается до формы этой лекціи, здѣсь мы опять въ среднихъ вѣкахъ. Это—обыкновенная форма средневѣковой полународной и полукнижной „бесѣды“, форма, которую мы встрѣтимъ и въ миѳологической бесѣдѣ бретонскихъ друидовъ, и въ „ученой“ бесѣдѣ Алькуина, и въ тѣхъ

народно-поэтическихъ бесѣдахъ о предметахъ религіи и знанія, какія мы находимъ и въ старой русской письменности. Обрядность, естественно, привязывается къ символамъ ремесла. Расширеніе ложи отъ земли до неба, отъ сѣвера до юга и т. д., какъ идеальное представленіе высокаго значенія искусства масона, совершенно соотвѣтствуетъ пріемамъ народно-поэтической фантазіи. Особенная обстоятельность присяги и оригинальность казней, которыя призываетъ на себя масонъ за нарушеніе клятвы, также отражаютъ въ себѣ пріемы народнаго вкуса. Но каменьщики были вмѣстѣ и люди ученые, и въ „лекціи“, записанной въ 60-хъ годахъ XVIII-го столѣтія, эта наука представляется еще въ видѣ trivium et quadrivium.

Итакъ, содержаніе каменьщицкихъ обрядовъ и ученія было очень просто, наивно, но въ немъ было, однако, искреннее чувство дружелюбія и братской помощи. Поэтому реформа каменьщичества, совершившаяся въ Англіи въ началѣ XVIII вѣка, могла имѣть свой смыслъ: она хотѣла только развить національный обычай, и ввести его въ высшій слой общества, расширивъ при этомъ содержаніе старой цеховой поэзіи до цѣлой нравственной дисциплины...

Но чтобы кончить съ этой стариной масонства, мы должны сообщить еще нѣсколько подробностей. Мы сказали уже, что степень товарища и степень мастера были позднѣйшимъ распространеніемъ ритуала; но онѣ уже вскорѣ стали существенной его принадлежностью. Здѣсь явились такія же или подобныя обрядности пріема, такія же лекціи или катехизисы, только съ новыми символическими толкованіями а также и новыми словами, прикосновеніями, знаками и т. д. Принятіе въ ученики и товарищи вскорѣ стало дѣлаться даже въ одинъ вечеръ, потому, конечно, что въ церемоніяхъ оставалось слишкомъ много сходнаго [1]). Впрочемъ, степень товарища сообщаетъ уже нѣкоторыя указанія на строеніе Соломонова храма, масонскую легенду, которую стали сообщать окончательно въ степени мастера.

Объ этой легендѣ надобно сказать нѣсколько словъ, потому что впослѣдствіи она, въ самыхъ разнообразныхъ ре-

[1]) Послѣ законъ уже требовалъ, чтобы между двумя принятіями проходило не меньше 4-хъ недѣль.

дакціяхъ, играла большую роль въ ритуалахъ различныхъ системъ новаго изобрѣтенія.

Замѣтимъ предварительно, что слѣдующая здѣсь легенда о Гирамѣ, или Адонирамѣ, или Гирамъ-Абифѣ, главномъ мастерѣ при строеніи Соломонова храма, воспользовалась нѣкоторыми чертами изъ легендъ о Соломонѣ и строеніи Іерусалимскаго храма, ходившихъ въ христіанской Европѣ среднихъ вѣковъ; но основной сюжетъ ея, вѣроятно, очень новый. Преданія о Соломоновомъ храмѣ, его великолѣпіи, чудесныхъ подробностяхъ его строенія, удивительномъ искусствѣ главнаго мастера, были чрезвычайно распространены въ средніе вѣка, и, безъ сомнѣнія, извѣстны были также и старымъ каменьщикамъ. Новѣйшіе масоны, естественно, могли развить свою легенду на почвѣ этихъ преданій, близкихъ къ спеціальности цеха. Къ Гираму относилось самое изобрѣтеніе масонскихъ словъ и знаковъ. По масонскому разсказу, „Гирамъ, главный строитель Соломонова храма, имѣлъ столько рабочихъ, съ которыми ему нужно было расплачиваться, что ему невозможно было знать ихъ всѣхъ; поэтому каждой степени или классу рабочихъ онъ далъ особенный знакъ и слово, по которымъ онъ легче могъ различать ихъ, чтобы платить имъ различное ихъ жалованіе“ [1]). Эти слова и знаки и стали потомъ принадлежностями и тайными примѣтами различныхъ масонскихъ степеней. Составленіе легенды объ убійствѣ Гирама масонскіе археологи относятъ, кажется, не раньше, какъ къ XVII-му столѣтію, если не къ XVIII-му. Сообщаемая нами редакція принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ.

Когда товарищъ „посвящается въ мастера“, то въ „лекціи“ — такимъ же образомъ, какъ мы видѣли это въ степени ученика, — разсказываются всѣ подробности пріема, къ которымъ прибавляются потомъ новыя дѣйствія и разсужденія. Новопринятый мастеръ разсказываетъ, какъ онъ получалъ обученіе у старшаго надзирателя мастерской ложи:

— Онъ сказалъ мнѣ, что я представляю собой одного изъ величайшихъ людей въ мірѣ, именно нашего великаго мастера Гирама, который былъ убитъ при самомъ окончаніи

[1]) Jachin and Boaz, 1811, p. 33, примѣч.

(Соломонова) храма; и объ его смерти разсказываютъ слѣдующее:

„Было первоначально пятнадцать товарищей, которые, видя, что храмъ почти оконченъ, и не получая мастерскаго слова, были въ большомъ нетерпѣніи и согласились вынудить его силой у своего мастера Гирама, — при первомъ случаѣ, когда имъ удастся встрѣтить его одного, — чтобы послѣ имъ можно было считаться масонами въ другихъ странахъ и получать жалованье или прибыль мастера. Но прежде, чѣмъ они могли выполнить планъ, двѣнадцать изъ нихъ отказались отъ него; остальные трое упорствовали и рѣшились получить слово силой, если нельзя найти другого средства. Назывались они Jubela, Jubelo, Jubelum [1]).

„У Гирама *былъ всегда обычай* въ полдень, какъ скоро люцей позовутъ на отдыхъ, идти въ Sanctum sanctorum, или святая святыхъ, приносить свою молитву истинному и живому Богу; тогда трое вышеупомянутыхъ убійцъ стали у восточныхъ, западныхъ и южныхъ дверей храма. На Сѣверѣ не было входа, потому что лучи солнца никогда не падаютъ съ этой стороны.

„Гирамъ, кончивъ свою молитву къ Богу, пришелъ къ восточной двери и встрѣтилъ при ней Jubela, который рѣшительнымъ образомъ потребовалъ у него мастерскаго прикосновенія. Гирамъ отвѣчалъ ему, что не въ обычаѣ требовать этого прикосновенія такимъ тономъ, и что самъ онъ получилъ его не такъ; Гирамъ прибавилъ, что онъ долженъ ждать, и что время и терпѣніе это сдѣлаютъ. Гирамъ сказалъ ему *дальше, что не во власти* его одного открыть это (прикосновеніе), и что можетъ это сдѣлать только въ присутствіи Соломона, царя израильскаго, и Гирама, царя тирскаго. Jubela, недовольный этимъ отвѣтомъ, ударилъ его по шеѣ 24-хъ дюймовымъ масштабомъ (gauge). Гирамъ послѣ этого поступка его, побѣжалъ къ южной двери храма, и тамъ встрѣтилъ его Jubelo, который спросилъ у него мастерское прикосновеніе и слово такимъ же образомъ, какъ прежде Jubela; и получивъ отъ своего мастера тотъ же самый отвѣтъ, Jubelo нанесъ ему жестокій ударъ наугольни-

[1]) Въ другихъ варіантахъ этой мастерской легенды являются другія имена, конечно, столь же произвольныя.

комъ въ лѣвую грудь, заставившій его покачнуться. Пришедши въ себя, Гирамъ побѣжалъ къ западной двери — единственное оставшееся средство уйти; но этотъ проходъ стерегъ Jubelum, который спросилъ его въ томъ же смыслѣ и получивъ такой же отвѣтъ, нанесъ ему страшный ударъ по головѣ каменьщицкимъ молотомъ, что и причинило ему смерть".

Въ этомъ пунктѣ церемоніи принятія мастера, — замѣчаетъ „Іакинъ и Боазъ", — вы встрѣчаете нѣкоторую *неожиданность*; младшій надзиратель ударяетъ васъ масштабомъ по шеѣ; старшій надзиратель вслѣдъ за тѣмъ наноситъ вамъ ударъ наугольникомъ въ лѣвую грудь, и почти въ ту же минуту мастеръ ударяетъ васъ молотомъ. Такъ это бываетъ *въ большей части ложъ*; и *при этомъ* нужно не мало мужества, потому что удары бываютъ часто такъ жестоки, что бѣдный кандидатъ падаетъ назадъ на полъ; и чѣмъ больше бываетъ его страхъ при этомъ дѣйствіи, тѣмъ больше удовольствіе братьевъ. Этотъ обычай — замѣчаетъ та же книга, — слишкомъ благопріятствуетъ жестокости, и можно привести много примѣровъ, что люди въ этомъ положеніи просили на колѣняхъ, чтобы ихъ выпустили на свободу, а другіе какъ могли скорѣе спасались изъ ложи [1]).

Возвращаемся къ легендѣ и къ церемоніи.

„Послѣ того, убійцы вынесли тѣло Гирама въ западную дверь, и скрыли его подъ мусоромъ, до двѣнадцати часовъ

[1]) Книга упоминаетъ потомъ, что у французовъ и швейцарцевъ есть другой, болѣе поразительный и торжественный способъ представлять смерть Гирама. Именно, когда братъ, посвящаемый въ степень мастера, приходитъ въ ложу, то на томъ мѣстѣ, гдѣ дѣлается чертежъ, онъ находитъ гробъ, въ которомъ лежитъ одинъ изъ членовъ ложи съ обезображеннымъ и окровавленнымъ лицомъ, представляющій убитаго Гирама. При естественномъ изумленіи новопринимаемаго, одинъ изъ братьевъ объясняетъ ему, *что это лежатъ останки достойнаго мастера*, который пожертвовалъ жизнью, чтобы не выдать прикосновенія и слова тѣмъ, кто не имѣлъ на это права,—и выводитъ отсюда должную мораль. Затѣмъ произносится присяга, и въ то время, когда читается исторія убіенія Гирама, братъ выходитъ изъ гроба и новопринимаемаго кладутъ на его мѣсто. Авторъ „Іакина и Боаза" находитъ, что этотъ *обычай лучше* англійскаго. Замѣтимъ, что здѣсь уже начинается передѣлка и внѣшнихъ масонскихъ обрядностей, которыя, съ теченіемъ времени, становились все больше и больше искусственными и театрально-эффектными.

слѣдующей ночи, когда они, по уговору, сошлись и похоронили его на скатѣ холма, въ могилѣ въ шесть футовъ глубины, вырытой отъ востока къ западу“ [1]).

Затѣмъ, на вопросъ мастера, что происходило дальше, новопринимаемый разсказываетъ:

— Мнѣ сказали, что я представлялъ одного изъ величайшихъ людей въ мірѣ, т. е. нашего великаго мастера Гирама.

Мастеръ. Благодарю васъ, братъ. Прошу васъ, продолжайте.

О. Когда я легъ на спину, мастеръ сказалъ мнѣ, какъ Гирамъ былъ найденъ, и какимъ образомъ трое злодѣевъ были открыты. Именно: „Когда нашъ мастеръ Гирамъ не пришелъ по обыкновенію смотрѣть рабочихъ, царь Соломонъ велѣлъ сдѣлать строгіе поиски; и когда они были безплодны, то предположили, что Гирамъ умеръ. Когда двѣнадцать отставшихъ товарищей услышали это извѣстіе, въ нихъ заговорила совѣсть: они пришли къ Соломону съ бѣлыми запонами и перчатками, эмблемами ихъ невинности, разсказали ему все, что знали объ этомъ дѣлѣ, и предложили свое содѣйствіе для отысканія трехъ другихъ товарищей, которые скрылись. Они раздѣлились на четыре партіи: на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, чтобы искать убійцъ. Когда одинъ изъ-за двѣнадцати странствовалъ по морскому берегу близъ Яффы, онъ, уставши, сѣлъ отдохнуть, но вскорѣ былъ встревоженъ слѣдующими ужасными восклицаніями, изъ-за обрыва скалы: „Ахъ, пусть бы мнѣ перерѣзана была шея, языкъ вырванъ съ корнемъ и зарытъ въ морскомъ пескѣ при низкой водѣ, за кабельтовъ разстоянія отъ берега, гдѣ приливъ и отливъ проходитъ два раза въ двадцать четыре часа, прежде чѣмъ я согласился на смерть нашего великаго мастера Гирама“ [2]). „Ахъ, (говорилъ другой) пусть бы лучше у меня было вырвано сердце изъ-подъ моей обнаженной лѣвой груди и отдано на пожраніе коршунамъ, чѣмъ принять мнѣ участіе въ смерти такого добраго мастера“ [1]). „Но я ударилъ его сильнѣе васъ обоихъ (сказалъ третій); и я убилъ его. Ахъ, пусть бы мое тѣло было раздѣлено на двое и разбросано на югъ и сѣверъ, мои внутренности сожжены въ пепелъ на югѣ и разсѣяны по четыремъ вѣтрамъ земли, прежде чѣмъ я сдѣлался причиной смерти нашего добраго мастера Гирама“ [2]). Товарищъ, услышавши это, пошелъ искать двухъ своихъ спутниковъ и они вошли на скатъ скалы, взяли и связали убійцъ, и привели къ царю Соломону, передъ которымъ они добровольно сознались въ своей винѣ и просили смерти. Приговоръ, сдѣланный надъ ними, былъ тотъ самый, какой они выражали въ жалобахъ своихъ на скалѣ: Iubela была перерѣзана шея; сердце Iubelo было вырвано изъ-подъ его лѣвой груди; а тѣло Iubelum было раздѣлено на двое и брошено на югъ и на сѣверъ.

„Когда казнь была совершена, царь Соломонъ послалъ за двѣнадцатью товарищами и просилъ ихъ поднять тѣло Гирама, чтобы похоронить его торжественнымъ образомъ въ Sanctum Sanctorum. Такъ какъ Гирамъ умеръ, то мастерское слово было потеряно. Товарищи, исполняя приказаніе Соломона, пошли и расчистили мусоръ и нашли своего мастера въ искаженномъ состояніи, такъ какъ онъ лежалъ пятнадцать дней; при этомъ они съ изумленіемъ подняли руки надъ головами и сказали: Господи Боже! Такъ какъ это было первое слово и первый знакъ [3]), то царь Соломонъ принялъ ихъ какъ великій знакъ мастера-масона и онъ употребляется теперь во всѣхъ ложахъ мастеровъ“.

Опускаемъ нѣсколько частныхъ подробностей. Лекція мастера кончается вопросами о строеніи Соломонова храма,— при которомъ не было употреблено никакого металла (почему у новопринимаемаго и отбираются металлическія вещи); дерево привозилось обдѣланное изъ ливанскаго лѣса и звукъ металлическаго орудія не былъ слышенъ въ храмѣ.

[1]) Другіе масоны,—замѣчаетъ „Іакинъ и Боазъ“,—говорятъ: иначе что Гирамъ не былъ вынесенъ въ западную дверь, но похороненъ на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ такимъ образомъ убитъ; трое убійцъ разобрали часть пола, сдѣлали отверстіе и, положивъ туда тѣло, покрыли его камнями, а потомъ вынесли мусоръ въ своихъ передникахъ или запонахъ, чтобы предупредить подозрѣніе.

[2]) Формула изъ присяги ученика о сохраненіи масонской тайны. См. выше.

[1]) Такая же формула изъ присяги товарища.

[2]) Формула изъ присяги мастера.

[3]) Т. е. первые, какіе случились при этомъ событіи.

Мастеръ. „Почему у васъ была снята обувь съ обѣихъ ногъ? О. Потому что мѣсто, на которомъ я стоялъ, когда принятъ былъ въ масоны, было священное [1]).

М. Что поддерживаетъ вашу ложу? О. Три столба.

М. Прошу васъ, братъ, скажите, какъ они называются?

О. Мудрость, сила и красота.

М. Что они представляютъ? О. Трехъ великихъ мастеровъ: Соломона, царя израильскаго, Гирама, царя Тирскаго, и Гирама-Абифа, который былъ убитъ тремя товарищами.

М. Участвовали ли эти три великіе мастера въ строеніи Соломонова храма? О. Участвовали.

М. Въ чемъ состояло ихъ дѣло? О. Соломонъ доставлялъ содержаніе и плату рабочимъ; Гирамъ, царь тирскій, доставлялъ матеріалы для строенія, а Гирамъ-Абифъ совершалъ дѣло и имѣлъ главный надзоръ за нимъ [2]).

Такъ кончалась первоначальная легенда, которую стали сообщать въ степени мастера. Три первыя степени составляли полный циклъ, въ которомъ завершалась легенда и нравоученіе. Степени ученика, товарища и мастера представляли извѣстную градацію, въ которой и легенда и символическая мораль высказывались все полнѣе; въ степени мастера и то и другое оканчивалось и мысль легенды, какъ полагаютъ, состояла въ нравоученіи, что, исполняя свою обязанность, не должно бояться самой смерти. Дальнѣйшихъ притязаній эта форма масонства не имѣла.

Но уже и эта первая форма масонства, принятая въ Англіи, не представляла собой подлинной старой формы каменьщицкаго обряда, потому что самая градація трехъ степеней, составляющая потомъ основной типъ масонскаго ритуала, повышеній и администраціи, образовалась уже послѣ открытія Великой Ложи, въ періодъ 1724—1730 г. Впослѣдствіи, въ новыхъ образовавшихся системахъ масонства, на этихъ трехъ степеняхъ еще наросла цѣлая масса высшихъ степеней; въ самыхъ іоанновскихъ степеняхъ также произошло много видоизмѣненій; эти измѣненія и варіанты, исторія которыхъ, конечно, очень сложная, внесли, наконецъ, большое разнообразіе и во внѣшніе обряды, и въ самое

1) Holy—ground, вѣроятно, въ смыслѣ предполагаемой могилы Гирама.

2 Jachin and Boaz, стр. 29—32.

толкованіе масонскаго содержанія. Мы ограничимся немногими замѣчаніями.

Когда ремесленные обычаи рабочей ложи при реформѣ 1717—1723 г. получили для новыхъ масоновъ только чисто иносказательный смыслъ, это уже открывало полный просторъ для символическихъ истолкованій. „Хозяинъ постройки“ и „Строитель“ (Builder), который сначала является только случайной аллегоріей, потомъ становится постояннымъ терминомъ; „работа“ стала исключительнымъ названіемъ для нравственно-религіозныхъ упражненій; рабочіе инструменты, вся обстановка ложи превратились въ масонскія „украшенія и клейноды“, и получали все болѣе и болѣе широкія символическія толкованія, конечно, болѣе или менѣе произвольныя. И это было не только въ новоизобрѣтенныхъ системахъ съ высшими степенями, но и въ самыхъ ложахъ Англіи. Книга Гучинсона (Spirit of Masonry, 1775), хотя и изданная съ одобреніемъ Великой Ложи, представляетъ уже сильное развитіе такой символики, которая, повидимому, уже не всегда была ортодоксальна въ старо-масонскомъ смыслѣ. Рядомъ съ этимъ, нравственно-общественныя идеи, съ которыхъ начало масонство, не всегда сохраняли свою чистоту, даже и въ самой Англіи. Напримѣръ, старыя „Конституціи“ говорятъ прямо о „всеобщей религіи“,—„той, въ которой всѣ люди согласны“;—между тѣмъ позднѣйшее масонство исключаетъ евреевъ, не говоря о магометанахъ, и впослѣдствіи вопросъ о допущеніи евреевъ былъ предметомъ долгихъ споровъ. Вмѣсто деистическихъ идей масонство становится на почву мистики... Правда, англійскія ложи никогда не доходили въ мистическомъ направленіи до тѣхъ нелѣпостей, какія мы указывали въ континентальномъ масонствѣ, но тѣмъ не менѣе и здѣсь простота перваго учрежденія начинала теряться. Успѣхъ свободнаго каменьщичества при его первомъ распространеніи въ Европѣ, былъ, вѣроятно, очень неожиданный, и это могло содѣйствовать появленію фальшивыхъ тенденцій: масоны старались разработать мистическую сторону дѣла въ томъ объемѣ, какой долженъ былъ соотвѣтствовать ихъ высокому понятію о значеніи ихъ общества, и съ другой стороны представить достойную его исторію. Начало этой исторіи, положенное Андерсономъ, было развито до цѣлаго басно-

словнаго сказанія о судьбѣ таинственной мудрости, сберегавшейся въ средѣ избранныхъ мужей съ самаго сотворенія міра. И то и другое, т. е. мистицизмъ и историческое баснословіе, мы видимъ уже въ полномъ ходу въ упомянутой книгѣ Гучинсона. Другіе ревнители пошли дальше, и уже съ перваго времени являются поддѣлки масонскихъ памятниковъ, какъ напр., мнимый масонскій катехизисъ Локка, который былъ даже принятъ въ изданіе англійскихъ статутовъ, и которому вѣритъ поэтому и Елагинъ [1]); или какъ мнимая Іоркская конституція 926 г. и т. п. Отсутствіе исторической критики и готовность вѣрить всякимъ разсказамъ о древности ордена, обезпечивали успѣхъ поддѣлокъ и все больше и больше запутывали исторію масонства.

Вмѣстѣ съ содержаніемъ и самыя формы каменьщичества становились все болѣе искусственными. Церемоніи, описываемыя въ старѣйшихъ ритуалахъ, еще довольно просты. Чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ дѣлаются сложнѣе, изысканнѣе, театральнѣе. Темная комната, въ которой прежде всего оставляется кандидатъ, въ прежнее время была, кажется, просто комната съ завѣшенными плотно окнами; впослѣдствіи, это—черная комната, съ чернымъ столомъ, на которомъ лежитъ библія и человѣческій черепъ; потомъ въ ней является цѣлый скелетъ; потомъ — это скелетъ движущійся и т. д. Въ самой ложѣ, украшенія ея становятся все ухищреннѣе, эффектнѣе; чертежъ на полу мѣломъ превращается въ цѣлый „коверъ“, на которомъ рисуется множество символическихъ изображеній [2]); „низкія кресла“, за которыми становился въ старину мастеръ при обрядѣ принятія, впослѣдствіи превращаются въ „жертвенникъ“, и передъ

[1]) Р. Арх. 1864, 2-е изд., стр. 599. Онъ находится, между прочимъ, и въ русскомъ переводѣ книги Гучинсона, „Духъ масонства“ (1783). Объ исторіи самаго документа см. Handb. I, 445—449.

[2]) Смыслъ чертежа или „ковра“ масонскіе археологи объясняютъ такимъ образомъ. Когда рабочія ложи превратились въ ложи условныя, чертежъ былъ именно условнымъ изображеніемъ ложи. Въ рабочей ложѣ было три окна, на востокѣ, югѣ и западѣ; здѣсь при свѣтѣ работали мастеръ и его помощники; на сѣверъ окна не было, и здѣсь работали ученики. Въ масонской ложѣ положеніе лицъ осталось то же, но для того, чтобы представить истинную (идеальную) ложу, которой не соотвѣтствовала обыкновенная комната, на полу чертился параллелограмъ, изображавшій ложу, и здѣсь обозначались мѣста „свѣтильниковъ“ на востокѣ, югѣ и западѣ, гдѣ въ рабочей ложѣ были окна; мастеръ и члены ложи находились внутри чертежа. Потомъ, когда это нашли неудобнымъ, чертежъ дѣлался просто въ видѣ небольшого рисунка чисто воображаемой ложи. Впослѣдствіи и этого стало мало. Ложа была отождествлена съ Соломоновымъ храмомъ и чертежъ изображалъ храмъ; наконецъ, появились всевозможные символы и гіероглифы масонства, такъ что „объясненіе ковра“ стало цѣлой масонской наукой. Причардъ, говоря о свѣтильникахъ ложи, замѣчаетъ, что „три постоянные свѣтильника (fixed lights), бывшіе въ ложѣ, суть три окна, которыя предполагаются въ каждой комнатѣ, гдѣ держится ложа, хотя бы оконъ въ ней вовсе не было“.

нимъ совершалось даже нѣчто подобное церковнымъ обрядамъ: у нашихъ розенкрейцеровъ было мvропомазаніе. Простое хожденіе новопринимаемаго кругомъ ложи превращается въ цѣлое такъ называемое „путешествіе“, которое, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усложнялось; въ старину новопринимаемый встрѣчалъ въ этомъ хожденіи только тѣ „препятствія“, какія находилъ въ спинахъ братьевъ, на которыхъ онъ натыкался съ завязанными глазами,—впослѣдствіи является цѣлый рядъ настоящихъ „испытаній“ [1]), которыми пробовали храбрость кандидата. Въ донесеніи Олсуфьева о масонахъ, при имп. Елизаветѣ, это путешествіе названо прямо „мытарствами“. Въ позднѣйшее время, особенно во французскихъ ложахъ, „путешествіе“ представляло для кандидата цѣлый рядъ мудреныхъ задачъ, которыя приходилось ему разрѣшать, —онъ долженъ былъ переходить черезъ воду, прыгать черезъ пропасти, брать въ руки раскаленное желѣзо, на него лилъ дождь, сыпался градъ, надъ нимъ гремѣлъ громъ и т. п. Въ заключеніе, для приданія масонской практикѣ всевозможной эффектности, чтобы окончательно ошеломить и напугать кандидата, пущены были въ

[1]) „Масонъ безъ маски“ разсказываетъ это уже съ такими подробностями. Когда мастеръ велѣлъ провести профана „подъ желѣзными сводами отъ запада къ востоку, чтобы искалъ свѣта“— его повели такъ: „Фреръ (т. е. братъ, масонъ), который держалъ меня за руку, трижды провелъ меня кругомъ по ложѣ. При всякомъ шагѣ кричали мнѣ: подымай ноги, береги голову... Я вездѣ слышалъ надъ своею головою лязгъ, происходившій отъ ударенія мечей одинъ о другой и называемый ими желѣзными сводами. Всякой часъ бился я лбомъ будто какъ объ обнаженное желѣзо, которое Фреръ приставлялъ ко оному съ боку и повелѣвалъ мнѣ голову наклонять; сверхъ того, ощущалъ я всегда нѣчто подъ ногами и былъ принужденъ поднимать оныя на подобіе

ходъ всякія театральныя уловки, оптическіе обманы, электрическія машины, гальваническіе приборы, провалы и т. п. [1]).

Мы упомянемъ далѣе о различныхъ ритуалахъ, какіе существуютъ на русскомъ языкѣ и употреблялись въ нашихъ ложахъ. Значительная коллекція ихъ находится въ особенности въ масонскомъ собраніи Московскаго Музея; нѣсколько экземпляровъ находится въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ; нѣсколько ритуаловъ, принадлежавшихъ Елагину, гросмейстеру русскихъ ложъ при Екатеринѣ, и находящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, описано было Пекарскимъ.

ГЛАВА III.

Общія замѣчанія о русскомъ масонствѣ.

Въ образованіи и характерѣ русскихъ ложъ нельзя не замѣтить, съ извѣстными ограниченіями, многія сходныя черты съ европейскимъ масонствомъ, — какъ этого естественно ожидать по самой исключительности формъ масонскаго общества. Читатель могъ бы замѣтить нѣкоторыя черты этого сходства и по приведенной выше характеристикѣ нѣмецкаго масонства у Шлоссера, если бы сравнилъ ее съ тѣмъ, что мы знаемъ о нашемъ старомъ масонствѣ, — конечно, ограничивъ самые размѣры явленія, которые у насъ, какъ ни были сами по себѣ необыкновенны для русскихъ нравовъ, все-таки были очень тѣсны.

Общія причины распространенія масонства, или, вообще, мечтательнаго мистицизма, въ русскомъ образованномъ

обучаемой въ манежѣ лошади; ибо при всякомъ шагѣ находилъ я подъ ногами нѣкоторое препятствіе, которое или мѣшало мнѣ идти, или пугало.

„По многимъ трудамъ напослѣдокъ и по многихъ страхахъ, ощутилъ я себя при самой стѣнѣ и ожидалъ спокойно своего рока". (Стр. 18—19).

Наконецъ, мастеръ велѣлъ показать ему свѣтъ, и когда сняли съ его глазъ повязку, онъ увидѣлъ себя передъ братьями, направившими ему въ грудь свои обнаженные мечи.

[1]) См., напр.: Hephata oder Denkwürdigkeiten und Bekenntnisse eines Freimaurers. Leipz. 1836.

обществѣ XVIII-го столѣтія, лежатъ въ самыхъ условіяхъ и характерѣ нашего общественнаго развитія со временъ Петра Великаго. Реформа стряхнула упорную неподвижность XVII-го вѣка и хотя сама не имѣла, собственно говоря, цѣлью прямо возбудить общественную самодѣятельность (потому что не давала обществу свободы выбора, а принуждала его идти по указанному направленію), но принесенный ею запасъ новыхъ понятій не могъ не оказать своего дѣйствія. Если только въ обществѣ находились живые люди, искавшіе развитія, въ ихъ умахъ должны были пустить свой корень тѣ идеи, которыя выражались европейскими знаніями и европейскими формами быта, какъ бы ихъ объемъ не былъ ограниченъ въ первое время. Русскіе люди теперь сами могли видѣть европейскую жизнь и присматриваться къ ея руководящимъ тенденціямъ, и просвѣщеніе, за которымъ Петръ отправлялся самъ въ Европу и посылалъ своихъ подданныхъ, не могло не прививать, хотя въ нѣкоторой степени, своего содержанія и нравственнаго смысла. Однимъ изъ первыхъ очевидныхъ дѣйствій этого просвѣщенія было возникновеніе литературы: въ эпоху самого Петра ея почти не существовало; она почти вся состояла только изъ непосредственно нужныхъ книгъ; Петръ самъ указывалъ, что надо перевести и напечатать, самъ поправлялъ и составлялъ книги, — эта оригинальная литература похожа была на продолженіе и объясненіе указовъ. Но затѣмъ она является уже съ признаками индивидуальнаго характера: писатель выходитъ на литературное поприще по внутреннему побужденію и въ первый разъ выражаетъ собой зарождающуюся общественную иниціативу. Таковы были Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ. Извѣстно, что эта первая литературная дѣятельность въ европейскомъ стилѣ не осталась незамѣченной обществомъ и напротивъ, встрѣтила особенное вниманіе со стороны наиболѣе образованныхъ людей—несомнѣнный знакъ, что въ этомъ обществѣ совершались первыя движенія мысли и общественныхъ интересовъ. Существенной чертой содержанія этой литературы было стремленіе къ просвѣщенію, желаніе, чтобъ отечество сдѣлалось жилищемъ музъ и наслаждалось плодами „насажденныхъ" наукъ: писатели старались какъ можно скорѣе создать „Россійскій Парнассъ", этотъ миѳологиче-

скій палладіумъ литературнаго образованія, по тогдашнимъ понятіямъ, и наполнить въ отечественной литературѣ всѣ принятыя рубрики прозы и поэзіи. Все это было пылкимъ, но еще очень неопредѣленнымъ стремленіемъ усвоить европейское образованіе, которое становилось передъ обществомъ, какъ неизбѣжный и могущественный авторитетъ. Неопредѣленность первыхъ стремленій литературы выражала и неопредѣленность самыхъ инстинктовъ общества, которые только мало-по-малу и постепенно пріобрѣтали нѣкоторую ясность и сознательность. Сатира Кантемира еще слишкомъ отзывается преслѣдованіемъ оффиціально указанныхъ недостатковъ; но въ сатирѣ Сумарокова мы видимъ уже болѣе самостоятельную попытку общества судить о своихъ вопросахъ. Нравственныя понятія начинаютъ образовываться независимо отъ подобныхъ оффиціальныхъ указаній; и общество уже само начинаетъ искать себѣ идеаловъ и руководящихъ идей.

Естественно, что при этомъ общественная мысль, уже съ самыхъ первыхъ шаговъ, должна была натолкнуться на противорѣчіе и препятствія.

Припоминая свойства нашей жизни и нравовъ въ XVIII столѣтіи, мы увидимъ, что для этой зарождающейся мысли представлялось здѣсь много явленій, вызывавшихъ на протестъ. Понятія, внушаемыя образованіемъ, не могли мириться съ тѣми мрачными сторонами быта, которыми такъ изобиловало наше XVIII столѣтіе. Нравы, даже нѣсколько отполированные европейскими формами, еще слишкомъ часто носили на себѣ черты до-петровскаго, полуазіатскаго быта, которыя проявлялись одинаково и въ пріемахъ управленія, и въ частной жизни даже наиболѣе образованнаго высшаго класса. Не входя въ большія подробности, достаточно припомнить, что многія событія Петровскаго времени, быстрыя смѣны правительствъ въ послѣдующемъ періодѣ, крайній произволъ администраціи, судебное грабительство, невѣжество и дикость крѣпостныхъ нравовъ, все это мало способствовало общественной и частной нравственности, а, прикрываясь лоскомъ европейскаго образованія, становилось еще болѣе вопіющимъ диссонансомъ. Между тѣмъ образованіе шло своимъ путемъ, и для лучшихъ людей долженъ былъ представиться настоятельный вопросъ: чѣмъ поправить это положеніе вещей, гдѣ искать средства противъ этихъ мрачныхъ явленій, какъ разрѣшить противорѣчіе?

Послѣ Петра реформаторская дѣятельность правительства очень ослабѣла, иногда даже останавливалась вовсе, и обществу приходилось уже больше разсчитывать на свой собственный выборъ средствъ и собственныя усилія. Куда же обратился этотъ выборъ?

Умственный запасъ и нравственныя силы самого общества были еще слишкомъ ограничены, чтобы оно вообще могло обойтись безъ чужой помощи въ трудныхъ задачахъ развитія, и естественно, что и теперь, какъ при началѣ реформы, оно обратилось за этой помощью къ европейскимъ источникамъ. Изъ нихъ почерпались первыя знанія, заимствовались цивилизованные обычаи, копировались формы администраціи, и изъ нихъ же стала теперь почерпаться литература, изъ нихъ брало свою форму и начинавшееся броженіе общественной мысли. Въ тѣсныхъ границахъ и въ слабой степени здѣсь повторялись тѣ направленія мысли, какія господствовали въ тогдашней европейской литературѣ и общественной жизни. Извѣстно, какія были въ общихъ чертахъ эти направленія. Съ одной стороны, это было постепенное развитіе знанія, усиленіе раціонализма и разсудочной философіи, стоявшія въ связи съ успѣхами точныхъ наукъ и къ концу столѣтія доходившія до положительнаго сенсуализма и до философіи энциклопедистовъ; съ другой стороны — мистика, которая въ началѣ столѣтія питалась умствованіями, диспутаціями и чудесами іезуитовъ и янсенистовъ во Франціи, или піэтизмомъ и его экзальтаціей въ Германіи. Мистика, въ концѣ столѣтія, почти вполнѣ овладѣла (первоначально деистическимъ) масонскимъ обществомъ, и въ заключеніе дошла до невообразимаго тумана, фантазерства и шарлатанства, о которыхъ мы говорили выше. Оба направленія иногда странно перепутывались: мистикъ иногда питался широкими идеями свободнаго мышленія, передѣлывая ихъ на свой ладъ и поднимая споръ противъ оффиціальной церковности съ помощью аргументовъ, указанныхъ скептиками; и наоборотъ, свѣтскіе люди, воспитанные на скептицизмѣ, вѣрили въ мистическія чудеса фантастовъ, въ родѣ Сведенборга, или ловкихъ шарлатановъ, въ родѣ Казановы или Каліостро, которые своимъ смѣлымъ и насмѣшливымъ

обманомъ наказывали общество за недостатокъ серьезной мысли и знанія. Но при всей коренной противоположности раціонализма, или точнаго знанія, и мистики, при всей ожесточенной борьбѣ, которая шла между обоими направленіями въ литературѣ и общественной жизни, а, наконецъ, и на широкой политической аренѣ, оба направленія имѣли то общее, что оба, каждое съ своей точки зрѣнія и своими способами, искали нравственнаго освобожденія отъ гнетущихъ формъ всемогущей офиціальной государственности и школьной теологіи; оба искали средствъ противъ упадка общественной нравственности и для установленія иныхъ междучеловѣческихъ отношеній. Эти направленія перешли слабымъ отголоскомъ и въ нашу собственную жизнь, перешли мало-по-малу, часто почти незамѣтно для глаза, проникая въ литературу и общество при каждомъ новомъ заимствованіи, какими наше образованіе постоянно питалось въ XVIII столѣтіи. Ко второй половинѣ этого вѣка оба направленія выразились и у насъ весьма явственно, и мы видимъ ихъ идущими параллельно, потому что оба они отвѣчали общественнымъ потребностямъ и вкусамъ. Эти потребности и вкусы являлись въ самой русской жизни, какъ слѣдствіе нѣкоторой степени образованія и какъ естественная реакція противъ тяжелой и неудовлетворявшей дѣйствительности; но вмѣстѣ съ тѣмъ они воспитывались и усиливались той самой пищей, какой искали въ европейскихъ источникахъ. Требованія раціональнаго знанія уже имѣли свое выраженіе въ Ломоносовѣ, который былъ у насъ представителемъ Вольфовой философіи и положительнаго естествознанія,— и извѣстно, что это точное знаніе уже вызывало оппозицію доморощенныхъ мистиковъ. При Екатеринѣ II, когда общество въ началѣ ея царствованія замѣтно встрепенулось и оживилось, эти направленія выказались уже гораздо опредѣленнѣе: на одной сторонѣ ясно обнаруживается живой интересъ къ французскому просвѣщенію и энциклопедистамъ, на другой — наклонность къ отвлеченной религіозности и мистицизму; разсудочная философія и идеи о естественныхъ правахъ и достоинствѣ человѣка находятъ себѣ мѣсто въ „Наказѣ“ — мистика и піэтизмъ открываютъ свою пропаганду въ масонскихъ ложахъ.

Чтобы ближе видѣть, какимъ образомъ такая странная, темная, фантастическая, наконецъ даже нелѣпая вещь, какъ масонство, могла овладѣть умами съ такой силой, и увлекать такихъ достойныхъ людей, каковы, несомнѣнно, были очень многіе изъ русскихъ масоновъ, — надо припомнить, что если оно открыло себѣ путь въ европейское общество, то человѣкъ русскаго общества былъ еще беззащитнѣе противъ мистическаго тумана потому, что другое, болѣе разумное направленіе, было очень слабо. Наше серьезное знаніе было вполнѣ чужое, и русская мысль разрабатывала и усвоивала его содержаніе только въ той ограниченной мѣрѣ, какую могла допустить незначительная степень ея зрѣлости. При русскихъ условіяхъ, при крайнемъ недостаткѣ правильныхъ средствъ образованія, эта зрѣлость вообще должна была приходить крайне медленно; кромѣ того, даже сильный умъ, вооруженный всѣми средствами существовавшей науки, едва ли былъ бы въ состояніи сдѣлать много при тогдашнемъ положеніи массы общества: общественная дѣятельность писателя не можетъ принять большихъ размѣровъ тамъ, гдѣ его голосу приходится вопіять въ пустынѣ; суровое правленіе нисколько не поощряло индивидуальныхъ стремленій, когда они на шагъ удалялись отъ предписанныхъ рамокъ; число образованныхъ людей было слишкомъ ничтожно, чтобы они могли составить серьезное общественное мнѣніе. Попытки просвѣтительной дѣятельности высказывались только въ самыхъ невинныхъ формахъ, робко и нерѣшительно, изъ страха передъ людьми и вещами, съ которыми шутить было нельзя. Понятно, что эти попытки были крайне блѣдны и недѣйствительны: писатель и не помышлялъ о какомъ-нибудь систематическомъ проведеніи своей мысли, онъ даже и не привыкалъ къ этой систематической мысли; изъ богатаго источника западныхъ литературъ онъ пользовался немногими крохами, которыя былъ въ силахъ высказать въ русской книгѣ и примѣнить къ русской жизни; если онъ пытался иногда расширять свою точку зрѣнія, онъ тотчасъ наталкивался на неодолимое препятствіе, возвращавшее его назадъ... Императрица Екатерина сама отдавала дань западному просвѣщенію, наполнивъ его идеями знаменитый „Наказъ“; она переписывалась съ Вольтеромъ, любезно покровительствовала Дидро, переводила „Велизарія“ въ то время, когда его запрещали въ Парижѣ,—

но это не касалось русской литературы, и сущность ея зависимаго и слабосильнаго характера измѣнилась мало. Общій уровень образованія былъ все еще весьма не высокъ; у насъ, правда, переводили энциклопедистовъ, но едва ли хорошо понимали ихъ, и притомъ въ переводъ не попадали главнѣйшія произведенія, которыя могли бы оказывать вліяніе; наиболѣе смѣлый писатель, на которомъ видно ихъ вліяніе, Радищевъ, кажется скорѣе чудакомъ, не отдававшимъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, пожалуй, искреннимъ и благороднымъ мечтателемъ, чѣмъ серьезнымъ или глубокимъ умомъ; комедія и сатира, „бичевавшія“ недостатки общества, ратовали противъ г-жъ Простаковой и Ворчалкиной и преслѣдовали подъячихъ, — дальнѣйшіе ранги остались нетронутыми, не только въ печати, но, въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, и въ помышленіи. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ писатель выходилъ изъ этого уровня, дѣйствительно, или даже только повидимому, онъ встрѣчалъ упомянутыя препятствія и иногда платился за неосторожность; вспомнимъ мелкіе и крупные примѣры фонъ-Визина, Княжнина, Новикова, Радищева... Мы вовсе не хотимъ унижать этимъ достоинства нашей литературы XVIII столѣтія,—она все-таки предпринимала полезные труды; мы не будемъ также и опредѣлять здѣсь, насколько ея слабость и недостатки были слѣдствіемъ слабости общественной и личной иниціативы, и насколько они были дѣломъ обстоятельствъ, — для насъ важно здѣсь только то заключеніе, не подлежащее спору, что все это литературное движеніе не могло дать идеямъ просвѣщенія вліянія и силы въ мнѣніяхъ общества. При ограниченности образовательныхъ и литературныхъ средствъ, изъ всего содержанія, которое наша литература могла бы извлекать изъ европейскихъ источниковъ и пріобрѣсти собственными усиліями, въ результатѣ для большинства оставалось темное сознаніе, почти только инстинктъ неудовлетворенности существующими общественными отношеніями и неясное стремленіе къ чему-нибудь лучшему, къ какому-нибудь идеалу въ нравственныхъ отношеніяхъ, и это желаніе, предоставленное самому себѣ, не довольно опредѣлившее свои общественныя цѣли, не вооруженное достаточно противъ мистицизма, открыло свободную дорогу европейскому масонству, усвоило нѣкоторыя изъ его лучшихъ сторонъ; но, къ сожалѣнію, въ концѣ концовъ дало утвердиться у насъ самымъ сомнительнымъ его формамъ.

ГЛАВА IV.

Первыя ложи въ Россіи, 1731—1762.

Читатель, слѣдившій за нашимъ изложеніемъ, вѣроятно составилъ себѣ то понятіе объ историческомъ и общественномъ смыслѣ масонства, которымъ должно руководиться при опредѣленіи частныхъ явленій его исторіи. Читатель вѣроятно замѣтилъ, что „масонство“ могло имѣть въ сущности много различныхъ значеній; что хотя оно и представляло собой первоначально извѣстныя понятія религіозно-нравственныя и общественныя, но стало потомъ только общей формой, въ которую могло вкладываться весьма различное содержаніе, и что характеръ этого новаго содержанія зависѣлъ отъ условій и свойствъ того общества, куда масонство находило доступъ. Отсюда многоразличный характеръ масонскихъ „системъ“, которыя расплодились на европейскомъ материкѣ почти тотчасъ послѣ перехода масонства изъ Англіи: новыя условія, встрѣтившія англійское масонство, произвели столько разныхъ формъ масонства, сколько того требовалось для разныхъ направленій общественной мысли или для разныхъ разсчетовъ интриги. Такимъ образомъ произошли Клермонтская и другія французскія системы, Тампліерство, Шведская система, Циннендорфство, Розенкрейцерство, система Благотворительныхъ Рыцарей, Иллюминатство, Эклектическій союзъ, и т. д. и т. д. Отражая на себѣ вліяніе различныхъ обстоятельствъ, масонство настолько удалялось отъ своего первоначальнаго смысла, что его первыя „конституціи“ становились чистой формальностью или получали иной смыслъ, и что изъ движенія, первоначально прогрессивнаго и нравственно-чистаго, въ послѣднихъ своихъ вырожденіяхъ оно становилось гнѣздомъ и орудіемъ обскурантизма, шарлатанства и низменной интриги. Таковы были въ особенности формы масонства, развившіяся въ послѣдней четверти XVIII столѣтія подъ вліяніями—прямыми или косвенными—іезуитства и реакціи

противъ „просвѣщенія“ своего вѣка. Такимъ образомъ, разсматривая исторически масонское движеніе въ извѣстной странѣ и въ извѣстное время, мы прежде всего должны припоминать себѣ эту относительность его значенія. Вносимое въ извѣстную общественную среду, оно сохраняло или теряло свой основной характеръ въ той мѣрѣ, на сколько это допускалось или требовалось данными условіями общества,—такъ что въ исторіи, напр., нашихъ ложъ, мы изъ-за чужого собственно явленія, перенесеннаго цѣликомъ изъ иностранныхъ источниковъ, имѣемъ однако возможность слѣдить за историческимъ ходомъ русскаго общества. Въ этомъ и состоитъ историческій интересъ этого изученія.

Восходя къ началу русскаго масонства, можно упомянуть о масонскомъ преданіи, которое относило введеніе масонства въ Россіи ко временамъ Петра Великаго, и именно приписываетъ его самому Петру: онъ, будто бы, принятъ былъ въ масонство самимъ Кристофоромъ Вреномъ (или Реномъ, Wren), знаменитымъ основателемъ новаго англійскаго масонства; первая ложа существовала, будто бы, въ Россіи еще въ концѣ XVII-го столѣтія,—мастеромъ стула былъ въ ней Лефортъ, первымъ надзирателемъ Гордонъ, а вторымъ самъ Петръ Великій [1]). По другому разсказу Петръ вывезъ изъ своего путешествія (второго) въ 1717 г. масонскій статутъ, и на его основаніи приказалъ открыть, или даже самъ открылъ, ложу въ Кронштадтѣ [2]). Едва ли есть какая-нибудь возможность придавать историческую цѣну этому преданію, но оно не лишено интереса, какъ желаніе масоновъ осмыслить исторически свою дѣятельность въ Россіи, и пріурочить къ масонскимъ идеямъ преобразовательную дѣятельность Петра, которая была въ Россіи такимъ же нововведеніемъ въ смыслѣ цивилизаціи, какимъ масоны должны были считать и свое братство, и которая имѣла ту же патріотическую основу, какую они должны были приписывать и своему собственному дѣлу. Имя Петра пользовалось уваженіемъ у нашихъ масоновъ, они пѣли въ честь его стихи, между прочимъ „Пѣснь“ Державина (у Грота, I, 30),—это сочувствіе къ реформѣ и могло послужить основой для указанной легенды. Болѣе достовѣрныя историческія свидѣтельства позволяютъ относить основаніе масонства въ Россіи только къ 1731 году. Въ этомъ году гроссмейстеръ лондонской Великой Ложи лордъ Ловель (Thomas Coke или Cooke, lord Lovell, гроссм. съ 17 марта 1731—19 апрѣля 1732 г.) назначилъ капитана Джона Филиппса провинціальнымъ гроссмейстеромъ Россіи [1]). Въ 1740 или 1741 году провинціальнымъ гроссмейстеромъ для всей Россіи назначенъ былъ извѣстный генералъ Яковъ Кейтъ (James Keith, 1696—1758), англичанинъ, вступившій въ русскую службу въ 1728 г., и потомъ, кажется въ 1744, перешедшій на службу въ Пруссію, гдѣ онъ сталъ однимъ изъ славнѣйшихъ сподвижниковъ Фридриха Великаго, — человѣкъ, отличавшійся кромѣ военныхъ талантовъ, оказанныхъ имъ еще въ Россіи, высокими нравственными качествами. Назначеніе свое въ русскомъ масонствѣ онъ долженъ былъ получить отъ гроссмейстера англійскихъ ложъ, которымъ былъ тогда братъ его, Джонъ Кейтъ, графъ Кинторъ (John Keith, earl of Kintore, гроссм. съ 27 апрѣля 1740—19 марта 1741). Есть извѣстіе, что англійская Великая Ложа основала въ 1731 г. въ Москвѣ первую ложу, которая держала свои собранія въ великой тайнѣ; по другому извѣстію Яковъ Кейтъ уже въ 1734 или даже въ 1732 г. руководилъ въ Петербургѣ масонской ложей [2]). Въ русскихъ источникахъ не осталось никакихъ свѣдѣній о дѣятельности Кейта въ этомъ отношеніи; воспоминаніе о ней сохранилось только въ одной масонской пѣснѣ, указанной Ешевскимъ въ одномъ новѣйшемъ сборникѣ, напечатанномъ, безъ означенія времени и мѣста, въ первой четверти XIX-го столѣтія. Въ этой пѣснѣ Кейтъ вспоминается такимъ образомъ:

По немъ (по Петрѣ Великомъ) свѣтомъ—озареннный
Кейтъ къ россіянамъ прибѣгъ;
И усердьемъ воспаленный

[1]) Latomia, XIII, 149. Handbuch, III, 106.
[2]) Лонгиновъ, стр. 92.

[1]) Свѣдѣніе это въ первый разъ появилось, вѣроятно, въ изданіи Андерсеновыхъ „Конституцій“ (изданіе 1767 съ этимъ извѣстіемъ указано у Пекарскаго, Дополн. стр. 2). Затѣмъ оно повторяется у Гедике, Freimaurer-Lexicon, 1818, стр. 420; у Клосса, Freim. in Engl., стр. 123; въ Handbuch, II, 241, 245.

[2]) Nettelbladt, Meckl. Prov. Kalend., 1835, стр 37. Handb. II, 112, III, 106. Ersch und Gruber, Allg. Encyclop. sect. т. 49, стр. 80.

Огнь священный здѣсь возжегъ,
Храмъ премудрости поставилъ [1])
Мысли и сердца исправилъ
И насъ въ братствѣ утвердилъ.
Кейтъ былъ образъ той денницы,
Свѣтлый коея восходъ
Свѣтозарныя царицы
Возвѣщаетъ въ міръ приходъ [2]) и т. д.

Изъ этихъ извѣстій о началѣ ложъ въ Россіи надо, кажется, заключить, что первоначальное масонство введено было прямо англичанами, которые внесли его въ чужую страну для собственнаго употребленія, точно такъ же, какъ они обыкновенно приносятъ съ собой свои нравы и обычаи, и что масонство держалось исключительно или преимущественно между иностранцами, среди которыхъ русскіе были только случайными или второстепенными членами ложъ. Но кромѣ англичанъ, вводителями масонства были, повидимому, и нѣмцы, которыхъ уже и тогда было много въ Россіи, особливо въ Петербургѣ. Въ самой Германіи масонство уже въ 1730-хъ годахъ имѣло весьма много послѣдователей, и есть основанія думать, что во времена Анны Іоанновны и Бирона у нѣмцевъ въ Петербургѣ были и масонскія ложи. О самомъ Кейтѣ есть свѣдѣнія, что онъ имѣлъ какія-то связи съ нѣмецкими ложами (именно въ Гамбургѣ) еще до своего гроссмейстерства въ Россіи. Въ исторіи извѣстной берлинской ложи „Трехъ Глобусовъ“, мы находимъ, что еще въ періодѣ 1738—1744 г. эта ложа имѣла дѣятельную корреспонденцію между прочимъ и съ Петербургомъ [3]). И много спустя, напр. въ семидесятыхъ годахъ, иностранцы, особенно нѣмцы, играли значительную роль въ русскихъ ложахъ, а за это раннее время ихъ преобладаніе въ ложахъ было еще болѣе естественно. Имя Кейта въ особенности сохранено масонскимъ воспоминаніемъ, вѣроятно, потому, что при немъ масонство въ первый разъ проникло въ собственно русскіе кружки.

[1]) Т. е., конечно, основалъ ложу.

[2]) Пѣснь LIII, стр. 66. При пѣснѣ замѣчено, что она пѣлась въ Россіи, въ ложахъ, въ царствованіе Елизаветы. См. Ешевскій, Сочиненія, М. 1870, т. III, стр. 445.

[3]) Gesch. der grossen National-Loge der Preuss. Staaten zu den drei Weltkugeln. Berl. 1840, стр. 16.

Повидимому, уже вскорѣ масонство начало проникать и другими путями, не только черезъ иностранцевъ, жившихъ въ Петербургѣ, но и черезъ русскихъ, которые сами вывозили его изъ-за границы.

Къ 1747 году относится мало извѣстное до сихъ поръ дѣло о масонствѣ графа Николая Головина. Онъ служилъ волонтеромъ въ прусской службѣ, около этого времени вернулся изъ-за границы и въ Петербургѣ призванъ былъ къ А. И. Шувалову: ему объявлено было отъ имени императрицы (Елизаветы), что „хотя она довольныя причины имѣетъ о поступкахъ его сумнѣваться“, но по своему природному великодушію и милосердствуя къ молодости Головина, надѣется, что онъ впредь исправится,—и ему велѣно только уѣхать въ Москву и быть скромнѣе. Его подозрѣвали въ исполненіи какихъ-то порученій отъ прусскаго короля, Фридриха II, къ его дипломатическому агенту въ Петербургѣ, графу Варендорфу. На допросѣ Головина между прочимъ спросили, чтобы онъ безъ утайки объявилъ о своемъ вступленіи въ „фрамасонскій орденъ“, назвалъ, какіе есть еще русскіе члены его и какіе наблюдаются въ немъ законы или уставы; на что Головинъ отвѣчалъ: „я, признаюсь, жилъ въ этомъ орденѣ, и знаю, что графы Захаръ да Иванъ Чернышевы въ ономъ же орденѣ находятся, а болѣе тайностей иныхъ не знаю, какъ въ печатной книгѣ о фрамасонахъ показано“ [1]).

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ Головинъ вступилъ въ орденъ, или гдѣ вступили въ него Чернышевы, въ какомъ положеніи были тогда русскія ложи, — пока еще нѣтъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ упоминается подъ 1750 г. въ Петербургѣ ложа „Скромности“ (Zur Verschwiegenheit), неизвѣстно, русская или иностранная, скорѣе—послѣднее. Въ этой ложѣ „Скромности“ датскій министръ баронъ Мальцанъ, принадлежавшій къ ложѣ Зоровавеля (Zorobabel zum Nordstern) въ Копенгагенѣ, принялъ двухъ братьевъ изъ Риги, фонъ-деръ-Гейде и Цукербекера, которые затѣмъ въ

[1]) *Лѣтоп. Тихонр. IV*, 52. Какую онъ разумѣлъ печатную книгу, неизвѣстно. Пекарскій, Дополненія, стр. 3.

томъ же году основали ложу Сѣверной Звѣзды (Zum Nordstern) въ Ригѣ [1])

Отъ царствованія имп. Елизаветы мы имѣемъ еще одинъ документъ о русскомъ масонствѣ, относимый довольно вѣроятно къ 1756 году. Этотъ документъ есть донесеніе о масонахъ, представленное по приказанію императрицы Михайломъ Олсуфьевымъ графу А. И. Шувалову, управлявшему тогда тайной канцеляріей. Повидимому, это было только полицейское дознаніе, которое не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Олсуфьевъ долженъ былъ показать о „масонской сектѣ", „на чемъ оное основаніе свое имѣетъ и кто именно всякаго званія ей участники сообщества". На эти вопросы онъ между прочимъ доносилъ слѣдующимъ образомъ (буквально): „Всякаго званія чина людей, желающихъ ложа удостоить въ разныя времена, чрезъ случаи, изыскивая своихъ товарищей объ ономъ выше реченныхъ съ ясными доказательствами увѣрить, что оное ни что иное какъ ключь дружелюбія и братства, которое безсмертно во вѣки пребыть имѣетъ, и тако нашетшихся ихъ сообщества называемымъ просвѣщеніемъ оныхъ удостоиваетъ". Затѣмъ онъ, такимъ же слогомъ, описываетъ главнѣйшіе обряды принятія, и наконецъ, перечисляетъ „участниковъ общества". Въ его „реестрѣ гранметрамъ и масонамъ" названо до тридцати пяти лицъ, впрочемъ, безъ означенія ихъ масонскихъ должностей. На первомъ планѣ, вѣроятно главнымъ „гранметромъ", онъ ставитъ Романа Иларіоновича Воронцова (отецъ княгини Дашковой); затѣмъ „бригадиръ Александръ Сумароковъ", извѣстный писатель; офицеры кадетскаго корпуса: Мелиссино, Остервальдъ, Свистуновъ, Перфильевъ; дальше слѣдуютъ разныя болѣе или менѣе аристократическія имена, обозначенныя мѣстомъ ихъ службы—въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полку, въ конной гвардіи, въ Ингерманландскомъ полку: это были—князь Михайло Дашковъ, Ѳедоръ Мамоновъ, князь Мих. Щербатовъ, трое князей Голицыныхъ, „капитана Волкова двое дѣтей", князь Сергѣй Трубецкой, Иванъ Болтинъ, Николай Апраксинъ, князь Семенъ Мещерскій, Петръ Бутурлинъ, камеръ-пажъ

[2]) Handb. III, 107.

Петерсонъ и др. Наконецъ, упомянуто нѣсколько музыкантовъ, танцмейстеръ кадетскаго корпуса Пеле и купецъ Миллеръ.—Эти имена даютъ возможность составить понятіе о кружкѣ, въ которомъ масонство находило своихъ прозелитовъ. Замѣтимъ прежде всего имена офицеровъ кадетскаго корпуса. Въ пятидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія кадетскій корпусъ былъ однимъ изъ пріютовъ молодого русскаго просвѣщенія. Здѣсь находили себѣ мѣсто литературные интересы; здѣсь до 1752 г., когда явился въ Петербургѣ извѣстный Волковъ съ своей ярославской труппой, существовалъ театръ, въ которомъ кадеты и офицеры разыгрывали французскія пьесы, трагедіи и комедіи Сумарокова. Эти актеры играли въ самомъ корпусѣ, въ придворномъ театрѣ и въ комнатахъ самой императрицы, и въ числѣ лучшихъ изъ этихъ артистовъ были: фельдфебель Мелиссино, кажется, Петръ Ивановичъ, впослѣдствіи артиллерійскій генералъ, имѣвшій и большую масонскую извѣстность, и сержантъ Остервальдъ, оба упомянутые въ „реестрѣ" масоновъ у Олсуфьева. Свистуновъ есть, конечно, тотъ Петръ Семеновичъ Свистуновъ, генералъ, о которомъ упоминаетъ впослѣдствіи Новиковъ въ своемъ словарѣ русскихъ писателей, называя его человѣкомъ „разумнымъ, ученымъ и искуснымъ"; Перфильевъ—тотъ, имя котораго осталось въ сочиненіяхъ Державина. Затѣмъ здѣсь же мы находимъ извѣстныя впослѣдствіи имена историковъ—князя Михаила Щербатова и Болтина; имя Ѳедора Мамонова было также извѣстно нѣсколько позже въ литературѣ... Однимъ словомъ, масонство является въ кружкѣ, въ которомъ русская литература и просвѣщеніе, только что вступавшія въ общественную жизнь, находили своихъ первыхъ друзей. Сумароковъ былъ тогда уже не молодъ (род. 1718); но въ кружкѣ офицеровъ, сержантовъ и т. д., было безъ сомнѣнія много молодежи, всегда воспріимчивой къ нравственнымъ вліяніямъ и новымъ понятіямъ... Графъ Романъ Воронцовъ и много лѣтъ спустя оставался въ числѣ главныхъ дѣятелей и начальниковъ русскаго масонства.

Въ это елизаветинское время безъ сомнѣнія вступилъ въ масонство Елагинъ, впослѣдствіи великій провинціальный мастеръ русскихъ ложъ. Въ своей запискѣ о масонствѣ онъ упоминаетъ, что вступилъ въ общество свободныхъ

каменьщиковъ „съ самыхъ юныхъ лѣтъ“ (онъ род. въ 1725 г., ум. въ 1796 г.) и что ложи въ это время имѣли уже своихъ членовъ изъ числа высшихъ государственныхъ сановниковъ. Внутреннее состояніе ложъ того времени не удовлетворяло Елагина, когда онъ судилъ о немъ съ своей позднѣйшей точки зрѣнія и когда онъ писалъ свою записку. По словамъ его, въ общество масоновъ увлекли его—„любопытство и тщеславіе, да узнаю таинство, находящееся, какъ сказывали, между ими, тщеславіе, да буду хотя на минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ общежитіи знамениты, и чинами и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть, ибо нескромность братьевъ предварительно все сіе мнѣ благовѣстила... Содѣйствовала къ тому и лестная надежда, не могу ли чрезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастію моему... Съ такимъ предубѣжденіемъ препроводилъ я многіе годы въ исканіи въ ложахъ и свѣта обѣтованнаго и равенства мнимаго: но ни того, ни другаго, ниже какія пользы не нашелъ, колико ни старался“. Самыя работы ложи онъ считалъ игрушкой; вельможи оказались и здѣсь тѣми же вельможами. „Сего ради,—продолжаетъ Елагинъ,—по долгомъ стараніи, не пріобрѣлъ я изъ тогдашнихъ работъ нашихъ ни тѣни какого-либо ученія, ниже преподаяній нравственныхъ, а видѣлъ токмо единые предметы, неудобь постижимые, обряды странные, дѣйствія почти безразсудныя; и слышалъ символы неразсудительные, катехизы, уму несоотвѣтствующіе; повѣсти, общему о мірѣ повѣствованію прекословныя; объясненія темныя и здравому разсудку противныя, которыя или нехотѣвшими, или незнающими мастерами безъ всякаго вкуса и сладкорѣчія преподавались“. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ свои мнѣнія о масонствѣ, сталъ считать его великимъ знаніемъ, и усвоилъ себѣ эти „катехизы, уму несоотвѣтствующіе“ и „повѣсти, общему о мірѣ повѣствованію прекословныя“,—но во всякомъ случаѣ его извѣстіе должно указывать, что состояніе ложъ было не вполнѣ удовлетворительное. Работа каменьщиковъ, вѣроятно, дѣйствительно шла не совсѣмъ удачно, и, вѣроятно, многіе мастера умѣли только „со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласнымъ воплемъ не понятныя ревѣть пѣсни

и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Бахусу“ [1]).

Впослѣдствіи Новиковъ также не былъ доволенъ обычнымъ масонствомъ, потому что въ немъ, „хотя и дѣлались объясненія по градусамъ на нравственность и самопознаніе, но они были весьма недостаточны и натянуты“ [2]). Дѣло пошло удачнѣе только впослѣдствіи, когда во главѣ ложъ стали убѣжденные въ своемъ дѣлѣ.

У Елагина послѣ перваго увлеченія ложами наступилъ періодъ вольнодумства; но потомъ онъ сталъ усиленнѣе трудиться надъ уразумѣніемъ масонства и тогда, наконецъ, увѣрился въ немъ. Онъ „сталъ искать знакомства съ людьми состарѣвшимися въ масонствѣ, и не пропускалъ почти ни единаго изъ чужестранныхъ братовъ къ намъ пріѣзжавшихъ“, и проч. Этотъ новый періодъ исканій Елагина относится не позже, какъ къ 60-мъ годамъ, потому что въ 1772-мъ году онъ уже былъ столь ревностнымъ и знающимъ масономъ, что на его долю выпало гроссмейстерство въ русскихъ ложахъ,—а слѣдовательно люди, „состарѣвшіеся“ въ масонствѣ были во всякомъ случаѣ люди начала царствованія Елизаветы, если еще не временъ императрицы Анны. Кто они были, и что узналъ отъ нихъ Елагинъ, изъ его записокъ не видно.

Масонство не долго могло сохраняться въ тайнѣ; объ немъ скоро узнали и правительство и общество. Понятно, что и то и другое должны были отнестись къ нему весьма неблагосклонно. Масонство было страннымъ нововведеніемъ; оно заявляло какія-то свои особенныя правила, совершало какіе-то обряды, выдѣлялось въ тѣсно связанное и таинственное братство. Его нравственная задача была мало понятна, и его таинственность возбуждала подозрѣнія. Правительство, которому были совершенно непривычны подобныя затѣи въ обществѣ, уже съ этого времени заподозрило масоновъ и вело за ними тайный надзоръ. Въ массѣ общества, которая у насъ въ подобныхъ случаяхъ всегда слишкомъ легко поддавалась дикимъ инстинктамъ, масоны уже тогда пріобрѣли репутацію еретиковъ и отступниковъ

[1]) Р. Архивъ, 1864, 2-е изд., стр. 592 и далѣе.

[2]) Лонгиновъ, стр. 075.

и возбуждали тотъ нелѣпый страхъ и вмѣстѣ озлобленіе, память о которыхъ осталась въ словѣ „фармазонъ“, обогатившемъ тогда русскій языкъ и долго послѣ служившемъ для обозначенія всякаго безбожія и вольнодумства, — пока не были изобрѣтены другія слова той же силы и такого же количества смысла.

Ешевскій, въ одной изъ своихъ статей о масонахъ, приводитъ отрывки изъ силлабическихъ виршей, подъ названіемъ: „Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ - масонскихъ дѣлъ“,—которыя принадлежатъ очевидно этой первой эпохѣ масонства и могутъ служить образчикомъ того, какъ относилось къ масонамъ большинство. Вирши наполнены самыми нелѣпыми обвиненіями противъ масоновъ и проникнуты крайнимъ ожесточеніемъ противъ „Антихристовыхъ рабовъ“. Вотъ для примѣра:

Проявились недавно въ Руссіи франъ-масоны
И творятъ почти явно демонски законы,
Нудятся коварно плесть различны манеры,
Чтобъ къ Антихристу привесть отъ Христовы вѣры, и т. д.

Обряды принятія въ общество изображаются такъ:

Къ начальнику своего общества приводятъ,
Потомъ въ темны отъ него покои заводятъ,
Гдѣ хотяй въ сей сектѣ быть терпитъ разны страсти,
Отъ которыхъ, говорятъ, есть не безъ напасти.
Выбѣгаютъ отвсюду, рвутъ тѣло щипцами,
Дробятъ его всѣ уды шпаги и ножами.
Встаютъ мертвы изъ гробовъ, зубами скрежещутъ,
Мурины, видя сей ловъ, всѣ руками плещутъ...

Подъ „муринами“ авторъ разумѣетъ дьяволовъ. Самое значеніе франкъ-масонства объясняется слѣдующимъ образомъ:

Что же значитъ такое масонъ по французски?
Не иное что другое, вольный каменьщикъ по-русски.
Каменьщикомъ зваться Вамъ, масоны, прилично.
Вы беззаконія храмъ мазали отлично,
Любодѣйства Вавилонъ, градъ всякія скверны,
Въ коемъ Антихристу тронъ, яко рабы вѣрны,
Устрояете, и въ немъ берете надежду
Всякія утѣхи въ немъ получить одежду [1]).

[1]) Сочиненія Ешевскаго, т. III, стр. 421—423. Ср. Библіогр. Зап. 1861, стр. 70. Обличительныя стихотворенія противъ масоновъ находятся въ большомъ рукописномъ сборникѣ стихотвореній, принадлежащемъ Публичной Библіотекѣ.

Какая рука могла начертать эти вирши, можно догадываться по ихъ формѣ: но содержаніе ихъ занимало и нравилось и въ другихъ слояхъ общества—въ рукописи этого „Изъясненія“ замѣчено, что эти стихи списаны (въ 1765 г.) у полковника Тобольскаго пѣхотнаго полка, Безпалова. Извѣстно, что Державинъ также смотрѣлъ на масоновъ крайне неодобрительно и посильно вооружалъ противъ нихъ свою музу.

Есть свидѣтельства о томъ, что при Елизаветѣ ложи принуждены были собираться весьма скрытно, и, вѣроятно, не только изъ опасенія правительственныхъ преслѣдованій, но и вообще изъ опасенія мнѣній, господствовавшихъ въ массѣ и считавшихъ масонство дѣломъ совершенно безбожнымъ и законопреступнымъ. Образчикъ этихъ мнѣній мы находимъ, между прочимъ, въ запискахъ Державина. Наскучивъ своею солдатскою службой и желая учиться, Державинъ (кажется, въ 1763 г.) рѣшился идти къ И. И. Шувалову, который собирался тогда за границу, и хотѣлъ просить его, чтобы тотъ взялъ его съ собою въ чужіе края. Но дѣло не состоялось по слѣдующей причинѣ. Державинъ уже утвердился въ своемъ намѣреніи, „но какъ дошло сіе до тетки его“ (Державина, который говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ)... „жившей тогда въ Москвѣ въ своемъ домѣ... женщины по природѣ умной и благочестивой, но по тогдашнему вѣку не просвѣщенной, считающей появившихся тогда въ Москвѣ масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками преданными Антихристу, о которыхъ разглашали не вѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячь верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни, а Шувалова признали за ихъ главнаго начальника; то она ему, какъ племяннику своему, порученному отъ матери, и дала страшную нагонку, запретя накрѣпко ходить къ Шувалову“... [1]) Благочестивый ужасъ тетки Державина весьма наглядно выражаетъ понятія тогдашнихъ людей стараго вѣка, крайне недовѣрчивыхъ ко всякой, особенно иностранной новизнѣ, удалявшей отъ преданій стараго благочестія. Басня о томъ, какъ масоны умерщвляютъ своихъ отсутствующихъ враговъ была, кажется, до-

[1]) Сочин. Державина, изд. Грота, т. VI, стр. 437—438.

вольно распространена, какъ и вообще понятіе объ отступничествѣ и еретичествѣ масоновъ; та же басня, вмѣстѣ съ другими подобными подробностями, повторяется въ упомянутомъ силлабическомъ обличеніи „сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ“. Описывая всякіе его ужасы, авторъ обличенія указываетъ на невозможность или большую опасность выхода изъ сборища. По словамъ его, въ обществѣ остается портретъ каждаго члена, и посредствомъ его масоны всегда могутъ погубить отступника:

Многіе тому примѣры, говорятъ, бывали,
Которые отъ сея вѣры отстать пожелали,
Но изъ оныхъ никого живыхъ нѣтъ на свѣтѣ;
Вить стоитъ смерть въ его и живомъ портретѣ,
Который лишь поранятъ пулей изъ пистолета,
Въ тотъ часъ увянетъ и лишится свѣта.

Мы уже замѣчали въ другомъ мѣстѣ, что эти силлабическія обличенія всего скорѣе должны были выйти изъ среды духовенства, но что они имѣли, конечно, своихъ читателей и въ другой публикѣ. А духовенство уже давно относилось къ масонству недружелюбно. Проповѣдники временъ императрицы Елизаветы, возставая заднимъ числомъ противъ иноземцевъ, владычествовавшихъ въ Россіи при Биронѣ, и призывая кару на людей, измѣнившихъ прародительскимъ уставамъ, осыпали этихъ иноземцевъ и ихъ угодниковъ всевозможными обвиненіями, возставали противъ этихъ „скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ“ и противъ „нрава и ума эпикурейскаго и фреймасонскаго“ [1]).

Въ числѣ рукописей Царскаго (№ 708), принадлежащихъ теперь графу А. С. Уварову, находится рукопись XVIII вѣка, подъ названіемъ „Отвѣтъ масонамъ“, вышедшій вѣроятно изъ того же источника, какъ и упомянутое „Изъясненіе“. Въ началѣ рукописи говорится между прочимъ: „Писалъ о франкъ - масонахъ бывшій проповѣдникъ слова Божія, Троицы Сергіевы Лавры архимандритъ Гедеонъ, и сіе напечатано въ недѣлю третію поста въ поученіи; а послѣ него не слышится болѣе обличенія отъ пастырей, а секта оныхъ

[1]) Проповѣди 1741 — 49 гг. Гедеона Антонскаго, Кирилла Флоринскаго, Арсенія Мацѣевича, Кирилла Ляшевецкаго и др.—„Лѣтописи“ Тихонравовъ. II, стр. 22, смѣсь.

масоновъ умножается, и философы Вольтеръ и Руссо величаются“. Этотъ Гедеонъ, архимандритъ Троицкой лавры, есть, конечно, извѣстный проповѣдникъ двора имп. Елизаветы Гедеонъ Криновскій; но въ собраніи его проповѣдей (1755—59) мы не нашли упоминаемыхъ здѣсь обличеній [1]). Самый „Отвѣтъ“ состоитъ изъ опроверженія двухъ книжекъ, вѣроятно, ходившихъ тогда въ рукописи, подъ названіемъ „Бѣлый Масонъ“ и „Защитникъ масонскія секты“, о которыхъ мы также пока не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

У меня находится рукописный отрывокъ масонскаго ритуала, писанный, кажется, еще въ XVIII-мъ столѣтіи, и къ которому другой рукой приписано слѣдующее заглавіе: „Катихизисъ масоновъ, вѣрующихъ во Антихриста, въ діавола и сатану“; въ концѣ его прибавлено соотвѣтственное обличеніе этой вѣры. Въ этомъ заглавіи и обличеніи повторяется старое понятіе о безбожности масонскаго общества.

Эти указанія нѣсколько опредѣляютъ положеніе русскаго масонства при Елизаветѣ, когда полицейскій надзоръ и вражда людей стараго вѣка, вѣроятно, стѣсняли масоновъ и заставляли ихъ скрываться. По свидѣтельству Бёбера (впослѣдствіи гроссмейстера въ русскихъ ложахъ Александровскаго времени), „при императрицѣ Елизаветѣ масонство начало больше распространяться въ Россіи (чѣмъ прежде); но члены его такъ опасались за себя и за свое хорошее дѣло, что собирались только изрѣдка и совершенно въ тихомолку, и не въ обыкновенномъ помѣщеніи, а иногда даже на чердакѣ отдаленнаго большого дома. Тѣмъ не менѣе, братья, еще жившіе въ мое время, увѣряли меня, что никогда не было больше ревности къ дѣлу и больше единодушія, какъ въ этой Ecclesia pressa (гонимой церкви)“ [2]). Надобно думать, что это извѣстіе о гоненіяхъ на масонство имѣло свои основанія; но гоненія или не были очень сильны, или со временемъ прекратились, — потому что, по разсказамъ Елагина, надо предположить еще въ царствованіе Елизаветы существованіе правильныхъ ложъ, и кромѣ того, въ одной печатной масонской рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, сохранившейся

[1]) Быть можетъ, они есть въ отдѣльныхъ изданіяхъ его словъ.

[2]) „Einige Notizen über die Freimauerei in Russland“, сообщенная Бёберомъ веймарской ложѣ Амаліи. Handb. III, 612, Ср. Findel, 375.

отъ 1758 года, говорится даже о благосклонности (т. е., вѣроятно, терпимости) императрицы къ масонству. Нѣмецкій ораторъ ложи выражаетъ радость, что масоны наслаждаются „счастливѣйшимъ спокойствіемъ“ подъ скипетромъ императрицы; что „великая Елизавета, украшенная божественными качествами“, оказываетъ и имъ свою милость и т. д. [1]).

Затѣмъ о временахъ Петра III есть извѣстія, что Петръ III подарилъ домъ петербургской ложѣ „Постоянства“ (Zur Beständigkeit), гдѣ мастеромъ стула былъ консулъ Селли; и что самъ императоръ занимался масонскими работами въ Ораніенбаумѣ [2]).

Въ нашихъ источникахъ еще не нашлось прямыхъ данныхъ объ этомъ предметѣ, но существованіе масонской ложи въ ближайшей обстановкѣ Петра III вполнѣ подтверждается одной запиской, находящейся въ Государственномъ Архивѣ и относящейся къ первымъ днямъ царствованія Екатерины II. Эта записка, писаная въ видахъ доклада императрицѣ какимъ-то малоросомъ, вѣроятно изъ духовныхъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ, заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, ходатайство о томъ, чтобы именнымъ указомъ велѣно было представлять доклады о всѣхъ духовныхъ и церковныхъ дѣлахъ духовнику, и чтобы самый синодъ не могъ мимо его утруждать императрицу; во-вторыхъ, о томъ, чтобы взятъ былъ подъ караулъ Преображенскаго полка протопопъ Андрей, „какъ

[1]) Rede, welche beim Schluss des 1758-ten Jahres in der Loge der Freimäurer in St. Petersburg ist gehalten worden von dem Bruder A*** (съ эпиграфомъ изъ Галлера); 12 неперемѣч. страницъ; на послѣднихъ двухъ страницахъ „ода“, обращенная къ женщинамъ. Объ отношеніи импер. Елизаветы къ масонству говорится (стр. 10) такъ: Können wir nicht mit wahrem Vergnügen die Dauer unserer Zunft auch in den folgenden (Jahren) hoffen? Doch was unser Frohlocken vollkommen macht, ist die Erinnerung, unter welchem Zepter wie die glücklichste Ruhe geniessen. Die Grosse, mit göttlichen Eigenshaften ausgeshmückte Kayserin, Elizabeth, welche die ganze welt bellig als die Glückseligkeit ihrer Länder, den Glanz ihres Volkes bewundert, diese unvergleichliche Monarchin lasset auch uns Ihre Gnade und Huld allermildest angedeihen. Wir sind beglückt! Wir können uns bey unserer Freude nicht fassen. Wir wollen es der Nachwelt sagen“, etc. У Клосса, Bibl. № 839, брошюра обозначена невѣрно.

[2]) Findel, 2-te Ausg. 375. Handb. II, 551. Съ именемъ этого Селли или Селлина мы еще встрѣтимся дальше.

подозрительный человѣкъ, масонъ и явный злодѣй церкви святой“, потому что бывшему государю онъ, „ругая преданія св. Отцовъ“, разрѣшалъ во всѣ посты ѣсть мясо, за что ему обѣщано было мѣсто духовника и синодальнаго члена; и, въ-третьихъ, о томъ, чтобы былъ допрошенъ Волковъ, извѣстный любимецъ Петра III. „Волкова,—говоритъ записка,—яко масона, допросить; это при бывшемъ государѣ въ имѣющемся въ Арамбовѣ (т. е. Ораніенбаумѣ) ложѣ масонскомъ съ нимъ былъ и въ чемъ богопротивное той секты дѣйство состоитъ и гдѣ масонскія печатныя книги; уповательно онъ и обо всѣхъ такой секты участникахъ извѣстенъ“ [1]).

Царствованіе Императрицы Екатерины, открывшее въ своемъ началѣ новый просторъ для умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, должно было благопріятствовать и распространенію ордена. Впрочемъ, первые годы этого царствованія до сихъ поръ остаются также неясны; доступныя до сихъ поръ свѣдѣнія коротки и запутаны, и въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы не беремся пока связывать ихъ въ послѣдовательный разсказъ и хотѣли только привести вкратцѣ извѣстныя данныя и указать нѣкоторые еще неизвѣстные факты и требующіе разъясненія пробѣлы.

Масонство продолжало развиваться въ Петербургѣ, вѣроятно, при посредствѣ новыхъ пришельцевъ или сношеній съ заграничными ложами; но въ то же время являются и русскіе въ иностранныхъ ложахъ, занимаютъ въ нихъ болѣе или менѣе важное положеніе,—безъ сомнѣнія они играли роль и въ распространеніи масонства въ самой Россіи. Эти связи повлекли за собой и введеніе новыхъ масонскихъ „системъ“, которыя развились послѣ перехода масонства изъ Англіи въ континентальную Европу. Сношенія съ иностранными ложами легко могли сообщать русскимъ ложамъ эти новѣйшія усовершенствованія ордена. Многое шло черезъ личныя усилія иностранныхъ пропагандистовъ или самихъ русскихъ искателей, каковы были напр. русскіе друзья Сенъ-Мартена, Воронцовъ, Голицыны, Кошелевъ, Репнинъ, масоны Новиковскаго кружка и проч.

[1]) Пекарскій, Дополн., стр. 5.

Въ какомъ же видѣ пришло масонство къ намъ? При Филиппсѣ или Кейтѣ, въ немъ, конечно, еще не было большихъ прикрасъ, которыя развиваются въ содержаніи и формахъ масонства уже нѣсколько позднѣе. Но тѣмъ не менѣе, эти прикрасы появились и у насъ, вѣроятно, довольно скоро. Единственное, что извѣстно теперь о внѣшней обрядности старыхъ русскихъ ложъ, заключается въ упомянутомъ донесеніи Олсуфьева (около 1756 г.). По словамъ его, „палата", въ которой кандидатъ ожидалъ принятія, обивалась чернымъ сукномъ съ раскинутыми по немъ бѣлыми цвѣтами „во образѣ звѣздамъ"; столъ также покрытъ чернымъ сукномъ, и на немъ „мертвая голова", съ обнаженной шпагой и заряженнымъ пистолетомъ; огонь изъ комнаты выносятъ, „а оная мертвая голова, вдѣланая на пружинахъ, имѣетъ движеніе, и такъ до онаго (кандидата?) касается". Кандидата вводятъ въ ложу обыкновеннымъ порядкомъ, съ завязанными глазами; мастеръ (гранметръ) сидитъ за столомъ, покрытымъ пунцовымъ бархатомъ, „на столѣ обнаженная жъ шпага и циркуль, и оной столъ именуется п р е с т о л ъ"; чертежъ замѣняется клеенкой съ изображеніемъ Соломонова храма. Мастеръ велитъ ново-принимаемаго „предать тремъ мытарствамъ": его обводятъ два раза вокругъ ложи съ зажженными свѣчами, „съ употребленіемъ притомъ сильномъ вѣтрѣ и въ воздухѣ огня" (sic), потомъ вводятъ его на особую для того приготовленную гору, чтобы скинуть его съ горы, что и исполняется. Затѣмъ слѣдуетъ присяга, съ приложеніемъ Соломоновой печати и другими странными обрядами, напр. цѣлованіемъ у гранметра лѣвой ноги, три раза. Относительно символовъ, донесеніе говоритъ, что ложа имѣетъ три свѣтила: „первое свѣтило гранметръ, второе—небо, третіе—звѣзды, а у онаго жъ гранметра въ подножіе луна и т. д." [1]).

Изложеніе донесенія вообще очень безсвязно и запутанно; доноситель, вѣроятно, многаго не понялъ, или передалъ не вѣрно. Но во всякомъ случаѣ изъ донесенія видно, что въ обрядахъ уже не было той простоты, которую мы видѣли въ старомъ англійскомъ ритуалѣ, и что новѣйшія усовершенствованія вошли въ значительной степени. Замѣтимъ,

[1]) Лѣтоп. Т и х о н р. IV, 49—50. Ср. выше о „свѣтильникахъ ложи".

впрочемъ, что до сихъ поръ еще не опредѣлено, какого рода была ложа, описанная Олсуфьевымъ, въ которой „гранметромъ" былъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ. Если это и не была ложа какой-нибудь изъ французскихъ системъ, то могла быть по крайней мѣрѣ ложа, обряды которой были передѣланы по французскимъ образцамъ.

ГЛАВА V.

Времена Екатерины II.—Высшія степени.—Клерикатъ.—Система Мелиссино. — Тампліерство. — Система Циннендорфа. — Новое утвержденіе англійскихъ ложъ. — Соединеніе Елагинскихъ и Рейхелевскихъ ложъ.

Положеніе масонства въ первые годы царствованія Екатерины II очень неясно. Есть только отрывочныя и не полныя свѣдѣнія. Такъ, въ бумагахъ И. П. Елагина, находящихся въ Государственномъ Архивѣ, остались документы, указывающіе, что въ Петербургѣ существовала тогда ложа Счастливаго Согласія (der glücklichen Eintracht), которая обратилась (15 дек. 1762 г.) къ берлинской ложѣ Трехъ Глобусовъ съ просьбой о признаніи ея. Берлинская ложа, отъ 7 апрѣля 1763 г., прислала это признаніе на имя не названнаго въ бумагѣ великаго мастера и братьевъ ложи, гдѣ одобрила ея работы и объявила ее своею ложею-сестрою. Къ письму братьевъ берлинской ложи прибавлено было оффиціальное свидѣтельство о законности петербургской ложи и правильности ея работъ. Далѣе изъ этой переписки находится въ бумагахъ Елагина еще письмо отъ великаго мастера Трехъ Глобусовъ къ великому мастеру и братьямъ Счастливаго Согласія съ изъявленіемъ готовности поддерживать переписку (въ маѣ 1763 г.) и письмо, того же времени, отъ „покрывателя ложи" (tailleur) Трехъ Глобусовъ въ ложу петербургскую, съ просьбой уплатить луидоръ за изготовленіе футляра для патента, присланнаго ложѣ Счастливаго Согласія, и еще прислать что-нибудь (den beliebigen Douceur) для него самого, при чемъ онъ предлагаетъ, наконецъ, поставлять въ ложу орденскіе знаки, передники и т. п.

Далѣе, въ 1764 г., во время слѣдствія надъ Мировичемъ, этотъ послѣдній на допросѣ показалъ только на одного соучастника въ его дѣлѣ—поручика Великолуцкаго пѣхотнаго полка Аполлона Ушакова. Когда стали разыскивать Ушакова, то оказалось, что онъ былъ посланъ съ казенными деньгами къ кн. М. Н. Волконскому и на дорогѣ утонулъ въ рѣкѣ. Взяты были его бумаги. Въ нихъ оказались слѣдующія масонскія вещи. Во-первыхъ, листокъ съ изображеніями двухъ колоннъ, треугольника, молотка и другихъ масонскихъ знаковъ, составляющихъ принадлежность такъ называемаго ковра. Во-вторыхъ, на лоскуткѣ бумаги отрывокъ масонскаго катихизиса съ надписью „апрантифской", т. е. ученическій [1]).

Можно думать, такимъ образомъ, что масонство не прерывалось со времени Елизаветы. Вскорѣ оно начинаетъ выказываться яснѣе, безъ сомнѣнія, потому, что расширяется самая его дѣятельность. Число его прозелитовъ становится больше, масонскія связи размножаются и къ намъ быстро начинаетъ передаваться то броженіе, которое въ то время происходило въ европейскомъ, особенно нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ.

Когда въ 1750—60 годахъ стали особенно распространяться такъ называемыя „высшія степени", т. е. къ тремъ степенямъ англійскаго масонства начали прибавляться новыя степени новѣйшаго изобрѣтенія, порожденныя фантастическими наклонностями масонства или интригой, — эти новыя системы и степени получали извѣстность и у насъ, возбуждали любопытство и, наконецъ, бросали корень и утверждались въ русскихъ ложахъ. За границей русскіе вступали въ эти новыя степени; такъ, гр. Мусинъ-Пушкинъ, отставши отъ англійской системы, вступилъ въ тамплiерство; другіе приносили французскія степени и т. п. Въ то же время иностранные масоны, особенно нѣмецкіе, являлись въ Россію, въ остзейскіе города и Петербургъ, и вели свою пропаганду, по убѣжденію или по интригѣ, и въ скоромъ

[1]) Пекарскій, Дополн. стр. 5—11, гдѣ напечатанъ и самый отрывокъ катихизиса, составляющій, по мнѣнію Пекарскаго, самую раннюю русскую рукопись этого рода.

времени породили даже оригинальныя русскія попытки такихъ же изобрѣтеній.

Высшія степени имѣли у насъ, какъ и въ западныхъ ложахъ, большой успѣхъ, потому что, если только имъ вѣрили, онѣ представляли много завлекательнаго. Большинство „членовъ" ордена было изъ людей по своимъ понятіямъ или по складу ума, склонныхъ къ чудесному, и когда въ нихъ укоренялась мысль, что глубочайшая истина хранится гдѣ-то въ сокровенной тайнѣ и можетъ быть получена только посредствомъ посвященія, то набрать себѣ всевозможныхъ „градусовъ" становилось въ нихъ самымъ естественнымъ стремленіемъ. Такъ это дѣйствительно и было; наши масоны, какъ извѣстно по историческимъ свидѣтельствамъ, употребляли всевозможныя усилія, тратили огромныя деньги на то, чтобы собрать всѣ существующія степени и масонскіе секреты и отыскать между ними истинное масонство. Такъ было съ Елагинымъ, кн. Репнинымъ и многими другими; тѣмъ же искательствомъ занятъ былъ и Новиковъ... Для людей свѣтскаго образованія и высшаго общества высшія степени были привлекательны и своей внѣшней формой. Мы сказали уже, что почти всѣ онѣ были рыцарскія, по связи съ тамплiерствомъ, крестовыми походами и т. п. Разноцвѣтныя ленты, ордена, символы (такъ называемыя „регаліи"), торжественные обряды съ рыцарскимъ характеромъ, громкіе титулы, переименованіе въ латинскіе псевдонимы,— все это, принимаемое за чистую монету, было любопытно, льстило самолюбію и аристократическимъ притязаніямъ. Когда наши масоны отправляли своихъ депутатовъ на Вильгельмсбадскій конвентъ въ 1782 г., они замѣчали въ своей запискѣ, что тамплiерскіе градусы съ ихъ пышными церемоніями, рыцарскимъ одѣяніемъ, крестами, кольцами, епанчами (т. е. мантіями) и пр. очень нравились въ Россіи, какъ націи военной, гдѣ только знатное дворянство занималось масонскими работами [1]).

Наконецъ и самое содержаніе „градусовъ", ихъ символика и толкованія были располагаемы обыкновенно такъ, что и съ этой стороны они способны были возбуждать любопытство посвящаемыхъ. „Высшая степень, — говоритъ

[1]) Ешевскій. Сочиненія, т. III, стр. 434.

одинъ изъ опытныхъ знатоковъ масонства, Фесслеръ,—есть мистерія, составленная въ новѣйшія времена изъ различныхъ церемоній, символическихъ формулъ и гіероглифическихъ образовъ, гдѣ церемоніямъ, формуламъ и гіероглифамъ придается нравственное значеніе, но раскрытіе ихъ настоящаго смысла и полныя разъясненія обѣщаются только въ другой, еще высшей степени... И это обѣщаніе ведется отъ одной степени къ другой до тѣхъ поръ, насколько въ той или другой системѣ кажется необходимымъ символически предуказывать свои послѣднія и высшія разъясненія въ большемъ или меньшемъ количествѣ высшихъ степеней. Эти послѣднія и высшія разъясненія, которыя такимъ образомъ составляютъ заключительный камень цѣлой системы, сами по себѣ ничто иное, какъ выдуманная исторія ордена, противорѣчащая всякой дѣйствительной исторіи, не выдерживающая никакой повѣрки и критики, и изобрѣтенная тѣми, которые не умѣли иначе удовлетворить все болѣе и болѣе возрастающему любопытству братьевъ, или руководились прискорбнымъ убѣжденіемъ, что люди вездѣ любятъ обманъ больше, чѣмъ истину, и даже хорошее хотятъ видѣть только черезъ покровъ обмана".

Это понято было еще въ концѣ XVIII-го столѣтія, когда чрезмѣрность обмановъ и іезуитскія наклонности высшихъ степеней обратили на нихъ вниманіе людей, несклонныхъ къ таинственностямъ и достаточно свѣдущихъ въ исторіи. Первые внимательные критики увѣрились въ совершенной пустотѣ высшихъ степеней, и первымъ дѣломъ реформы масонства была отмѣна этихъ высшихъ степеней,—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это было возможно. Таково было реформаторское движеніе въ Германіи, начавшееся еще съ 1780-хъ годовъ, въ пору сильнѣйшаго развитія высшихъ степеней, и постепенно пріобрѣтавшее больше и больше послѣдователей. Любопытно, что и наши московскіе масоны въ упомянутомъ посланіи на Вильгельмсбадскій конвентъ (1782 г.) съ большимъ пренебреженіемъ отзываются о высшихъ степеняхъ, какія бывали въ русскихъ ложахъ до введенія тампліерскаго ордена. Упоминая о прежнихъ формахъ масонства, они замѣчаютъ: „...вели насъ изъ степени въ степень, изъ коихъ одна другой были гораздо жалчѣе. Множество изъ нашихъ братьевъ, особливо изъ имѣющихъ первѣйшіе чины

въ Имперіи, получили отъ нихъ о т в р а щ е н і е, или, наскучивъ употреблять болѣе во зло святость присяги, отъ нихъ о т к а з а л и с ь. Наконецъ сообщили намъ О. Т. (т. е. орденъ тампліеровъ), и тогда возвратилась надежда въ сердца наши..." [1]). Эта надежда потомъ также ослабѣла. Можно было бы отдать справедливость проницательности нашихъ масоновъ, если они способны были увидѣть, что ихъ высшія степени были одна „жалчѣе" другой; но, къ сожалѣнію, ихъ проницательность не дошла до конца, потому что въ концѣ концовъ сами они остановились едва ли не на самой жалкой изъ всѣхъ системъ высшихъ степеней, т. е. на розенкрейцерствѣ...

Высшія степени удержались до послѣдняго времени и господствовали всего больше во французскихъ ложахъ, гдѣ и въ XVIII столѣтіи онѣ развились всего обширнѣе: одна изъ французскихъ системъ считаетъ до 99 степеней. Какъ велика была страсть къ высшимъ степенямъ, можно судить по тому, что одинъ изъ лучшихъ французскихъ знатоковъ масонства, Рагонъ, всю цифру существовавшихъ высшихъ степеней считаетъ до 900.

Понятно, что исторія ихъ очень запутана, и въ особенности при крайней отрывочности извѣстій о нашемъ масонствѣ въ настоящую минуту еще не легко было бы прослѣдить въ точности исторію тѣхъ высшихъ степеней, какія существовали въ русскихъ ложахъ.

Однимъ изъ первыхъ примѣровъ высшей степени, или первымъ, былъ такъ называемый „шотландскій мастеръ" (maitre ecossais) или шотландское масонство, „екосскіе градусы", какъ это называлось у насъ. Какъ видно по нѣкоторымъ изслѣдованіямъ [2]), въ этой шотландской степени не было ничего шотландскаго, кромѣ имени; изобрѣтеніе ея сдѣлано во Франціи и связано съ дѣятельностью упомянутаго Рамзая. Шотландскій мастеръ составилъ 4-ю степень, которая распространилась очень сильно и удержалась въ этомъ видѣ въ большомъ числѣ системъ. Во Франціи появляются въ первый разъ и степени съ рыцарскимъ характеромъ. Около 1750 г. установилась тампліерская система,

[1]) Е ш е в с к і й, III, стр. 483.
[2]) H a n d b. III, 163 и слѣд.

развившаяся потомъ особенно въ Германіи, подъ гермейстерствомъ Гунда, Фердинанда Брауншвейгскаго и Карла Гессенъ-Кассельскаго. Затѣмъ въ 1754 г. основалась во Франціи цѣлая система высшихъ степеней, такъ называемый Клермонтскій капитулъ, далѣе, дополнявшая тампліерство система клериката или духовныхъ степеней; шведская система, которая еще раньше тампліерства воспользовалась рыцарскимъ элементомъ изъ французскаго источника и т. д.

Въ нашемъ масонствѣ высшія степени появились, вѣроятно, уже очень рано. О самомъ Кейтѣ разсказывалось [1]), что онъ еще въ 1734 году принесъ изъ Англіи шотландскій орденъ св. Андрея (связанный съ особенной масонской степенью), который носили въ Гамбургѣ въ 1735 г. на зеленой съ красными краями лентѣ. Но историки подвергаютъ сомнѣнію этотъ фактъ на томъ основаніи, что до сихъ поръ не найдено никакого слѣда масонскихъ работъ въ Гамбургѣ раньше 1737 года. Любопытно только, что имя Кейта, играющее роль въ основаніи русскаго масонства, уже соединяется съ исторіей первыхъ высшихъ степеней.

Есть основанія предположить, что французскія степени шотландской и Клермонтской системы были тогда извѣстны русскимъ масонамъ, въ той или другой формѣ; нововведенія распространялись довольно быстро въ континентальныхъ ложахъ и въ русскомъ масонствѣ можно принимать французскія вліянія по всему характеру тогдашнихъ нравовъ и моднаго образованія. Самыя названія ордена и степеней были французскія, и иногда удерживались въ такой формѣ до очень поздняго времени, напр., слова: масонъ, апрантифъ, гранметръ, екосскій градусъ или метръ-екосе, т. е. maître ecossais, елюсскій градусъ, т. е. maître élu, избранный мастеръ, и т. п. Въ упомянутыхъ показаніяхъ Михаила Олсуфьева приводится уже степень „метра екосе“.

Когда явилась къ намъ тампліерская система, опять трудно сказать, но вѣроятно также давно. Русскіе члены тампліерскаго ордена встрѣчаются уже вскорѣ по основаніи этой системы и даже съ извѣстнымъ значеніемъ въ ней. Такой примѣръ представляетъ графъ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ (1732 г.). Въ 1760-хъ годахъ онъ былъ русскимъ

[1]) Handb., III, 169, примѣч.

уполномоченнымъ въ Лондонѣ, потомъ имѣлъ дипломатическое положеніе въ Германіи и въ 1766 г. (по другимъ указаніямъ въ 1765 г.) вступилъ въ Гамбургѣ въ систему Строгаго Наблюденія: 19-го августа этого года онъ сдѣланъ былъ комтуромъ Крейцштейна, 26-го августа начальникомъ (praepositus) префектуры въ Ивенакѣ (Гамбургѣ), cum facultate induendi, т. е. съ правомъ посвящать другихъ въ рыцарство, и въ январѣ 1767 года онъ получилъ достоинство совѣтника тампліерскаго ордена. Его орденское имя было: eques ab Elephante [1]). Якоби, тогдашній секретарь VII-й, т. е. нѣмецкой, провинціи тампліерскаго ордена, въ своихъ запискахъ отзывается о Мусинѣ-Пушкинѣ, какъ о „ревностномъ и умномъ членѣ ордена“, и разсказываетъ о его предложеніи основать масонско-тампліерскую колонію въ Саратовѣ, куда въ то время направлялись нѣмецкіе поселенцы. Планъ не состоялся, по словамъ Якоби, только по нерѣшительности и слабости гермейстера, т. е. барона Гунда [2]). Для тампліеровъ планъ былъ особенно интересенъ и важенъ потому, что въ это самое время они заняты были своимъ такъ называемымъ „Экономическимъ Планомъ“ (по которому высшія орденскія должности должны были соединяться съ бенефиціями, т. е. съ извѣстными доходами и т. п.) и вообще старались дать ордену мѣсто и роль въ практической жизни, съ тенденціей, о которой мы имѣли случай упоминать. Дальнѣйшія свѣдѣнія о графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ говорятъ, что по отъѣздѣ изъ Гамбурга онъ въ 1777 г. вступилъ въ капитулъ Темпельбургъ, т. е. въ Курляндскую отрасль тампліерства въ Митавѣ, и дѣятельно заботился о распространеніи въ Россіи системы Строгаго Наблюденія [3]).

Во время семилѣтней войны, черезъ французскихъ офицеровъ, клермонтскія степени проникли въ Пруссію, и ревностнымъ распространителемъ ихъ сталъ, между прочимъ,

[1]) Его имя находится въ спискѣ вліятельнѣйшихъ членовъ Строгаго Наблюденія, между Fratres militares ad capit. Gen. pertinentes. См. Zeitschr. für Freim. Altenburg, 1825, 3, 244.

[2]) См. Zeitschr. für Freim. 1843, II, 3, 273—275.

[3]) Handb. II, 369. Леннингъ, Encyclop. der Freimaurerei, II, 529—530 приводитъ указанія о проектѣ Мусина-Пушкина изъ масонскаго романа „Saint-Nicaise“, 2-te Ausg. 1786, стр. 179.

одинъ изъ извѣстнѣйшихъ масонскихъ шарлатановъ и обманщиковъ того времени, пасторъ Роза. Кругъ его похожденій касался и Россіи. Роза объѣзжалъ Германію съ цѣлью распространенія новой системы (которую называютъ и его именемъ), главный капитулъ которой былъ въ Берлинѣ, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ основалъ подчиненный капитулъ этой системы въ Ригѣ. Съ этимъ проникали уже и первые образчики масонскаго колдовства. Роза хвалился, что знаетъ scientias divinas elatas, алхимическое приготовленіе золота, даже магическое hominum factio и т. п. [1]).

Въ 1760-хъ годахъ, со вступленіемъ на престолъ Екатерины, въ русскомъ масонствѣ открывается особенно оживленная дѣятельность. Это довольно понятно, если мы вспомнимъ, что первые годы этого царствованія отличаются открытымъ заявленіемъ либеральныхъ началъ тогдашняго просвѣщенія; императрица гордилась тѣмъ, что она „позволяетъ мыслить“ и позволяетъ говорить, и естественно, что когда она сама, съ своими придворными, переводила Мармонтелева „Велизарія“, котораго преслѣдовали во Франціи, она могла смотрѣть сквозь пальцы на масонскія затѣи,— гдѣ ревностно участвовали и многіе изъ ея наиболѣе приближенныхъ слугъ. Есть смутныя извѣстія, что въ 1763 году она велѣла собрать свѣдѣнія о масонствѣ, и тогда благоволила къ масонской ложѣ Кліо [2]).

Русское масонство этого времени входитъ въ новыя

[1]) Zeitschr. für Freim. 1843, II, 2, 147. W. Keller, Gesch. der Freim. in Deutschl. Giessen 1859, 124. Ср. Handb. III, 80.

[2]) Handb. II. 552. Ср. Лонг., 110. „En 1763, ils (les travaux maçonniques) reprirent tout à coup une grande activité. A l'occasion de la fondation d'une loge à Moscou, sous le titre de Klio, l'impératrice Catherine s'était fait rendre compte de la nature et du but de l'institution maçonnique; elle avait compris aussitôt quel immense parti elle pouvait en tirer pour la civilisation de ses peuples et s'en était déclarée la protectrice. A partir de ce moment, les loges se multiplièrent en Russie.. (Clavel, Hist. pittoresque de la Franc-Maçonnerie, Paris, 1843, стр. 127). Точность этого свѣдѣнія очень сомнительна; самое основаніе ложи Кліо относится въ старыхъ иностранныхъ спискахъ только къ 1774 году. Но какой фактъ могъ послужить поводомъ къ этому извѣстію, мы не знаемъ. Ср. Handb. II, 103, гдѣ сообщены также еще двѣ-три подробности, достовѣрныя или недостовѣрныя, объ отношеніяхъ императрицы Екатерины къ масонству.

связи и даже тѣснымъ образомъ замѣшивается въ интриги, происходившія въ нѣмецкихъ ложахъ.

Такова была исторія тампліерскаго клериката, изобрѣтеннаго Штаркомъ и надѣлавшаго много шуму въ масонскомъ мірѣ.

Іоганнъ-Августъ Штаркъ (1741—1816) былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ наглыхъ интригановъ, дѣйствовавшихъ въ масонскихъ ложахъ конца XVIII стол. Въ разгарѣ Тампліерскихъ затѣй, Штаркъ явился на масонскую сцену съ новымъ изобрѣтеніемъ. Это былъ—тампліерскій клерикатъ, т. е. мнимая духовная или церковная отрасль тампліерскаго ордена, единственно владѣющая настоящими знаніями и тайнами ордена. Люди простодушные, или находившіе въ томъ выгоду, повѣрили ему, но уже скоро клерикатъ возбудилъ сильныя сомнѣнія и ожесточенныя нападенія противъ Штарка: обманъ становился слишкомъ наглымъ, и клерикатъ, своими формами и своими историческими ссылками показывавшій страшныя католическія наклонности, бросалъ подозрительную тѣнь на своего представителя, который былъ профессоромъ протестантской теологіи и потомъ оберъ-гофъ-предигеромъ при одномъ протестантскомъ дворѣ. Его стали считать тайнымъ католикомъ и іезуитомъ.

Штаркъ былъ Шверинскій уроженецъ, учился въ Геттингенѣ, въ 1763—65 г. жилъ въ Петербургѣ, гдѣ былъ учителемъ въ Petrischule и гдѣ, какъ полагаютъ, былъ принятъ въ масонскую систему Мелиссино; въ 1765—68 г. онъ жилъ въ Англіи, въ Парижѣ (гдѣ состоялъ въ королевской библіотекѣ переводчикомъ для восточныхъ рукописей, и гдѣ, говорятъ, тайно обратился въ католичество) и въ Германіи; въ 1768 г. опять воротился въ Петербургъ и основалъ здѣсь свѣтскій тампліерскій капитулъ „Феникса“, къ которому, какъ полагаютъ, присоединилъ уже и клерикальный, существовавшій однако не долго. Затѣмъ, въ 1769—77 г. онъ былъ профессоромъ теологіи, оберъ-гофъ-предигеромъ и генералъ-суперъ-интендентомъ въ Кенигсбергѣ; но положеніе его здѣсь становилось, повидимому, трудно, и онъ перешелъ въ 1777 году въ Митаву, профессоромъ философіи при тамошней академіи. Въ Митавѣ онъ прожилъ до 1781 г., когда онъ перебрался, наконецъ, въ Дармштадтъ, гдѣ его масонскіе покровители доставили ему званіе оберъ-гофъ-

предигера, совѣтника протестантской консисторіи и, наконецъ, баронское достоинство. Тамъ онъ оставался до своей смерти, и отсюда онъ велъ полемику съ своими противниками, безпощадно на него нападавшими, когда, наконецъ, исторія клериката стала разоблачаться... Это, впрочемъ, не помѣшало Штарку сохранить вліяніе и авторитетъ при Дармштадтскомъ дворѣ.

Штаркъ былъ масономъ еще съ 1761 г. Онъ пріобрѣлъ, какъ говорятъ, большія свѣдѣнія въ масонскихъ вещахъ; любилъ говорить таинственно о высокой древности ордена, о великихъ его тайнахъ, чудесныхъ силахъ и знаніяхъ, которыми онъ обладаетъ. Онъ внушалъ своимъ друзьямъ и адептамъ вѣру въ чудесное, въ магію и духовидѣніе, вступалъ въ сношенія съ лейпцигскимъ шарлатаномъ Шрепферомъ, который занимался тогда вызываніемъ духовъ, и у котораго, между прочимъ, искалъ магическихъ познаній одинъ изъ главныхъ начальниковъ немного позднѣе явившагося розенкрейцерства, Бишофсвердеръ.

При какихъ обстоятельствахъ Штаркъ придумалъ клерикальную систему, до сихъ поръ не разъяснено вполнѣ, и свѣдѣнія о ней неясны и противорѣчивы. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, что клерикальный капитулъ (capitulum clericorum regularium) основалъ въ Петербургѣ шотландецъ лордъ Вильямсъ, что онъ, Штаркъ, былъ членомъ этого капитула, который онъ перенесъ потомъ въ Висмаръ (городокъ въ Сѣверной Германіи) и въ Кенигсбергъ. Въ 1767 г. Штаркъ вступилъ въ первыя сношенія съ тампліерскимъ гермейстеромъ, барономъ Гундомъ, предлагая соединить высшія степени тампліерства съ его клерикатомъ; при этомъ онъ представилъ патентъ, выданный ему въ 1766 г. мнимымъ клерикальнымъ начальникомъ Пиладомъ. Штаркъ утверждалъ, что свѣтское тампліерство не имѣетъ настоящихъ высшихъ знаній и тайнъ ордена, которыя чудеснымъ образомъ сохранились только въ клерикатѣ; этотъ клерикатъ скрывался до сихъ поръ, но теперь отыскался, и Штаркъ, для блага самого ордена, предлагалъ соединеніе свѣтской и духовной его отрасли. Клерикатъ долженъ былъ зависѣть отъ одного гермейстера, мимо всѣхъ другихъ орденскихъ властей, но долженъ былъ получить также извѣстныя преимущества. Соглашеніе состоялось, и клерикатъ основался: его обряды отличались особой, почти церковной торжественностью, напоминавшей католическія церемоніи.

Мы не будемъ пересказывать подробностей этого основанія клериката, не имѣющихъ отношенія къ русскимъ ложамъ. Довольно упомянуть нѣкоторыя обстоятельства. Когда Штаркъ сдѣлалъ свои предложенія тампліерскому гермейстеру—открыть ему клерикальныя таинства ордена, то баронъ Гундъ послалъ къ нему въ Висмаръ одного изъ членовъ тампліерской администраціи, фонъ-Прангена, вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ Якоби, который и оставилъ довольно обстоятельныя записки объ этомъ посольствѣ. Прангенъ (род. въ 1737 г.; это былъ вюртембергскій офицеръ, взятый въ плѣнъ пруссаками въ Семилѣтнюю войну) былъ крайне довѣрчивый масонъ; передъ тѣмъ онъ скомпрометировалъ себя этой довѣрчивостью въ скандальномъ дѣлѣ обманщика Джонсона, вслѣдствіе чего былъ даже на время исключенъ изъ ордена; немудрено, что онъ не понялъ и новаго шарлатана, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло. Штаркъ посвятилъ его въ клерикальную степень со всѣми потребными церемоніями, но когда отъ него пожелали болѣе положительныхъ указаній о клерикальныхъ таинствахъ, Штаркъ сталъ говорить, что для открытія ихъ ему нужно сначала съѣздить въ Петербургъ, гдѣ будто бы находятся болѣе посвященные члены клериката. Прежде, чѣмъ дѣло успѣло достаточно разъясниться, тампліерскіе начальники (Шубартъ) извѣстили циркуляромъ братьевъ объ открытой мнимой отрасли ордена,—и, несмотря на позднѣйшія разоблаченія, многіе изъ тампліеровъ остались увѣрены въ этой баснѣ, что и доставило Штарку многихъ вліятельныхъ покровителей. Это былъ вообще человѣкъ вкрадчивый, умный и ловкій, съ большими свѣдѣніями, хорошо изучившій масонскую орденскую исторію и практику. Составляя свою подложную исторію мнимой клерикальной отрасли тампліерства, онъ ловко воспользовался существовавшей легендой тампліерскаго ордена, съумѣлъ дополнить ее новыми, какъ будто вѣроподобными, фактами и подробностями въ клерикальномъ смыслѣ,—такъ что тампліерскіе братья были, кажется, подкуплены этой баснословной исторіей, въ которой они не подозрѣвали поддѣлки. Случилось, однако, что Пран-

генъ, въ то самое время, когда Штаркъ дѣйствительно отправился въ Петербургъ (1768 г.), —поступилъ на русскую службу, и, осенью 1768 г., въ Петербургѣ, встрѣтился со Штаркомъ. Этотъ послѣдній, въ своихъ окончательныхъ переговорахъ съ Гундомъ, утверждалъ относительно клерикальныхъ тайнъ слѣдующее: что эти тайны сохранились въ флорентинской отрасли тампліерства, гдѣ былъ гермейстеромъ лордъ Саквилль († 1769); и что оттуда эти тайны перенесены въ Петербургъ Наттеромъ, извѣстнымъ въ то время рѣзчикомъ на камнѣ и граверомъ († 1763), который поселился въ Петербургѣ въ 1762 г. Называя Саквилля гермейстеромъ „Строгаго Наблюденія“ въ провинціи Италіи, Штаркъ ссылался на него еще въ 1775 г., когда тотъ давно умеръ, притомъ Саквилль, хотя дѣйствительно былъ мастеромъ масонской ложи во Флоренціи, сколько извѣстно исторически, не только не имѣлъ, но и не могъ имѣть никакихъ клерикальныхъ преданій. Самъ Наттеръ въ то время умеръ, и поэтому ссылаться на него было довольно удобно. Прангенъ, встрѣтившись въ Петербургѣ съ Штаркомъ, долженъ былъ убѣдиться, что въ Петербургѣ нечего искать клериката. Штаркъ уже находился нѣсколько времени въ Петербургѣ и, по словамъ Якоби, „успѣлъ уже, не особенно почетнымъ для себя способомъ, перессориться съ большей частью тамошнихъ масоновъ „Строгаго Наблюденія“. Относительно клериката оказалось, что „тайный клерикальный начальникъ“ Пиладъ, былъ просто малообразованный часовщикъ Шюргеръ, который служилъ Штарку простымъ орудіемъ: этотъ клерикальный начальникъ не умѣлъ даже хорошенько подписать своего орденскаго имени (Pilades вм. Pylades). Штаркъ просто предварительно говорилъ или писалъ ему то, что тотъ долженъ былъ выдавать потомъ за свои высшія клерикальныя сообщенія.

Дальнѣйшая исторія клериката принадлежитъ уже исторіи германскаго масонства; впрочемъ, мы встрѣтимся съ ней еще далѣе. Замѣчательно, что увѣренность въ его существованіи сохранялась довольно долго у ревностнѣйшихъ тампліеровъ; Штаркъ ловко уклонялся выступать лично въ обширныхъ масонскихъ собраніяхъ защитникомъ своей системы и обыкновенно выставлялъ другихъ. Такъ, на конвентѣ въ Коло, въ 1772 г., явился тампліеръ фонъ-Равенъ, котораго Штаркъ

успѣлъ сдѣлать начальникомъ клерикальной отрасли (пріоромъ): появленіе Равена въ клерикальномъ облаченіи и полукатолическая церемоніальность его должности на иныхъ произвели впечатлѣніе, въ другихъ возбудили протестантскія сомнѣнія или вызывали смѣхъ. Но вообще дѣло, несмотря на всю изворотливость Штарка, съ самаго начала было подозрительно и не удалось; къ 1777 г. клерики оффиціально отстранились отъ ордена, и ихъ дѣятельность прекратилась. Штаркъ пропагандировалъ съ тѣхъ поръ тайныя науки, магію и вообще мистическое колдовство, и это, вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ клериката, долго составляло предметъ масонской полемики, о которой мы упомянемъ дальше.

Если еще нельзя фактически провѣрить разсказовъ о томъ, что Штаркъ имѣлъ въ Петербургѣ особыя тампліерскія связи, что въ Петербургѣ былъ очагъ клериката и т. д., то эти разсказы показываютъ, однако, что въ Петербургѣ было уже тогда какое-то масонское движеніе [1]).

Бёберъ, въ упомянутой запискѣ о русскомъ масонствѣ, излагаетъ дѣло такимъ образомъ. Когда Елагинъ получилъ изъ Англіи патентъ на достоинство великаго провинціальнаго мастера въ Россіи, то подъ его управленіемъ основалось нѣсколько ложъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, также въ Ригѣ и Ревелѣ, „которыя всѣ называли себя ложами Слабаго Наблюденія“ (lata observantia, въ противоположность Строгому, stricta observantia) „и по своимъ собственнымъ бумагамъ работали во всѣхъ степеняхъ“. Затѣмъ о дѣятельности Штарка говорится такъ: „Въ 1768 г. извѣстный Штаркъ основалъ ложу Строгаго Наблюденія, подъ названіемъ Фениксъ, и въ слѣдующемъ году къ ней приступила также и ложа упомянутаго Слабаго Наблюденія, которая носила имя Истиннаго Постоянства (Der Wahren Beständigkeit) и работала подъ молоткомъ, т. е. управленіемъ нѣ-

[1]) О Штаркѣ см. Handbuch, статьи Kleriker, Starck, Sackville, Natter, Prangen, Ordenssagen, Williams; также Zeitschr. für Freim. (die Maurerhalle), 1844—1845, Gesch. der zum System der Stricten Observanz gehörenden Freimaurer, Якоби, бывшаго секретаря гермейстера Гунда; Findel, Gesch. стр. 317—325; Nicolai, Einige Bemerkungen über den Ursprung und die Gesch. der Rosenkreuzer und Freymaurer, Berl. u. Stettin, 1806; Kloss, Bibliographie № 3382—3438; [Wolfstieg, по указателю]; Keller, Gesch. der Freim. in Deutschland, Giessen 1859, стр. 147, 179 и слѣд.

коего Селлина (конечно, того самаго, котораго имя упоминается во времена Петра III), приступила, какъ говорится въ находящемся у меня протоколѣ ложи Феникса, убѣдившись въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ. Кажется, однако, что эта связь продолжалась недолго, потому что упомянутый протоколъ кончается собраніемъ 9-го декабря 1769 г." [1]).

По другимъ извѣстіямъ [2]), довольно неопредѣленнымъ, говорится, что Штаркъ 23-го іюня 1768 г. основалъ въ Петербургѣ префектуру Строгаго Наблюденія, свѣтскій капитулъ Феникса, или, что тампліерство было введено въ Россію въ 60-хъ годахъ, когда Строгое Наблюденіе принесено было въ Петербургъ изъ ложи „Трехъ Львовъ" въ Висмарѣ (это была именно ложа Штарка и его друзей, основ. въ 1767 г.), и что тогда же былъ учрежденъ капитулъ, гдѣ великимъ мастеромъ былъ купецъ Людеръ. Напротивъ, другіе говорятъ, что онъ самъ узналъ высшія степени тампліерства изъ подобнаго учрежденія, существовавшаго въ Петербургѣ уже раньше. Великимъ мастеромъ въ этомъ „Capitulum Petropolitanum" называютъ, какъ мы сказали, купца Людера, а въ числѣ членовъ его поименовывается немало людей изъ высшаго слоя общества, напр., генералъ Болтинъ, генералъ Бороздинъ, Новгородскій намѣстникъ графъ Брюсъ, князь Юрій Влад. Долгорукій, оберъ-прокуроръ въ Москвѣ князь Гагаринъ (онъ былъ прокуроромъ уже впослѣдствіи), камергеръ князь Куракинъ, тайный совѣтникъ князь Несвицкій, „президентъ" Ржевскій, сенаторъ князь Щербатовъ, также гр. Разумовскій, гр. Строгановъ. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ мы уже встрѣчали въ масонскихъ ложахъ временъ Елизаветы; другія играютъ болѣе или менѣе важную роль и въ дальнѣйшей исторіи нашего масонства.

Въ Курляндіи въ это время уже существовала префектура Строгаго Наблюденія, подъ названіемъ Темпельбургъ, въ Митавѣ. Это была одна изъ первыхъ по времени префектуръ тампліерской системы, которая имѣла вообще большой успѣхъ въ Курляндскомъ дворянствѣ. Тампліерскій капитулъ былъ основанъ также въ Ригѣ. Въ 1772 г. Курляндскіе тампліеры имѣли уже своего представителя на масонскомъ конвентѣ въ Коло, и вообще отличались большою ревностью къ ордену, но пріоръ Курляндскихъ тампліеровъ, фонъ-Фиркъ, относился недовѣрчиво и враждебно къ Штарку [1]).

Объ упомянутомъ нами Прангенѣ (eques a Pavone) Якоби разсказываетъ дальше въ своихъ запискахъ, что въ Петербургѣ Прангенъ, встрѣтившись опять со Штаркомъ, хотя и потерялъ надежду узнать таинственныхъ высшихъ начальниковъ системы, но все-таки одушевленъ былъ ревностью къ ордену, и „при содѣйствіи нѣкоторыхъ тамошнихъ (т. е. Петербургскихъ) братьевъ основалъ свѣтскій капитулъ", и затѣмъ отправился къ своему назначенію: онъ принятъ былъ въ службу ротмистромъ въ Московскій карабинерный полкъ. Полкъ его находился тогда на турецкой границѣ, и Прангенъ остался тамъ на все время турецкой войны до заключенія мира и состоялъ адъютантомъ при князѣ Голицынѣ и графѣ Румянцовѣ [2]). Основанный имъ „свѣтскій капитулъ" есть, вѣроятно, тотъ же самый Феникъ, учрежденіе котораго приписывается Штарку. Вообще это было, кажется, первое формальное утвержденіе тампліерской системы въ русскихъ ложахъ.

Извѣстія о вліяніи французскаго масонства на русскія ложи того времени до сихъ поръ очень ограниченны; но что вліяніе было, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, припомнивъ вообще сильное вліяніе французскихъ нравовъ и нерѣдкія путешествія въ Парижъ, уже тогда получившій свою притягательную силу для русскаго барства. Извѣстно [3]), что въ 1773 г. графъ А. С. Строгановъ уже участвовалъ на масонскомъ конвентѣ, который устроенъ былъ герцогомъ Шартрскимъ (будущимъ Egalité) въ Парижѣ для организаціи французскаго Grand Orient. Далѣе, Новиковъ въ своихъ показаніяхъ упоминаетъ, что во время переѣзда его въ Москву (1779 г.) тамъ были, между ложами другихъ системъ, „одна или двѣ ложи настоящихъ французскихъ, и у нихъ (т. е. ложъ) было (по его словамъ) французское масонство, которое мы всѣ, такъ называвшіеся тогда Рейхелевскіе ма-

[1]) Handb. III, стр. 613.
[2] Handb. II, 552; III, 108, 479.

[1]) Handb. ibid., также II, 171.
[2]) Handb. II, 606. Maurerhalle, 1844, III, 305—306.
[3]) Лонг., стр. 96.

соны, совершенно презирали и почитали за глупую игру и дурачество“ [1]). Мы упомянемъ дальше о личныхъ связяхъ многихъ изъ русскихъ аристократовъ того времени съ Сенъ-Мартеномъ, связяхъ, которыя не остались, быть можетъ, безъ вліянія и въ русскихъ ложахъ [2]). Эти непосредственные послѣдователи Сенъ-Мартена и почитатели его книги и были, собственно, мартинисты, — названіе, которое потомъ совсѣмъ невѣрно прилагали къ Новикову и его друзьямъ.

Около того же времени, именно около 1765—1768 гг., основана была въ Петербургѣ особая система съ высшими степенями, собственно русскаго изобрѣтенія. Это система Мелиссино. Младшій братъ куратора Московскаго университета, артиллерійскій генералъ Мелиссино, вообще игралъ значительную роль въ русскомъ масонствѣ и, между прочимъ, занималъ важное мѣсто въ великой Провинціальной Ложѣ Елагина: какъ говорятъ, онъ ввелъ свою систему въ ложѣ Скромности, въ Петербургѣ, въ которой онъ предсѣдательствовалъ [3]). Эта система, кажется, не выходила за предѣлы Россіи, но была, однако же, довольно извѣстна: въ 1780-хъ годахъ нѣкто Корсицкій или Коржицкій, бывшій русскій офицеръ, жившій пенсіей во Львовѣ и посвящавшій въ высшія степени извѣстнаго Фесслера, сообщалъ ему и систему Мелиссино; Леннингъ подробно описываетъ ее въ своей Энциклопедіи [4]); Фишеръ о ней говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, о которыхъ мы упоминаемъ дальше; иностранные историки называютъ ее одной изъ самыхъ странныхъ системъ съ высшими степенями. Составлена она была, конечно, подъ вліяніемъ той страсти къ высшимъ степенямъ, которая овладѣла тогда почти всѣмъ европейскимъ масонствомъ и легко могла оказать вліяніе на масонскую голову съ предпріимчивостью и фантазіей, каковъ былъ, судя по отзывамъ, Мелиссино. Одинъ изъ нѣмецкихъ современниковъ или, по крайней мѣрѣ, близкихъ къ тому

[1]) Лонг., стр. 078.

[2]) Довольно вспомнить такихъ знакомыхъ Сенъ-Мартена, какъ Репнинъ, Чернышевъ и Кошелевъ. P.A.

[3]) Handb. II, 306.

[4]) Encycl. der Freim. II, 460—481.

времени масонскихъ писателей, Фишеръ (издатель „Элевзиній“), знакомый съ положеніемъ русскихъ дѣлъ, описываетъ Мелиссино (родомъ онъ былъ грекъ) „высокимъ худощавымъ человѣкомъ, съ блестящими глазами и съ богатыми дарованіями. Онъ съ одинаковымъ совершенствомъ держалъ ложу на четырехъ языкахъ и имѣлъ притомъ прекрасную наружность и увлекательное краснорѣчіе“ [1]). Фишеръ полагалъ, что въ системѣ Мелиссино и заключается источникъ, который навелъ Штарка на мысль о клерикатѣ; онъ думалъ, что Штаркъ могъ именно познакомиться съ этой системой во время своего пребыванія въ Петербургѣ. Другіе [2]) считаютъ предположеніе неосновательнымъ, потому уже, что клерикатъ по времени считаютъ старѣе системы Мелиссино. Впослѣдствіи, въ концѣ царствованія Екатерины, Мелиссино закрылъ свою ложу вслѣдствіе приказанія императрицы [3]).

Къ началу 70-хъ годовъ относится появленіе въ русскихъ ложахъ системы Циннендорфа, которая только недавно передъ тѣмъ образовалась въ Германіи, какъ особенная отрасль тампліерства. Ревностнымъ дѣятелемъ этой системы въ Петербургѣ былъ гвардейскій генералъ-аудиторъ Рейхель, вступившій въ русскую службу въ 1770 г., [4]) и отношенія котораго съ Новиковымъ указаны въ книгѣ Лонгинова.

Въ распространеніи системы Циннендорфа дѣйствовалъ въ нашихъ ложахъ, кромѣ Рейхеля, еще Розенбергъ, также изъ пріѣзжихъ иностранцевъ. Имя Розенберга встрѣчается, между прочимъ, и въ біографіи Новикова, который имѣлъ съ нимъ разныя масонскія отношенія, и мы сообщимъ о немъ нѣсколько біографическихъ подробностей изъ нѣмецкой масонской литературы. Розенбергъ, собственно говоря, былъ одинъ изъ тѣхъ авантюристовъ, которые находили въ

[1]) Zeitschr. für Freim. Altenb. 1823, I, 20 и слѣд. См. также согласную съ этимъ характеристику Мелиссино въ „Mémoires secrets sur la Russie“, Paris, 1802, III, 425—435. Авторъ „Мемуаровъ“ близко зналъ Мелиссино. Онъ говоритъ, между прочимъ, что Мелиссино былъ „grand-maitre de l'ordre maçonnique en Russie“, основателемъ многихъ ложъ. Это „гросмейстерство“ относится, вѣроятно, къ системѣ, носящей имя Мелиссино.

[2]) Handb. II, 307.

[3]) Это разсказано у Лонгинова, стр. 304.

[4]) Пекарскій, Дополн., стр. 57.

масонствѣ только средство для устройства своихъ личныхъ дѣлъ;—такъ отзываются о немъ новѣйшіе масонскіе историки и такое же впечатлѣніе онъ оставилъ повидимому и въ нашихъ старыхъ масонахъ, по крайней мѣрѣ, они чувствовали къ нему нѣкоторое недовѣріе [1]). Георгъ Розенбергъ, бывшій ротмистромъ въ отрядѣ волонтеровъ Люкнера, еще во время пребыванія въ Германіи заявилъ себя ревностнымъ послѣдователемъ Циннендорфа въ его масонской реформѣ; неизвѣстно, руководился ли онъ при этомъ какими-нибудь вопросами убѣжденія. Принятый въ масонство въ Дрезденѣ, еще въ 1752 г., Розенбергъ въ 1763 г. въ парижской ложѣ La Candeur получилъ высшія французскія степени, и въ Мецѣ, въ теченіе трехъ недѣль, пріобрѣлъ степени chevalier d'Orient, d'Occident и de l'Aigle. Съ кучей французскихъ „градусовъ" онъ явился въ Гамбургъ, соединился тамъ съ другими братьями, и, опираясь на свои мнимыя полномочія, открылъ самовольно свою ложу „Трехъ (золотыхъ) Розъ", изъ-за которой онъ вошелъ въ рѣзкій споръ съ властями „Строгаго Наблюденія", не признававшими за нимъ такихъ правъ. Потомъ онъ, вмѣстѣ съ двумя другими братьями того же характера, обратился за конституціей, т. е. за формальнымъ утвержденіемъ своей ложи, къ Циннендорфу, который въ то время уже основалъ свою систему. Циннендорфъ, дѣйствительно, далъ имъ конституцію, со старшинствомъ отъ 24 января 1770 г., хотя самая просьба ихъ отправилась въ Берлинъ только въ августѣ. Способъ дѣйствій Розенберга былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ: одни говорили, что онъ захватилъ кассу ложи; другіе винили его только въ томъ, что онъ принималъ въ свою ложу безъ разбора (это доставляло доходъ); но вообще онъ такъ запутался въ денежныхъ дѣлахъ ложи, что противъ него начались серьезныя жалобы, вслѣдствіе которыхъ, передъ его внезапнымъ отъѣздомъ въ Россію, противъ него приняты были „очень непріятныя мѣры". Его отъѣздъ, вѣроятно, и произошелъ отъ желанія избѣгнуть этихъ мѣръ. Любопытнымъ фактомъ въ дѣятельности Розенберга въ Гамбургѣ было, однако, то, что въ 1771 г. онъ въ своей ложѣ ввелъ въ масонство Лессинга. Въ Россію Розенбергъ пріѣхалъ въ 1774 г., въ Петербургѣ умѣлъ сойтись съ Рейхелемъ, но хорошія отношенія между ними удержались недолго, такъ какъ Розенбергъ хотѣлъ пользоваться масонскими связями только для своихъ личныхъ цѣлей. Такъ, сообщается фактъ, что за свое путешествіе въ Швецію онъ заставилъ заплатить себѣ 1,400 руб. прежде,чѣмъ выдалъ полученные имъ акты. Въ то время, когда начались въ нашихъ ложахъ несогласія и недоразумѣнія относительно зависимости отъ Швеціи, Розенбергъ разошелся съ начальниками ложъ и былъ исключенъ изъ ордена 11 декабря 1781 г., вмѣстѣ со своимъ братомъ Вильгельмомъ. Этотъ Вильгельмъ былъ секретаремъ посольства при Куракинѣ, во время поѣздки послѣдняго въ Швецію въ 1776—77 г. По исключеніи изъ ордена, Розенбергъ поселился въ Петербургѣ и жилъ пособіями отъ „братьевъ". Пока въ Петербургѣ еще работала ложа Аполлона, онъ жилъ въ ея домѣ. Въ 1798 г. онъ умеръ, и немногіе остававшіеся братья похоронили его на свой счетъ [1]). По системѣ Циннендорфа или Рейхелевской, какъ у насъ ее называли, основаны были уже вскорѣ нѣсколько ложъ. Въ нѣмецкихъ и нашихъ источникахъ, мы находимъ о нихъ такія указанія: въ 1771 г., 12 марта, учреждена была ложа Аполлона, въ 1772 г. ложа Гарпократа въ Петербургѣ, военная ложа (1773) тамъ же и ложа Изида (12 октября 1773) въ Ревелѣ. Въ то же время основана была въ Петербургѣ ложа Горуса, въ которой мастеромъ стула упоминается Нартовъ (по другимъ указаніямъ она принадлежала Елагинскому союзу; Нартовъ,—конечно, тотъ же, который упоминается въ масонской перепискѣ 1780-хъ годовъ, изданной Ешевскимъ). Въ 1776 г. упоминается основаніе (петербургской) ложи Латоны, гдѣ мастеромъ стула былъ [Новиковъ]; и въ томъ же году гвардейскій капитанъ Иванъ Чаадаевъ (дѣдъ П. Я. Чаадаева) основалъ ложу Немезиды [2]).

[1]) Ср. Ешевскій, Сочин., т. III, стр. 536.

[1]) Schröder, Materialien, II, 131, 146, 208; IV, II, Nettelblatt, Prov.—Kalender von 1836, стр. 91. Handb., II, 194; III, 83—84, 108—110. Лонгин. стр. 102—103, 236.

[2]) Handb. III, 108. Ср. Лонг. 94—103. [А. Я. Ильинъ въ своемъ дневникѣ за 1776 г. называетъ однако ложу Немезиду—ложей Храповицкаго]. Храповицкій, упоминая въ запискахъ о своемъ „старомъ масонствѣ", говоритъ только, что онъ былъ въ ложѣ А. И. Бибикова (подъ 1792 г.).

Еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Рейхелевскихъ ложахъ мы находимъ въ показаніяхъ Новикова, во время слѣдствія 1792 года. Имена ложъ здѣсь не названы, и потому показанія Новикова довольно трудно сличать съ приведенными сейчасъ свѣдѣніями; кромѣ того, Новиковъ дѣлалъ только общій счетъ ложамъ, не указывая перемѣнъ, происходившихъ въ ихъ составѣ и характерѣ.

Онъ считаетъ въ „Рейхелевскомъ масонствѣ по берлинскому акту“ слѣдующія ложи:

1) Нѣмецкая ложа, гдѣ великимъ мастеромъ былъ баронъ Рейхель, а послѣ Розенбергъ („помнится маіоръ“). Въ 1792 г. Новиковъ не зналъ, существуетъ ли она и собираются ли ея члены.—Это была собственная ложа Рейхеля „Аполлонъ“.

2) Ложа кн. Николая Никит. Трубецкого, о которой Новиковъ замѣчаетъ, что она уничтожилась.

3) Ложа Ив. Арт. Артемьева (сенатскаго оберъ-секретаря). О ней Новиковъ также полагаетъ, что она уничтожилась.

4) Ложа Андрея Андр. Нартова (д. ст. совѣтника), о которой Новиковъ также не зналъ, собирается ли она (Ложа Горуса).

5) Нѣмецкая Ложа въ Ревелѣ, о которой онъ ничего не зналъ.—Это была, конечно, „Изида“.

6) Ложа самого Новикова, которая уничтожилась по отъѣздѣ его изъ Петербурга: „члены ея разошлись,—замѣчаетъ Новиковъ,—кромѣ показанныхъ съ нами“ [„Латона“].

7) Ложа маіора Дубянскаго, въ которую, по словамъ Новикова,—„при соединеніи съ Иваномъ Перфильевичемъ (т. е. при соединеніи Рейхелевскихъ ложъ съ Елагинскими) опредѣленъ былъ (мастеромъ) въ 1776 году Александръ Васильевичъ Храповицкій.—Ложа Дубянскаго была, вѣроятно, та Астрея, гдѣ началось первое знакомство Новикова съ масонствомъ.

Подъ этой же рубрикой упомянуты еще двѣ ложи: Льва Вас. Тредьяковскаго и Вас. Ив. Крюковскаго, которыя, повидимому, также надо относить къ Рейхелевскимъ.

Въ числѣ членовъ первыхъ названныхъ семи ложъ показаны, между прочимъ, Игн. Ант. Тейльсъ, Ив. Аѳ. Дмитревскій, Левъ Вас. Тредьяковскій; въ двухъ послѣднихъ

ложахъ названы Ал. Андр. Ржевскій, Ѳед. Ив. Глѣбовъ, графъ А. С. Строгановъ и баронъ Строгановъ.

Перечисляя первыхъ, Новиковъ замѣчаетъ: „Всѣ сіи съ нами въ связи не были, кромѣ двоихъ, которые тамъ и показаны съ нами“. О ложахъ Тредьяковскаго и Крюковскаго замѣчено: „Сіи члены и ложи, при Шварцѣ, были нѣсколько времени съ нами въ соединеніи, но какъ началась и кончилась сія связь, упомнить не могу; а помню, что тогда были они въ перепискѣ съ кн. Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ“. [1])

Въ запискѣ Бёбера о русскомъ масонствѣ сообщаются еще такія свѣдѣнія о Рейхелевскихъ ложахъ. Ложа Аполлона основана была Рейхелемъ безъ сношенія съ провинціальнымъ великимъ мастеромъ (?), и встрѣтила большое одобреніе между знатными лицами. Но работы почему-то остановились (кажется, по случаю отъѣзда Рейхеля въ Москву); тогда явился въ 1774 г. Розенбергъ, управлявшій прежде въ Гамбургѣ ложею Трехъ Розъ, и по убѣжденіямъ Рейхеля, вновь открылъ работы въ ложѣ Аполлона, и дѣятельность ея такъ расширилась, что въ короткое время съ ней соединилось пять русскихъ вновь открытыхъ ложъ,—между прочимъ, Латоны и Озириса,—которыя приняли акты этой ложи и работали въ одномъ съ ней помѣщеніи. Въ эту ложу вступилъ въ 1776 г. и Бёберъ. Но работы ея были интенсивны недолго, такъ какъ Рейхель, поссорившійся съ Розенбергомъ, убѣдилъ членовъ упомянутыхъ ложъ стать подъ управленіе великаго провинціальнаго мастера (это былъ тогда Елагинъ),—который не только призналъ бы ихъ акты подлинными, но и ввелъ бы такіе акты въ остальныхъ зависящихъ отъ него ложахъ. Такимъ образомъ, ложа Аполлона осталась одинокою...[2]).

Таковы до сихъ поръ свѣдѣнія, какія имѣются о Рейхелевскихъ ложахъ. Мы скажемъ дальше о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находились онѣ къ Елагинскимъ, а пока напомнимъ только о томъ, какъ относился къ нимъ Новиковъ. Онъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что тѣ (Ела-

[1]) Пунктъ 3-й показаній Новикова, у Лонгин.; Сборн. Русск. Ист. Общ. т. II, стр. 146—148. О Тредьяковскомъ ср. Лонгинова, стр. 97, и Русск. Стар., 1871.

[2]) Handb. III, 613.

гинскія) ложи, которыя онъ сначала узналъ, не удовлетворяли его, и что въ первый разъ онъ нашелъ настоящее ученіе въ ложахъ Рейхелевскихъ. Повидимому, Рейхель принадлежалъ къ числу масоновъ, серьезно понимавшихъ свое дѣло, и этому надо приписать его вліяніе, какъ на Новикова, такъ и вообще на Елагинскія ложи.

Обратимся теперь къ ложамъ Елагинской системы.

Рядомъ съ распространеніемъ системы Циннендорфа, или Рейхелевскихъ ложъ, возобновлялась и первоначальная англійская система. Это было такъ называемое „общество Елагинской системы". Въ общихъ чертахъ, ихъ отношенія состояли въ слѣдующемъ. Въ масонствѣ того времени, какъ мы видѣли, происходило уже довольно путаницы, и около 1770 года является въ русскихъ ложахъ сильное стремленіе получить болѣе правильную организацію и ввести въ ложи извѣстную дисциплину. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1770 году, 22 мая, въ Петербургѣ открыта была великая провинціальная ложа (т. е. административный центръ) по сношенію русскихъ масоновъ съ Берлинской ложей Royal Iork [1]). Эта ложа, называвшаяся прежде De l'Amitié, давно была въ натянутыхъ отношеніяхъ къ своей ложѣ-матери, и когда ей въ 1765 г. случилось принять въ масоны проѣзжавшаго черезъ Берлинъ герцога Іоркскаго, она приняла названіе Royal Iork zur Freundschaft. Въ то время шла въ Берлинѣ пропаганда тампліерства; ложа Трехъ Глобусовъ приняла его, но Royal Iork отказалась, и, при посредствѣ герцога Іоркскаго, получила (кажется, въ 1767 г.) конституцію отъ англійской Великой Ложи и перешла къ ней; при этомъ Великая Ложа не справилась, однако, работаетъ ли принятая ею ложа по англійскимъ законамъ и обычаямъ. (Акты и обычаи этой ложи остались, такимъ образомъ, прежніе).

Какіе акты и кѣмъ именно получены были отъ ложи Royal Iork въ Петербургѣ, остается не совсѣмъ ясно. Замѣтимъ, что въ томъ же 1770 г. эта ложа была въ связяхъ съ Циннендорфомъ, который, отступивши въ то время отъ Строгаго Наблюденія или Тамплiерства, основывалъ уже свои ложи и даже, съ королевскаго разрѣшенія, назвалъ

[1]) Лонгин. 94, по свѣдѣніямъ въ протоколахъ ложи „Уранія".

свою систему Grosse Landesloge aller Freimaurer von ganz Deutschland, которой онъ хотѣлъ придать значеніе тѣмъ, что вступилъ въ сношенія съ англійской Великой Ложей. Онъ сдѣлалъ это черезъ посредство ложи Royal Iork, которая позволила ему работать въ своемъ помѣщеніи, такъ что это имѣло такой видъ, будто въ основаніи его системы лежатъ англійскіе акты. Впослѣдствіи (1773 г.) онъ добился (не совсѣмъ правильно, повидимому) *формальнаго договора* съ англійской Великой Ложей, который подчинялъ всѣ англійскія ложи въ Германіи его Великой Ложѣ, подъ гросмейстерствомъ герцога Лудвига Гессенъ-Дармштадтскаго [1]).

Эта ли неопредѣленность отношеній Ройяль-Іорка къ англійской Великой Ложѣ, или еще другія обстоятельства, подѣйствовали на нашихъ масоновъ, но, повидимому, вновь устроенная (1770 г.) русская провинціальная ложа не удовольствовалась этимъ *косвеннымъ и отдаленнымъ отношеніемъ* къ источнику масонства и старалась вступить въ прямыя связи съ Лондонской Великой Ложей. Вслѣдствіе этого, состоялось назначеніе И. П. Елагина великимъ мастеромъ Петербургской провинціальной ложи, о чемъ въ 1772 году, 28 февраля, великій секретарь заявилъ въ Лондонской Великой Ложѣ.

Въ бумагахъ Елагина, находящихся въ Государственномъ Архивѣ, хранится, между прочимъ, и *пергаментный дипломъ*, выданный ему тогда отъ Лондонской Великой Ложи на это званіе и подписанный 26 февраля герцогомъ Бофортскимъ. Дипломъ обязываетъ Елагина представлять отчеты ложѣ-матери, назначать собранія, праздновать день Іоанна Крестителя и присылать къ казначею ложи-матери сборъ съ каждой вновь открываемой ложи въ 3 фунта и 3 шиллинга. По показаніямъ Новикова, англійское масонство, находившееся подъ управленіемъ Елагина, *получено было „отъ какого-то лорда Питера"*. Разнорѣчіе объясняется близостью времени. Генри Соммерсетъ, герцогъ Бофортскій, былъ гросмейстеромъ Великой Ложи съ 1767 по 1772 г.; а съ 4 мая 1772 г. по 1 мая 1777 г. гросмейстеромъ былъ Робертъ-Эдуардъ Питеръ (Petre), баронъ Writtle, такъ что при этомъ послѣднемъ могли быть сдѣланы какія-нибудь

[1]) Keller, Gesch. der Fr. in Deutschland, стр. 141, 154 и др.

послѣднія формальности для утвержденія Елагина, присылка документовъ и т. п. [1]). Лордъ Питеръ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи англійскаго масонства. Между прочимъ, онъ далъ извѣстному масонскому писателю Престону одобреніе на изданіе его классической масонской книги „Illustrations of Masonry", 1772 г., которая была вообще первымъ изданіемъ, какое было разрѣшено Великой Ложей послѣ „Конституціи" Андерсона. Тотъ же гросмейстеръ далъ одобреніе и книгѣ Гучинсона „Spirit of Masonry", которая была впослѣдствіи у насъ переведена, хотя эта книга не считалась потомъ строго-нравственнымъ изложеніемъ англійскаго масонства, какъ вообще въ это время Великая Ложа, какъ говорятъ, не хранила строго стараго преданія.

Такимъ образомъ, началась вторичная связь русскаго масонства съ англійскимъ: первая, относившаяся больше къ иностранцамъ, жившимъ въ Петербургѣ, съ теченіемъ времени, вѣроятно, ослабѣла, вмѣстѣ съ наплывомъ чужихъ системъ и размноженіемъ русскихъ масоновъ разнаго характера. Съ назначеніемъ Елагина, который ревностно преданъ былъ теперь масонству, утвердилась прочнѣе и англійская система, а впослѣдствіи, когда въ нашемъ масонствѣ распространился мартинизмъ, а потомъ розенкрейцерство, то прежнія системы, и Елагинская въ особенности, разумѣлись подъ именемъ „стараго масонства" [2]).

Въ показаніяхъ Новикова подъ управленіемъ Елагина показаны слѣдующія ложи:

1) Провинціальная ложа.
2) Собственная ложа Елагина [ложа Музъ].

[1]) Пекарск., стр., 31. Kloss, Gesch. der Freim. in England, стр. 197. Сборникъ Русск. Ист. Общ., II, 145. Handb. I, 85; II, 553—555.

[2]) Англійскій масонскій календарь 1777 и 1778 г. заключаетъ слѣдующій отзывъ о положеніи русскихъ ложъ (Freemasons Calendar 1777, 1778; Handb. III, 107). „Первой правильной ложей, основанной въ обширной русской имперіи, была утвержденная въ іюнѣ 1771 г. ложа „Совершеннаго Согласія" (Parfaite Union) въ Петербургѣ. Мастеръ стула и большая часть изъ членовъ были живущіе тамъ англійскіе купцы, которые поддерживали это учрежденіе съ большой точностью и съ большимъ рвеніемъ. Такъ какъ много русскихъ дворянъ и знатныхъ во время основанія этой ложи были уже масонами, то по просьбѣ своей они получили въ 1772 году отъ Великой англійской Ложи для его

3) Ложа В. Игн. Лукина (по ошибкѣ, конечно, здѣсь поставлено имя Влад. Иван. Лукина) [Уранія].
4) Ложа П. Ив. Мелиссино [Марсъ, позже—Скромность].
5) Ложа Ивана Вас. Несвицкаго [Беллона].
6) Англійская ложа [Parfaite Union].
7) Ложа Я. Ѳ. Дубянскаго [Астрея].
8) Ложа въ Архангельскѣ [св. Екатерина Трехъ Подпоръ].
9) Ложа во Владимірѣ, при графѣ Романѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ, который самъ находился въ провинціальной ложѣ, а этой ложей, какъ припоминаетъ Новиковъ, управлялъ секретарь Воронцова, П. Ив. Бергъ.

Новиковъ замѣчаетъ, что подъ управленіемъ Елагина были и другія ложи въ Петербургѣ и другихъ городахъ, но онъ ихъ не помнитъ. Онъ не могъ также сказать, существуютъ ли эти ложи и бываютъ ли въ нихъ собранія. Онъ называетъ затѣмъ имена нѣкоторыхъ членовъ Елагинскихъ ложъ, которыя могъ припомнить (А. Л. Щербачевъ, Ст. В. Перфильевъ, Ал. Андр. Ржевскій, Ив. Бор. Леццано, докторъ Эли, П. С. Свистуновъ и друг.) и дѣйствительно встрѣчающіяся въ спискахъ самого Елагина, о которыхъ скажемъ дальше [2]).

Указанія Новикова должны относиться ко времени до соединенія Елагинскихъ ложъ съ Рейхелевскими, такъ какъ онъ перечисляетъ ихъ особо, слѣдовательно, до 1776 года, когда послѣдовало это соединеніе.

По другимъ источникамъ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ Елагинскихъ ложахъ. Изъ диплома, даннаго Елагинымъ на учрежденіе ложи Музъ въ іюнѣ 1772 г., видимъ, что провинціальнымъ великимъ намѣстнымъ мастеромъ былъ

превосходительства, сенатора, тайнаго совѣтника Ивана Елагина патентъ на званіе провинціальнаго гросмейстера въ россійской имперіи, подписанный герцогомъ Бофортскимъ. Елагинъ такъ ревностно исполнялъ обязанности своего званія, что въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ основаны были различныя, хорошо устроенныя ложи. Высшее дворянство имперіи не только поощряло искусство (т. е. каменьщическое) своимъ значеніемъ, но и заняло также масонскія должности въ большой и въ частныхъ ложахъ, и русская провинціальная ложа намѣревается построить для ложи домъ, чтобы имѣть тамъ свои собранія".

[2]) Сборн. Русск. Ист. Общ. II, стр. 145—146.

при Елагинѣ въ этомъ году (т. е. съ самаго основанія Главной Ложи) Романъ Воронцовъ, а провинціальнымъ великимъ секретаремъ—Василій Майковъ, извѣстный въ то время поэтъ.

Затѣмъ, въ протоколахъ ложи „Уранія“ личный составъ Провинціальной ложи представляется за 1773—1774 гг. въ слѣдующемъ видѣ: великій провинціальный мастеръ — Елагинъ, великій провинц. намѣстный мастеръ — гр. Р. Л. Воронцовъ, 1-й и 2-й великіе провинц. надзиратели — А. Л. Щербачевъ, ген.-маіоръ и кн. Ив. В. Несвицкій (или Несвижскій), тайный совѣтникъ и камергеръ; великій провинц. хранитель сокровищъ—Ст. В. Перфильевъ, ген.-маіоръ; вел. провинц. меченосецъ—Ѳ. Фрезе; вел. провинц. секретарь—В. Игн. Лукинъ [1]). Составъ Главной Ложи, повидимому, измѣнился послѣ соединенія съ Рейхелевскими ложами, какъ увидимъ далѣе.

Ближе опредѣлить ложи, принадлежавшія къ Елагинской системѣ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, довольно трудно по извѣстнымъ теперь даннымъ.

Собственная ложа Елагина была, повидимому, та самая ложа Музъ, о дипломѣ которой мы упоминали. Въ другихъ извѣстіяхъ она же, вѣроятно, называется ложей „Девяти Музъ“ или „Трехъ Музъ“, причемъ упоминается, что мастеромъ стула былъ въ ней самъ Елагинъ и что собранія ея, какъ и собранія Главной Провинціальной Ложи, происходили въ его домѣ на Елагиномъ островѣ [2]).

Ложа Лукина была одной изъ первыхъ ложъ, учрежденныхъ подъ управленіемъ Елагина. Въ сентябрѣ 1772 г. шестнадцать членовъ ложи Музъ условились составить новую ложу „уединенныхъ“, какъ они себя наименовали; предположеніе ихъ было утверждено масонскими властями въ Петербургѣ 31 января 1773 г., и 16 марта послѣдовало открытіе самой ложи, названной „Ураніей“. Мастеромъ стула былъ въ ней выбранъ Лукинъ. Въ собраніи рукописей гр. Уварова (№ 243) сохранились подлинные протоколы этой ложи на русскомъ языкѣ, до 1 іюля 1775 г. [3]).

[1]) Пекарск., стр. 35—36. Лонгин., стр. 95—96.

[2]) Ешевскій, Сочин., III, 448. Handb. III, 108.

[3]) Лонгин., стр. 94 и слѣд. [Протоколы той же ложи за 1776—1788 г. хранятся въ архивѣ Grosse Landesloge въ Берлинѣ—См. Фридрихсъ, 42; за 1781—1793 г. (на нѣмецк. языкѣ) въ Собраніи рукописей гр. Уварова, № 227

Подъ управленіемъ Мелиссино находились въ разное время различныя ложи. Новиковъ въ своемъ показаніи, вѣроятно, имѣлъ въ виду ложу Скромности (Verschwiegenheit), о которой говоритъ Бёберъ въ своей позднѣйшей запискѣ о русскомъ масонствѣ. Въ протоколахъ „Ураніи“ Мелиссино названъ еще великимъ мастеромъ ложи „Марса“ въ Яссахъ: это была, конечно, временная ложа, существовавшая въ ту пору, когда Мелиссино находился при арміи въ Молдавіи (въ 1774 г.). По словамъ Бёбера, ложа „Скромности“ Мелиссино и „Уранія“ Лукина были самыя многолюдныя, наиболѣе уважаемыя и великолѣпныя [1]).

Ложа кн. Несвицкаго [называлась „Беллоной“, какъ объ этомъ можно судить по дневнику А. Я. Ильина].

„Англійская Ложа“, т. е. состоявшая изъ англичанъ и, вѣроятно, другихъ иностранцевъ, была, можетъ быть, та самая „Parfaite Union“, которая въ англійскомъ масонскомъ календарѣ (см. выше) названа первой правильной ложей, основанной въ Россіи, т. е., вѣроятно, получившей въ то время свою конституцію прямо изъ Лондона, еще до основанія Главной Провинціальной Ложи. „Parfaite Union“ основана была, по тому же извѣстію, въ іюнѣ 1771 г.; мастеръ стула и большинство членовъ были англійскіе купцы, жившіе въ Петербургѣ.

Ложа Я. Ѳ. Дубянскаго называлась „Астреей“. Просьба объ ея учрежденіи подана была Дубянскимъ и нѣкоторыми другими членами, большею частью иностранцами, въ мартѣ 1775 года, и 30 мая того же года Лукинъ передалъ Дубян-

[1]) Handb. III, 613. Лонгиновъ, стр. 95, упоминаетъ, что ложа Скромности основана была 4 апрѣля 1775 года: приведенная имъ цитата невѣрна; [но дѣйствительно въ ложѣ Ураніи 4 апрѣля 1775 г. было объявлено о вновь учрежденной въ Петербургѣ ложѣ Скромности (рук. гр. Уварова № 243)].

Этой ложѣ Скромности принадлежитъ слѣдующій сборникъ масонскихъ рѣчей: Anreden in der E. Loge der Verschwiegenheit gehälten von dem B(ruder) C. G. C. Beer. St. Petersburg, gedruckt bey Weitrecht und Schnoor. 1781, 39 стр. Здѣсь помѣщены слѣдующія рѣчи:

— Bey der Geburt des Grossfürsten Alexander Pawlowitsch, gehalten am 25 Februar 1778.

— Am Johannis-Tage 1778.

— Gedächtniss-Rede auf den H. B. Fürst Alexander Iwanowitsch Mestschersky, gehalten am 18 May 1779. Это тотъ Мещерскій, на смерть ко-

скому присланную отъ Елагина конституцію новой ложи и „Астрея“ была тогда же открыта. Это была та ложа, въ которую вступилъ Новиковъ [въ началѣ своихъ масонскихъ исканій] [1]).

Ложа въ Архангельскѣ, носившая имя „св. Екатерины“, существовала еще съ 1766 года, состояла преимущественно изъ купцовъ и работала на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 70-хъ годахъ она подчинилась Елагину и новое учрежденіе ея считалось съ 14 февраля 1775 года [2]).

О ложѣ во Владимірѣ мы не имѣемъ еще другихъ свѣдѣній.

Новиковъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что, кромѣ названныхъ, имъ были открыты еще и другія ложи этой системы въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Дѣйствительно, въ прото-

тораго Державинъ написалъ извѣстную оду. Мещерскій могъ когда-нибудь находиться въ ложѣ Скромности и быть въ ней мастеромъ стула. „Мы, братья,—говоритъ ораторъ,—стоимъ у его гроба въ горести и печалимся о потерѣ достойнаго масона, полезнаго члена въ цѣпи цѣлаго, достохвальнаго слуги государства и любезнаго друга. Какъ горѣла въ немъ ревность къ нашимъ почтеннымъ работамъ, когда онъ, при открытіи ложи, съ открытой головой, исполняя свою должность (im Amte), касался своими губами словъ Вѣчнаго“ (стр. 24). Любопытно, что рѣчь въ память этого друга „роскоши, прохладъ и нѣгъ“ въ особенности настаиваетъ на той, впрочемъ, нерѣдкой у тогдашнихъ масоновъ мысли, что люди въ самой печали не должны предаваться мрачной меланхоліи, что, напротивъ, жизнь создана для счастья и удовольствій: эта цѣль указана самимъ Творцомъ міра, въ законодательствѣ природы наше сохраненіе и продолженіе является удовольствіемъ, всемогущая рука привела первому обитателю міра помощницу и т. д. Нужно только, чтобы удовольствіе не превращалось въ насыщеніе испорченныхъ страстей.

— Bey der Aufnahme des Herrn Alexis von M*, am October 1780. Этотъ Алексѣй М. былъ единственный сынъ мастера стула въ ложѣ Скромности, который самъ и принималъ его, что подаетъ „ритору“ особый поводъ къ краснорѣчію. Здѣсь, кажется, идетъ рѣчь о томъ самомъ П. И. Мелиссино, который, какъ было сказано выше, былъ мастеромъ стула въ ложѣ Скромности. Объ его „единственномъ сынѣ“ упоминается въ запискахъ Масона, III, 432.

Тому же Бееру принадлежитъ, конечно, приведенная у Клосса (№ 1340 [Wolfstieg, № 17408]); Gedächtnissrede auf die Brüder Nicol. Meyer und Dietr. Jäger (т. е., вѣроятно, упомянутый выше купецъ Егеръ (Jäger), gehalten in der L. zur Verschwiegenheit, den 28 October und 4 Nov 1777, von dem Br. Beer. St. Petersburg. Weitbrecht, 1777.

[1]) Лонгин., стр. 100.

[2]) Лонгин., стр. 95.

колахъ ложи „Ураніи“ и въ другихъ источникахъ называются еще другія ложи Елагинской системы, напримѣръ, „Беллона“ въ Петербургѣ, „Кліо“ въ Москвѣ (это имя уже встрѣтилось намъ выше); „Минерва“ въ Сагодурахъ, въ Молдавіи; „Эрато“ въ Петербургѣ, уже существовавшая въ мартѣ 1775 г., гдѣ мастеромъ былъ кн. Александръ Ив. Мещерскій, пріятель Державина [1]).

Мы докончимъ, насколько возможно, этотъ списокъ Елагинскихъ ложъ дальше, когда будемъ говорить объ отношеніяхъ Елагинской системы къ появившейся въ концѣ семидесятыхъ годовъ шведской системѣ, и теперь остановимся на отношеніяхъ первой къ Рейхелевской системѣ [2]).

Съ оффиціальнымъ утвержденіемъ Елагинской системы и со введеніемъ Циннендорфской, или Рейхелевой, русскія ложи главнымъ образомъ раздѣлились между этими двумя формами и управленіями (кромѣ того, существовали, кажется, чистое тампліерство, ложи французскаго устройства и, можетъ быть, система Мелиссино). Но раздѣльное ихъ существованіе длилось недолго и кончилось соединеніемъ Рейхелевскихъ ложъ съ Елагинскими, подъ управленіемъ Елагина. Указанія о томъ, какъ именно совершилось это соединеніе, до сихъ поръ не вполнѣ ясны.

Елагинъ, разсказывая въ своей запискѣ о масонскихъ дѣлахъ, говоритъ слѣдующее: „Аглицкая великая ложа, гдѣ и какъ сохраняетъ свои таинства, того... ни обществу нашему, ниже самимъ зависящимъ отъ нея и въ самомъ Лондонѣ находящимся, неизвѣстно. Слѣдовательно надлежитъ весьма достойнымъ учинитися, и къ тому пріобрѣсть еще друга, чрезъ котораго бы удобѣ возможно было достигнуть до хранилища. Она раздаетъ одни токмо на постановленіе ложъ грамоты, повелѣвающихъ работать въ первыхъ трехъ іоанновскихъ степеняхъ, да и на сіи работы письменно ничего не сообщаетъ, хотя притомъ и не воспрещаетъ работы высшихъ степеней, какія кто изъ мастеровъ воспріять заблагоразсудитъ. Вѣдаетъ она, что первыя три степени суть

[1]) Ср. Лонгин., тамъ же.

[2]) [Росписи русскихъ ложъ различныхъ системъ даны въ статьѣ А. В. Семеки въ I т. сборника „Масонство въ его прошломъ и настоящемъ“ М. 1914].

совершенное содержаніе всего цѣлаго ученія нашего“ и проч. [1]).

Въ бумагахъ Елагина, находящихся въ Государственномъ Архивѣ, есть нѣсколько рукописей, которыя заключаютъ въ себѣ изложеніе не только такъ называемыхъ символическихъ или низшихъ іоанновскихъ степеней, но и высшихъ степеней (на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ), повидимому, главнымъ образомъ высшихъ степеней французскаго происхожденія. Къ сожалѣнію, эти рукописи описачы недостаточно Пекарскимъ, который привелъ только краткое ихъ оглавленіе. На одной изъ рукописей есть помѣта: „Гіероглифы, изъ Лондона присланные“ [2]).

Пекарскій не разъясняетъ, какое значеніе могли имѣть эти „Гіероглифы“ и насколько сходны или несходны находящіеся, повидимому, въ „Гіероглифахъ“ ритуалы низшихъ степеней съ тѣми русскими ритуалами, которые также есть въ бумагахъ Елагина и о которыхъ мы скажемъ дальше. Судя по приведеннымъ сейчасъ словамъ Елагина объ англійской Великой Ложѣ, онъ не получилъ отъ нея собственныхъ ея ритуаловъ, а присланные „Гіероглифы“ могли быть ему сообщены только частнымъ образомъ, для свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ другихъ масонскихъ системахъ. Елагинъ и вообще самъ собиралъ матеріалы подобнаго рода.

Рядомъ съ этимъ, въ бумагахъ Елагина находится собраніе масонскихъ уставовъ и ритуаловъ на нѣмецкомъ языкѣ (а затѣмъ и русскихъ переводовъ съ нихъ, сдѣланныхъ Елагинымъ). Это были уставы и ритуалы, принадлежавшіе Рейхелевой ложѣ Аполлонъ, какъ видно по печатямъ, приложеннымъ къ этимъ рукописямъ. На одной изъ рукописей помѣта: Berlin, 1770; на другой названъ Петербургъ и тотъ же годъ. Эти помѣты должны означать время полученія этихъ матеріаловъ въ Берлинѣ и доставленія ихъ въ Петербургъ. Это были акты Циннендорфской системы и нахожденіе ихъ въ бумагахъ Елагина надо объяснять (какъ и предполагалъ Пекарскій) тѣмъ обстоятельствомъ, что эти двѣ системы вступили, наконецъ, въ соединеніе [3]).

[1]) Р. Архивъ, 1864, 2-е изд., стр. 598.
[2]) Пекарск., стр. 31—34.
[3]) Пекарскій, стр. 22—26.

Ложи Елагина первоначально относились къ Рейхелю съ недовѣріемъ. Изъ протоколовъ ложи Уранія видно, что Елагинскія ложи считали систему Рейхеля „шизматическою“ и, чтобы принять къ себѣ ея членовъ, сначала требовали отъ нихъ отреченія отъ своей прежней системы. Но съ теченіемъ времени этотъ взглядъ измѣняется. До членовъ Елагинскихъ ложъ стали доходить слухи, что въ Петербургѣ есть истинное масонство и что оно привезено изъ Берлина Рейхелемъ, и Новиковъ былъ въ числѣ тѣхъ членовъ Елагинской системы, которые сблизились съ Рейхелемъ прежде всего [1]). Рейхелева система произвела на нихъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ ихъ собственныя ложи. Когда, за отсутствіемъ Рейхеля, Розенбергъ (около 1775 г.), по ихъ просьбѣ, учредилъ для нихъ новую ложу Рейхелевой системы подъ управленіемъ Чаадаева и имъ даны были акты трехъ степеней (Циннендорфскіе), то „между сими актами, — говоритъ Новиковъ, — и прежними англійскими усмотрѣли мы великую разность, ибо тутъ (въ Рейхелевыхъ или Циннендорфскихъ актахъ) было все обращено на нравственность и самопознаніе, говоренныя же рѣчи и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность“. Въ то же время Новиковъ и его товарищи услышали, что въ Москвѣ Елагинъ со всѣми своими ложами ищетъ соединенія съ Рейхелемъ и его ложами.

Это соединеніе, дѣйствительно, состоялось: 3 сентября 1776 г. ложи обѣихъ системъ соединились въ Великую Провинціальную или Національную Ложу. Великимъ провинціальнымъ мастеромъ всего русскаго масонства былъ Елагинъ; намѣстнымъ великимъ мастеромъ былъ графъ [Никита] Ивановичъ Панинъ; въ числѣ главныхъ должностныхъ лицъ Великой Провинціальной Ложи за это время называютъ генералъ-лейтенанта П. И. Мелиссино, генераловъ Лецціано и Николаи, барона Унгернъ-Штернберга, Бутурлина и другихъ. Большая часть этихъ именъ встрѣчается въ числѣ важнѣйшихъ членовъ Елагинскихъ ложъ, насколько

[1]) Показанія Новикова, у Лонг. 75. Въ текстѣ, стр. 102 и др., Лонгиновъ невѣрно объясняетъ отношенія Елагина къ Рейхелевой системѣ, считая эту послѣднюю „Карлсбадской“ и смѣшивая два разныхъ періода: семидесятые и восьмидесятые годы.

они извѣстны до сихъ поръ [1]). Ложи стали называться соединенными; впрочемъ, многія остались и неприсоединенными. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, эти соединенныя ложи реверсомъ, даннымъ 3 сентября этого года, признали и главенство Берлинской (Потсдамской) ложи Минервы, основанной въ 1768 г. Циннендорфомъ [2]).

Число соединившихся подъ управленіемъ Елагина ложъ полагаютъ до двѣнадцати. При общихъ собраніяхъ каждая ложа была представляема мастеромъ стула и обоими надзирателями; собранія эти происходили по четвертямъ года, такъ же, какъ Елагинъ предписывалъ это и въ дипломѣ, данномъ ложѣ Музъ, и собирались въ домѣ Елагина, на Елагиномъ островѣ [3]).

При этомъ соединеніи Елагинъ, какъ мы упоминали, обѣщалъ признать подлинность актовъ Рейхелевскихъ ложъ и предлагалъ ввести эти акты въ остальныхъ зависѣвшихъ отъ него ложахъ. Дѣйствительно, онъ занялся Рейхелевскими актами, принадлежавшими ложѣ Аполлонъ. Въ бумагахъ его сохранился переводъ ритуаловъ для первыхъ трехъ степеней масонства (1777 г.). Эти ритуалы употреблялись потомъ и въ другихъ ложахъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, были введены въ то время Елагинымъ въ его собственныхъ ложахъ [4]). Далѣе, въ бумагахъ Елагина мы находимъ, повидимому, и дальнѣйшіе „градусы“ Циннендорфской системы: нѣмецкія рукописи, указанныя Пекарскимъ на стр. 51: „пятая“, „шестая“, „седьмая“ и „восьмая“ книги, заключающія въ себѣ вопросы или катехизисъ для шотландскихъ учениковъ и товарищей, для шотландскихъ мастеровъ, для рыцарей востока и для рыцарей запада,—эти рукописи представляютъ, кажется, ни что иное, какъ высшія Циннендорфскія степени. Циннендорфъ взялъ свои высшія степени, какъ извѣстно, изъ шведской системы; только онъ получилъ ихъ не вполнѣ, именно, вмѣсто полныхъ девяти, только семь, которыя и заключаются въ этихъ рукописяхъ: шотландскіе ученики и товарищи, или, иначе, избранные братья или

[1]) Handb. III, 108; Ср. Пекарск., стр. 52—53.
[2]) Лонгин., стр. 103.
[3]) Handb., тамъ же; Пекарск., 35.
[4]) Пекарск., стр. 22—27, 38 и др.

черные братья—4-я степень; шотландскіе мастера—5-я; рыцари востока—6-я и рыцари запада—7-я степень [1]). Эти степени также были переведены Елагинымъ и въ бумагахъ его сохранился, кромѣ того, реестръ (Пек., 52), изъ котораго можно заключить, что Елагинъ намѣревается ввести шотландскія и, вѣроятно, также другія высшія степени и въ своихъ ложахъ.

Далѣе, въ его бумагахъ сохранилась и еще одна высшая степень. Въ особой рукописи его коллекціи находится: Das Achte Buch. Fragen für die vertrauten St. Johannis Brüder (Пек., стр. 54), которая, быть можетъ, есть 8-я степень шведской системы, по тому подраздѣленію, какое было дано ей вновь въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія [2]).

ГЛАВА VI.

Масонскія понятія Елагина.

Мы передавали выше разсказъ Елагина о вступленіи его въ масонство и о впечатлѣніи, какое оно на него произвело. Не знаемъ, какія именно были тѣ ложи, съ которыми онъ тогда познакомился; вѣроятно, это были ложи англійской системы; но хотя онъ нигдѣ не упоминаетъ, чтобы самъ принадлежалъ къ какой-нибудь иной системѣ, онъ, въ теченіе своего масонскаго поприща, могъ узнать и другія системы, которыя къ намъ проникали, какъ зналъ систему Рейхелевскихъ ложъ; наконецъ, онъ зналъ высшія степени по актамъ, которые собиралъ съ великимъ трудомъ и большими издержками, но въ своихъ ложахъ оставался вѣренъ англійской системѣ.

Съ внѣшней стороны онъ и устоялъ на этомъ; но съ внутренней стороны, въ самой сущности дѣла, онъ имѣлъ ту же судьбу, какая постигла наше масонство вообще, осо-

[1]) Ср. Handb. III, 215—216.
[2]) Ср. Handb. III, 216. Наконецъ, въ бумагахъ Елагина есть бумаги, книги и акты другихъ системъ, отчасти и въ переводѣ на русскій языкъ; см. Пекарск., стр. 54—59. Но, повидимому, эти другіе акты служили для него только предметомъ любопытства и не имѣли практическаго значенія.

бенно въ его лучшихъ представителяхъ новиковскаго кружка. „Елагинская система“ кончила тѣмъ же фантастическимъ мистицизмомъ, и точно также не сохранила смысла стараго англійскаго учрежденія.

Какъ мы выше сказали, англійская „Великая Ложа“ не давала никакихъ письменныхъ „актовъ“ или ритуаловъ и ограничивалась только сообщеніемъ „Конституцій“. На этотъ счетъ она вообще была очень беззаботна. „Къ сожалѣнію“,—говорятъ масонскіе историки,—„Великая Ложа слишкомъ мало заботилась объ учрежденіяхъ и отношеніяхъ братства въ другихъ странахъ, куда, однако, оно было принесено изъ Англіи, и потому, когда съ ней искали связей и сношеній, она много разъ дѣлала самыя прискорбныя ошибки, которыя являются совершенно необъяснимыми, если не приписать ихъ самому грубому незнанію положенія масонскихъ дѣлъ внѣ Англіи“ [1]). Елагинъ зналъ этотъ способъ дѣйствій англичанъ и такъ говоритъ объ англійской Великой Ложѣ:—„Вѣдаетъ она, что первыя три степени суть совершенное содержаніе всего цѣлаго ученія нашего, а сего точно ради письменно не только ихъ не даетъ, но и писать и вырѣзывать, инако какъ токмо для дѣйствія мѣломъ обрисовать, запрещаетъ законами“. Этого, дѣйствительно, строго требовала масонская клятва, и въ англійскихъ ложахъ, въ теченіе, кажется, всего XVIII вѣка, не былъ въ употребленіи даже „коверъ“, принятый уже очень рано въ континентальныхъ ложахъ. Елагинъ находитъ также, что „показуетъ сія книга (конституціи) то, что всѣ системы, всѣ высшія степени суть выродки и уроды, незнающими *прямого существа изъ нея но большей части произведенные*“ [2]).—Онъ утверждаетъ, что провѣрилъ это и собственнымъ опытомъ. Сдѣлавшись великимъ провинціальнымъ мастеромъ русскихъ ложъ, онъ счелъ своею обязанностью еще больше стремиться къ „разрѣшенію таинственнаго узла“, т. е. къ полному уразумѣнію масонства. Онъ

[1]) Handb. I, 294. Сюда относятъ, напр., и договоръ англійской Великой Ложи съ великой ложей, основанной Циннендорфомъ въ Берлинѣ (1773),—обстоятельство, къ которому, быть можетъ, имѣетъ отношеніе и упомянутое нами прежде заимствованіе Елагинымъ ритуала Іоанновскихъ степеней у Рейхеля.

[2]) Р. Архивъ, 1864, 2-е изд. стр. 598, 599.

отовсюду собиралъ все, что могъ пріобрѣсти изъ учрежденій и постановленій ордена въ Европѣ. „За безумно истраченныя деньги,—говоритъ онъ,—собралъ я громады писаній, громады начертаній и плановъ, громады такъ называемыхъ *высшихъ степеней и обрядовъ*“,—*но во всемъ этомъ онъ* не нашелъ ничего удовлетворительнаго, и увидѣлъ здѣсь одни умствованія, иногда „острыя и разумныя“, иногда нелѣпыя, увидѣлъ множество заблужденій и „мракъ, витійственнымъ бредомъ предлагаемый“, а всего больше корыстолюбіе, прикрывавшееся великолѣпіемъ ложъ и дорого *стоющихъ принятій*, „*въ которыхъ за взятое у пріемлемаго* существенное золото обѣщевается ему въ награду способъ къ изобрѣтенію мечтательнаго злата“. Такимъ образомъ, Елагинъ, повидимому, устоялъ противъ произвольныхъ нововведеній, щедро разсыпанныхъ въ высшихъ степеняхъ; въ своихъ ложахъ онъ рѣшился не допускать ихъ. „Узнавъ подробно всѣ обманы, не могъ я приступить къ преподаванію высшихъ степеней и донынѣ (т. е. до 1786 г., когда это писано) еще никто отъ меня ниже четвертыя степени не воспріялъ [1]), тѣмъ паче, что къ дѣйствительному ученію нашему токмо первыхъ трехъ довлѣетъ“ [2]). Это было совершенно въ духѣ англійскаго масонства. Оно всегда относилось недовѣрчиво къ высшимъ степенямъ, и единственное исключеніе составляла упомянутая выше степень Royal Arch, которая явилась у Старыхъ масоновъ, какъ дополненіе къ степени мастера, но которой вовсе не принимали Новые масоны Великой Ложи. Правда, высшія степени проникали съ теченіемъ времени и къ англичанамъ, и отдѣльные члены съ высшими степенями были терпимы, но въ собраніяхъ ложъ эти высшія степени не имѣли никакого особаго значенія и шли заурядъ. Въ 1787 г., въ то самое время, когда Елагинъ писалъ свои записки, лондонскіе масоны Великой Ложи праздновали особенно торжественнымъ образомъ день св. Іоанна, и въ протоколѣ были положительно отвергнуты „всѣ, введенныя іезуитами, степени масонства, тамплiерская система, Royal Arch и

[1]) Т. е. даже и четвертой степени не получилъ, не говоря о дальнѣйшихъ.

[2]) Тамъ же, стр. 598.

подобныя отклоненія, происшедшія съ начала (XVIII) столѣтія“ [1]).

Возставая противъ системъ высшихъ степеней, Елагинъ всего сильнѣе вооружается противъ розенкрейцерства, или такъ называемой имъ карлсбадской системы, которую онъ считалъ гибельнымъ суевѣріемъ, обманомъ и даже тайнымъ іезуитствомъ; онъ не находитъ достаточно словъ для его обличенія.

Итакъ, повидимому, Елагинъ долженъ былъ сберечь простоту англійскаго взгляда на дѣло. На дѣлѣ этого, однако же, не было. Елагинъ сохранялъ, сколько могъ, внѣшность англійскаго масонства, отвергалъ высшія степени, обличалъ карлсбадскую систему, и при всемъ томъ мы видимъ его, въ концѣ концовъ, въ сущности, на той же самой дорогѣ, по которой шли московскіе розенкрейцеры... Какъ ни можетъ это показаться неожиданнымъ, это было, однако, естественно по тогдашнему положенію нашей образованности, при которомъ могъ такъ сильно развиться и исключительный мистицизмъ новиковскаго круга. Тѣ же внутреннія побужденія, темное исканіе какихъ-нибудь новыхъ общественныхъ и нравственныхъ началъ, та же безпомощность относительно науки и бѣдность образовательныхъ средствъ дѣйствовали здѣсь и принесли тотъ же результатъ, т. е. фантастическій мистицизмъ.

Масонскія понятія Елагина, извлеченныя имъ изъ его долговременной опытности, достаточно ясно высказываются въ оставшихся отъ него бумагахъ, въ особенности въ его собственныхъ твореніяхъ. Изъ этихъ твореній напечатано было нѣсколько отрывковъ, на которыхъ мы и остановимся [2]).

Въ этихъ бумагахъ находится нѣсколько книгъ начатаго Елагинымъ обширнаго трактата о масонствѣ, подъ заглавіемъ: „Ученіе древняго любомудрія и богомудрія, или наука свободныхъ каменьщиковъ изъ разныхъ творцевъ свѣтскихъ, духовныхъ и мистическихъ собранная и въ пяти частяхъ предложенная И. Е., великимъ россійскія провинціальныя ложи мастеромъ“. На отдѣльныхъ частяхъ этого сочиненія

[1]) Altenburger Zeitschr., 1826, 409.

[2]) Русскій Архивъ, 1864, 2-е изд. стр. 586—604. Пекарскій, Дополн. стр. 92—115; описаніе его мистическихъ бумагъ, тамъ же, стр. 55—59

выставлены 1786—1788 годы; это было то время, когда въ особенности распространялась новая система, розенкрейцерство, которая возбуждала особенное негодованіе Елагина и отъ которой онъ хотѣлъ предохранить учениковъ его собственной школы. Поводомъ къ составленію книги Елагинъ самъ указываетъ то обстоятельство, что свободные каменьщики, состоявшіе подъ зависимостью „аглицкія всемірныя ложи“, поколебались новою карлсбадскою системою и возмнили, что въ ней и находится истинное ученіе. Братья говорили Елагину, что ложи, слѣдующія, новой системѣ, утверждаютъ, что старое каменьщичество есть чистое заблужденіе и потеря времени, а что „давно взыскуемое таинство“ находится именно въ ложахъ этихъ новыхъ системъ; поэтому братья стали убѣдительно просить Елагина открыть имъ чистосердечно: правильна ли ихъ старая система, или надо имъ искать истины въ новыхъ ложахъ, и если старая правильна, то чтобы онъ открылъ имъ, „чего они отъ толь продолжительнаго упражненія ихъ, кромѣ неудобь вразумительныхъ гіероглифовъ, непонятныхъ символовъ и прекословныхъ иносказаній ожидать долженствуютъ“. Елагинъ сталъ опасаться, что братья увлекутся въ заблужденіе; онъ согласился на ихъ требованіе и принялся за трудъ. Онъ выбралъ достойнѣйшихъ братьевъ, которымъ онъ нашелъ возможнымъ передать свои познанія о масонскомъ ученіи, и составилъ „повѣствованіе, сказующее, что оно знаменуетъ? Откуда оно? Какъ до насъ достигло? И достойно ли вѣроятія и вниманія нашего?“

Мы извлечемъ прежде всего изъ книги Елагина, насколько она до сихъ поръ извѣстна,. его историческія понятія о масонствѣ, его мнѣнія объ англійской системѣ и о распространеніи высшихъ степеней.

Ученіе наше, говоритъ Елагинъ, родилось не отъ вымысловъ ума человѣческаго, но отъ Бога, ибо оно есть слово божіе; потому новыя системы и новыя постановленія никакъ не могутъ стать противъ него: онѣ могутъ ослѣпить на нѣкоторое время слабость людей любопытныхъ, но безсильны поколебать ревность просвѣщенныхъ. „Въ Англіи и Шотландіи, съ самаго постановленія ордена свободныхъ каменьщиковъ, не было никакихъ существенныхъ измѣненій, ибо въ нѣдрахъ сестръ сихъ прямое существо его пребы-

ваетъ. Но во Франціи и Нѣмецкой землѣ неудобь сказуемо, сколько въ короткихъ временахъ великихъ послѣдовало перемѣнъ и съ ними умствованій и заблужденій". Англія дала свои конституціи и въ Берлинъ, и въ Брауншвейгъ, и въ Стокгольмъ, и никому не дала при этомъ больше трехъ степеней, но не закрываетъ своихъ таинствъ отъ достойныхъ, и предоставляетъ имъ искать ихъ, какъ нѣкогда въ Египтѣ. „Устрашенные таковою трудностію въ началѣ пылкіе французы, а потомъ глупые (Sic) германцы прибѣгли одни, гордясь остротою разума, другіе омрачаясь корыстію къ разнообразнымъ вымысламъ, которые показуютъ однихъ во многочисленности высшихъ степеней суетность и пышность, другихъ въ сооруженіи системъ горделивое корыстолюбіе. Тако произошли блестящія французскія въ высшія степени принятія, къ которымъ безъ разбора всякаго званія люди и самые невѣжды допускаются. [1]) Тако возродилась прежде шведская система и отъ нея Циннендорфская, потомъ Гундова [2]), подлинно собачья, ибо она есть стриксъ-обсерванская — жадная, алчная и сребролюбивая, а изъ сея похитившія общую казну и требуемаго въ ней отчета союзнымъ ложамъ не давшія химерическія системы. Умысливъ и прилѣпясь къ похитителямъ, ексъ-іезуиты постановляютъ нынѣ... и уже постановили новую неизвѣстнаго начальства неизвѣстную систему".

Въ этихъ словахъ Елагинъ разумѣетъ розенкрейцерскую систему, и далѣе характеризуетъ ее слѣдующими чертами.

[1]) Елагинъ дѣлаетъ къ этому слѣдующее примѣчаніе: „Два повара французы, въ услуженіи у меня бывшіе и кромѣ ложныхъ счетовъ ничего писать неумѣющихъ, показали мнѣ достаточныя грамоты изъ ложъ, гдѣ они не только разными екосскими рыцарями, но одинъ изъ нихъ и рыцаремъ Розе Круа и Востока сдѣланъ. Благодареніе Богу, что они кромѣ именъ, и ложныхъ словъ и лентъ ничего не знаютъ, да и понятія ни малѣйшаго о братствѣ не имѣютъ. Здѣсь есть двѣ ложи въ домахъ у министровъ (т. е., конечно, у иностранныхъ посланниковъ), и съ моего дозволенія: одна французская, другая италіанская, въ которыхъ упражняющіеся мастера оба французы и повары. Если бъ я и не дозволилъ имъ по ихъ обыкновенію работать, они бъ, не взирая на то, не преминули открыть ложи по дозволенію, въ патентахъ ихъ отъ В. Л. (Великой Ложи) дюка де-Шартра данному".

[2]) Примѣчаніе Елагина: „Hund—собака по русски".

„Сія неисповѣдуемыми обѣщаніями ученія, у нихъ однихъ токмо существующаго, укрѣпляетъ легковѣріе братства, возрождая изъ тлѣющагося іезуитскаго пепла мечтательнаго феникса. Они, называя братіевъ свободными каменьщиками, опредѣлили надъ ними безпредѣльную начальствующую власть, покоряющую и разумъ, и волю. Она даже до того связуетъ ихъ свободу, что не могутъ братія, строгимъ ихъ законамъ подвергнувшіеся, за собственное сребро свое, вопросить, гдѣ обитаютъ старцы ихъ, гдѣ ихъ премудрое училище и соборъ, кто ихъ начальники, въ рукахъ которыхъ законодательная сія власть господствуетъ? Одно только является къ омраченному братству снисхожденіе, что покоренныя ложи могутъ знать, кто ихъ префектъ, а префектъ вѣдаетъ, кто и гдѣ ихъ провинціалъ; провинціальная же ложа имѣетъ счастіе знать единаго въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городѣ съ нею сносителя или корреспондента, который ея донесенія доставляетъ недовѣдомому собору и отъ него насылаетъ повелительныя рѣшенія. Столько извѣстно мнѣ изъ чтенія вышедшихъ противъ сей системы и отъ нея писаній, которыя многое и объ ученіи ея извѣщаютъ. Такая скрытная власть не самое ли хитрое и злокозненное іезуитами отвращеніе вѣрныхъ сыновъ отъ ихъ отечества и подданныхъ отъ законныя власти и государя и т. д.?"

Мы возвратимся дальше къ этому обличенію розенкрейцерства и замѣтимъ пока, что оно замѣчательно совпадало съ тѣмъ мнѣніемъ объ этомъ предметѣ, какое нѣсколько времени спустя обнаружилось и въ правительствѣ.

Успѣхъ розенкрейцерства въ то время такъ смутилъ Елагина, что для противодѣйствія ему онъ и предпринялъ свои бесѣды.

Этотъ трудъ былъ для Елагина уже не первымъ случаемъ разъясненія масонской мудрости, потому что еще прежде онъ началъ писать толкованія на знаменитую книгу Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ". Книга эта, судя по словамъ Елагина, произвела сильное впечатлѣніе въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ и породила самые разнообразные отзывы: одни считали ее сумасбродною, другіе — вреднымъ іезуитскимъ ухищреніемъ, третьи — исчадіемъ иллюминатства. Елагинъ видѣлъ въ этихъ нападкахъ на книгу „сущее невѣжество" и презрительно говоритъ о ху-

лителяхъ, обращавшихъ „самую важнѣйшую премудрость въ глумленіе и шутку“. Между прочимъ, она заинтересовала графа Н. И. Панина, который, однако, не понималъ „сокровеннаго смысла“ этой книги и спрашивалъ о ней мнѣнія Елагина. Этотъ послѣдній сказалъ ему, что книга „мыслящему явно открываетъ истинныя познанія какъ въ любомудріи, такъ и въ богомудріи“, и что, словомъ, она символически излагаетъ настоящее ученіе масонства. Онъ принялся объяснять Панину сокровенную мудрость, но тотъ опять не удовлетворился „словесными объясненіями, которыя къ отверстію (sic) глубокомыслія творцова (т. е. автора, Сенъ-Мартена) недостаточными ему казались“, и тогда Елагинъ принялся писать примѣчанія къ труднѣйшимъ мѣстамъ и написалъ ихъ такъ много, что они могли составить цѣлую книгу. Но Панинъ тѣмъ временемъ умеръ и Елагинъ не успѣлъ сообщить ему своей мудрости... Она и должна была теперь войти въ его записки, которыя онъ началъ составлять по требованію „братьевъ“.

Извѣстные до сихъ поръ отрывки сочиненія Елагина представляютъ только введеніе, предварительный разсказъ Елагина о его собственныхъ масонскихъ исканіяхъ и заключеніе первой части. Но и въ этихъ отрывкахъ, а также и въ другихъ бумагахъ Елагина, мы найдемъ достаточно указаній о томъ, какъ Елагинъ понималъ содержаніе масонскаго ученія и въ какія страны направлялись его мысли. Мы упоминали выше, какъ прошелъ первый періодъ его легкомысленнаго отношенія къ масонству, періодъ сомнѣній и вольнодумства. Когда затѣмъ онъ сталъ бесѣдовать съ людьми „состарѣвшимися въ масонствѣ“ и съ чужестранными братьями, онъ мало-по-малу пріобрѣлъ высокое мнѣніе о масонскомъ таинствѣ, и, наконецъ, былъ уже недалекъ отъ настоящаго розенкрейцерскаго мистицизма. Прежде всего Елагинъ указываетъ на знакомство съ какимъ-то англичаниномъ, о которомъ говоритъ съ великими похвалами. Это былъ путешественникъ, недолго бывшій въ Россіи; Елагинъ узналъ отъ него, что масонство есть таинственная наука, которая рѣдко кому открывается; что Англія не сообщаетъ о ней письменно ничего, что тайна эта хранится въ Лондонѣ, въ особенной ложѣ, „древнею называемой“, что очень немногіе братья знаютъ эту ложу и что быть посвящену въ ея таинства чрезвычайно трудно. Не знаемъ, такъ ли дѣйствительно говорилъ англичанинъ, но Елагинъ утвердился въ этомъ понятіи; по крайней мѣрѣ, онъ не одинъ разъ упоминаетъ о „таинствахъ“ англійской ложи; вѣря въ англійскую систему, онъ не увлекся и высшими степенями. Древняя ложа, о которой говорилъ ему пріѣзжій англичанинъ, была, вѣроятно, „Lodge of Antiquity“, одна изъ четырехъ старыхъ ложъ, соединеніе которыхъ въ 1717 г. составило Лондонскую Великую Ложу и послужило началомъ масонства. Эта ложа считалась дѣйствительно самой старой и начало ея относимо было къ незапамятнымъ временамъ, откуда и ея названіе. Около этого времени мастеромъ стула былъ въ ней упомянутый выше Престонъ (1742—1818), одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ англійскихъ писателей о масонствѣ, который въ свое время пользовался большой славой. Его книга „Illustrations of Free-Masonry“ (1772 г. и много друг. изд.) считается однимъ изъ главнѣйшихъ произведеній масонской литературы и лучшихъ кодексовъ англійской системы [1]). Между тѣмъ Елагинъ познакомился съ другимъ братомъ, имени котораго также не называетъ и который былъ посвященъ въ „истинные масоны“. Этотъ братъ также утверждалъ, что масонство есть „древнѣйшая таинственная наука, святою премудростію называемая“, что она существуетъ отъ начала вѣковъ, закрытая иносказаніями и символами, что она никогда не придетъ въ забвеніе и не подвергнется измѣненію; что это та самая премудрость, которая хранилась у патріарховъ, потомъ хранилась въ храмахъ „халдейскихъ, египетскихъ, въ училищахъ Соломоновыхъ, Ессейскомъ [2]), Синайскомъ, Іоанновомъ“, потомъ „новою благодатію въ откровеніи Спасителя преподавалась“, наконецъ, что эта самая премудрость пребывала „въ ложахъ или училищахъ Ѳалѣевомъ (т. е. Ѳалесовомъ), Пиѳагоровомъ, Платоновомъ и у любомудрцевъ индѣйскихъ, китайскихъ, арабскихъ, друидскихъ“ и т. д. Вся эта масонская миѳологія была уже сильно распространена въ то время и переполняла масонскія разсужденія о древности ордена и глубинѣ его мудрости, особенно въ системахъ съ высшими

[1]) О „Древней ложѣ“ и Престонѣ см. Handb. I, 36; II, 607—616.

[2]) Въ Р. Архивѣ напечатано „Елейскомъ“.

степенями. Историческое изложеніе въ „Конституціяхъ“ Андерсона уже тронуло эту тему о древности масонскаго братства, но еще не безъ искренней простоты средневѣковой легенды. Впослѣдствіи эта тема развивается при помощи мнимой исторіи, въ легенду вставлены были ученыя ссылки, археологическія толкованія, еврейская и классическая эрудиція, безъ всякой критики, чего, впрочемъ, и не замѣчали братья, обыкновенно въ наукахъ весьма неглубокіе. Преимущественно отличались въ этомъ нѣмцы и французы, но англійская литература также представляетъ подобныя воображаемыя исторіи масонства, какова, напр., книга Гучинсона, переводъ которой, между прочимъ, появился въ числѣ тайныхъ изданій Новиковскаго кружка и которая, какъ увидимъ, занимала также и Елагина.

Елагинъ, услышавъ эту генеалогію масонской мудрости отъ „истиннаго масона“, былъ совершенно пораженъ „толь избыточественнымъ содержаніемъ таинствъ“, и убѣдился въ своемъ полномъ невѣжествѣ и безплодной потерѣ времени въ ложахъ, — онъ не зналъ до тѣхъ поръ ничего подобнаго... Онъ принялся за дѣло. „Братъ“ руководилъ его своими толкованіями и назначилъ ему на изученіе мудрости *пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ ревностно читалъ* Писаніе и отцовъ церкви, изучалъ древнихъ мудрецовъ: „Пиѳагоръ, Анаксагоръ, Сократъ, Эпиктетъ, Платонъ, Ермій Трисмегистъ и самъ Орфей, Гомеръ и Зороастръ, съ помощію Геродота, Діодора Сикилійскаго, Плутарха, Цицерона, Плинія и многихъ симъ подобныхъ вліяли въ душу мою новыя и спасительныя размышленія“. Пусть, впрочемъ, не подумаетъ читатель, чтобы Елагинъ дѣйствительно углублялся въ настоящую классическую древность; черезъ нѣсколько строкъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что не могъ читать этихъ произведеній въ подлинникѣ [1]), и говоритъ, что, вѣроятно, все-таки не достигъ бы „воззрѣнія на отдаленное храма премудрости зданіе“, если бы „всевышній Архитектъ“ не даровалъ ему просвѣщеннѣйшаго учителя и совершеннаго друга въ нѣкоемъ Станиславѣ Эли.

[1]) Ср. восхваленіе классической учености Елагина—въ пику нашему времени—въ „Біографическомъ свѣдѣніи объ И. П. Елагинѣ“. Журн. Землевлад., т. VI (1859, № 21), стр. 6.

Елагинъ отзывается объ этомъ Эли самымъ восторженнымъ образомъ. По словамъ его, это былъ человѣкъ, совершенный въ наукѣ масонской и врачебной наукѣ, „въ знаніи языка еврейскаго и кабалы превосходный, въ ѳеозофіи, въ физикѣ и химіи глубокій“; наконецъ, по свидѣтельству Елагина, это былъ авторъ книжки „Братское увѣщаніе“. Повидимому, онъ долго былъ руководителемъ Елагина, который говоритъ, что онъ преподалъ ему многое „или паче сказать и нынѣ (1786 г.) продолжаетъ преподавать“ все, что нужно „къ разумѣнію таинственнаго смысла и рѣченій инозначущихъ“. Имя доктора Эли названо въ показаніяхъ Новикова въ числѣ членовъ Елагинскихъ ложъ, но, по всѣмъ видимостямъ, онъ былъ розенкрейцеръ [1]). Книжка его, о которой намъ уже случалось упоминать, представляетъ весьма характерный образчикъ розенкрейцерскаго, *мнимо-глубокаго*, теологическаго и алхимическаго вздора [2]).

Клоссъ въ своей библіографіи отнесъ ее прямо въ разрядъ розенкрейцерскихъ сочиненій (имени автора Клоссъ не зналъ). Что характеръ наставленій этого „совершеннаго друга“ былъ именно таковъ, можно судить уже и по тому, что Елагинъ говоритъ о немъ. Вслѣдствіе наставленій Эли передъ *нимъ нѣсколько открылся тотъ свѣтъ, „который при* начальномъ въ орденъ нашъ вступленіи освобожденнымъ отъ перевязки глазамъ нашимъ показуется“, —говоритъ онъ, намекая на завязываніе глазъ вступающему масону. Елагинъ утверждаетъ, что онъ преодолѣлъ тьму гіероглифовъ и символовъ, проникъ ихъ смыслъ и „проразумѣлъ преданія египетскія, писанія творцевъ, Des erreurs et de la verité,

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. II, стр. 146.

[2]) „Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братіямъ свбднм. кмнщкм. Писаны братомъ Седдагомъ“. М. 1784. Переведена была съ нѣмецкаго майоромъ Оболдуевымъ. Подлинникъ называется Brüderliche Vermahnungen an einige Brüder Freimaurer, von dem Bruder Seddag. Philadelphia, 1781; занесена въ Missiv an die Brüderschaft des G. u K. Kreuzes, Leipz. 1783, стр. 112,—По указанію Клосса, книга издана въ Лейпцигѣ (Leipzig, Böhme), но въ другомъ указаніи мѣстомъ изданія этой книги означенъ именно Петербургъ (см. [Wolfstieg № 42508], Kloss, Bibliogr. № 2649 и Neues Taschenbuch für Freymaurer auf d. J. 1801, Rostock., bei Stiller (стр. 86). Книга есть въ Публ. Б-кѣ. Въ концѣ ея (стр. 108): geschrieben in meiner Studirstube den 9 ten des 3 ten Monats 1781—von mir, einem wahren Bruder, wohnhaft in Fleischburg (т. е. Петербургъ).

Tableaux naturels Веллинга (Welling von Saltz), Роберта Флуктиба (Schutzschrift für Rosenkreutzer - Gesellschaft), Эліасъ артиста (Elias, Buch der Welt) въ его истинѣ и заблужденіяхъ и прочихъ, таинственными называемыхъ". „Симъ способомъ", замѣчаетъ Елагинъ, объяснились для него притчи св. Писанія, „открылось несумнѣнное слова или первенца сына Божія воплощеніе", его пришествіе въ міръ, страданіе и смерть, „его живоноснаго креста таинство" и проч. „Труба Іоанна Евангелиста, гласъ вопіющаго въ пустынѣ Іоанна и вѣщанія апостоловъ, благовѣствующихъ миръ и новую благодать человѣку", наполнили его душу вѣрою и святымъ почитаніемъ. „Словомъ, посредствомъ объявленныхъ (т. е. указанныхъ выше) пособій и чрезъ нихъ откровеннымъ свѣтомъ, который и во тмѣ, какъ говоритъ Богословъ, свѣтится, постигъ я нѣсколько царственную науку [1]) нашу", она царственна потому, говоритъ Елагинъ, что она есть премудрость, которая „глаголетъ царственное" по Соломону.

Такъ довершились исканія нашего провинціальнаго великаго мастера. Елагинъ сознается, что только „нѣсколько постигъ", потому что всю эту науку едва ли возможно постигнуть кому-нибудь изъ смертныхъ, и убѣждаетъ братьевъ, что если свѣтъ еще имѣетъ для нихъ приманки, если желаютъ они получить почести и власть въ орденѣ, то пусть они лучше не пускаются въ тернистый путь этой многотрудной науки, потому что вмѣсто веселья потребуется здѣсь неусыпное прилежаніе и бдѣніе, вмѣсто „пріятныхъ Волтеровыхъ сочиненій" займетъ время темная глава изъ Исаіи пророка, а вмѣсто почестей и власти „часто кротость, униженіе, повиновеніе и смиреніе встрѣчаются".

Очевидно, что Елагинъ приходитъ къ тому же мистическому піэтизму нашихъ розенкрейцеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состояли „пособія" Елагина, на основаніи которыхъ онъ проразумѣлъ таинственную премудрость? Они приводятъ насъ именно къ тѣмъ же источникамъ, изъ которыхъ питались московскіе розенкрейцеры; въ книгахъ, перечитанныхъ Елагинымъ, мы узнаемъ произведенія, наполнявшія ту

[1]) То, что старые масоны называли royal craft, „королевское ремесло", выражая этимъ покровительство англійскихъ королей своему цеху.

огромную мистическую литературу, печатную и рукописную, явную и тайную, которая произведена была въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго, въ особенности трудами Новиковской школы, подъ вліяніемъ розенкрейцерскихъ тенденцій. Наставникъ Елагина, „въ кабалѣ превосходный и въ ѳеозофіи глубокій", указывалъ ему тѣ самыя книги, которыя въ то же время переводились и печатались въ Москвѣ, въ видахъ розенкрейцерской системы, какъ переведено было и собственное произведеніе этого наставника, „Братскія увѣщанія". Та пестрая смѣсь старой и новой мистики, алхиміи, магіи и т. п., которая переполняетъ розенкрейцерскую литературу, повторяется и въ „пособіяхъ" Елагина. Книга Сенъ-Мартена, которой онъ придавалъ такое значеніе, была самой лучшей школой мистическаго суевѣрія и въ этомъ смыслѣ совершенно сходна съ розенкрейцеровскими книгами. „Робертъ Флуктибъ" есть Флоддъ (Fludd, въ латинской формѣ de Fluctibus, 1574—1637), ревностный проповѣдникъ стараго розенкрейцерства, выросшаго, какъ мы упоминали прежде, въ началѣ XVII-го столѣтія изъ фантастической выдумки или сатиры Валентина Андреэ. Флоддъ написалъ цѣлую массу мистико-теософскихъ и алхимическихъ сочиненій, которыя пользовались большой репутаціей между англійскими и нѣмецкими піэтистами и алхимиками XVII-го вѣка, и снова были пущены въ ходъ новыми розенкрейцерами второй половины XVIII-го. Флоддъ былъ увѣренъ въ дѣйствительномъ существованіи розенкрейцерскаго общества, выдуманнаго Андреэ, и въ защиту своего мнѣнія написалъ названную Елагинымъ апологію. Когда основалось новое розенкрейцерство, эта апологія была переведена съ латинскаго на нѣмецкій однимъ ревностнымъ розенкрейцеромъ, и издана въ 1782 году [1]). Вѣроятно, около тѣхъ же временъ, когда Елагинъ изучалъ Флодда подъ руководствомъ Эли, появилась на русскомъ языкѣ его „Исторія микрокосма", розенкрейцерскій трак-

[1]) Robert de Fluctibus, Schutzschrift für die Aechtheit der Rosenkreutzer. Gesellschaft ei. d. Latein. mit Anm. von Adamah Booz (A. M. Birkholz). Leipz. Böhme, 1782. (См. Missiv an die Brüderschaft etc. des G. und R. Kreuzes. Leipz. 1783, стр. 52; Kloss, № 2483 [Wolfstieg № 42515].

татъ, который, въ огромномъ фоліантѣ, находится въ числѣ рукописей Публичной Библіотеки. На русскомъ языкѣ существовали также и „маго-кабалистическія и теозофическія сочиненія“ Георга Веллинга [1]). Такое руководительство не могло миновать своей цѣли, и Елагинъ также углубляется въ туманный піэтизмъ и въ толкованія мистическихъ буквъ и символовъ, что онъ считалъ глубокимъ богомудріемъ. „Таинство креста“, можетъ быть, также не даромъ отмѣчено имъ въ числѣ вещей, которыя открылись его разумѣнію; это таинство разъяснялось въ особенной розенкрейцерской книжкѣ, имѣвшей у насъ нѣсколько переводовъ.

Въ бумагахъ Елагина остались слѣды этихъ мистическихъ изученій. Такъ, сохранились здѣсь черновыя работы Елагина о книгѣ Сенъ-Мартена, напр., „Объясненіе таинственнаго смысла въ божественномъ писаніи о сотвореніи Селенныя, служащее ключемъ къ разобранію книги Истинны и Заблужденій“ и т. п.; нѣсколько тетрадей съ мистическими толкованіями еврейскихъ словъ съ египетской азбукой; собраніе мистическихъ и кабалистическихъ чертежей, выкладокъ и рисунковъ; различныя мистическія книги и рукописи; наконецъ, ритуалы различныхъ высшихъ степеней, напр., французской chevalier de l'Aigle, K. D. S. (вѣроятно, Kadosch), англійскій Royal Arch, что Елагинъ неправильно перевелъ „Царскія Архитектуры“; подложный масонскій катихизисъ Генриха VI англійскаго, будто бы изданный Локкомъ и пр. Если эти послѣднія собственно масонскія вещи служили Елагину только предметомъ любопытства, для расширенія его масонской опытности, то нѣтъ сомнѣнія, что другія рукописи и книги, мистическія и кабалистическія, служили для его собственнаго поученія въ таинственной наукѣ. Рядъ сочиненій, которыя мы здѣсь встрѣчаемъ, достаточно опредѣляетъ направленіе его занятій.

Въ тетрадяхъ Елагина мы находимъ выписки изъ Марсилія Фицина, изъ Евгенія Филалеѳа (Eug. Philaletha, или

[1]) Первая часть сочиненія Веллинга трактуетъ „о соли“, откуда, вѣроятно, и вышло замѣчаніе, поставленное Елагинымъ при его имени.

Thom. Vaughan, англійскій мистикъ XVII-го вѣка) [1]); нѣмецкую рукопись, заключающую мистическое сичиненіе съ именемъ Гермеса Трисмегиста и русскій переводъ этого сочиненія: „Гермеса Трисмегиста познаніе естества и въ немъ откровеннаго великаго Бога“ и пр. [2]). Далѣе встрѣчаются здѣсь Occulta occultissima, das ist gröstes und hoechstes Geheimniss aller Geheimnisse и проч., и также Cabala mystica Naturae, worinnen die principia derer Characterum eröffnet und angewiesen werden и проч., оба сочиненія Германа Фиктульда, плодовитаго алхимиста и „герметическаго“ писателя, сочиненія котораго встрѣчаются и въ русскихъ переводахъ, въ масонскихъ рукописяхъ съ прошлаго вѣка; „Theosophisch-mago-cabalistisches A. B. C.“, сочиненіе, помѣченное 1787 годомъ и какъ будто писанное въ Петербургѣ.

Одна изъ рукописей Фиктульда помѣчена, какъ принадлежавшая Рейхелю, у котораго Елагинъ, повидимому, также заимствовался познаніями въ „таинственной наукѣ“. Въ тѣхъ же бумагахъ находится, между прочимъ, и письмо Рейхеля къ Елагину отъ 1 іюня 1786 г., на нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ помѣщенъ разборъ книги: Microcosmische Vorspiele des neuen Himmels und der neuen Erde,—Рейхель хвалитъ автора этой книги и говоритъ, что онъ былъ „истинный другъ человѣка“ [3]).

Изъ вещей собственно масонскихъ замѣтимъ еще печатное изданіе: Geheime Figuren der Rosenkreuzer, aus dem 16-ten und 17-ten Jahrhundert etc., которыя были подъ-стать алхимической литературѣ, и книгу Гучинсона, о которой мы имѣли случай упоминать. Эта книга находится среди бумагъ Елагина въ рукописномъ переводѣ: „Духъ масонскій въ нравственныхъ и объяснительныхъ поученіяхъ, сочиненіе Вильліама Гутшисона, изданное въ 1775 году въ Лондонѣ“; [переводъ отличается отъ того], который былъ изданъ новиковскимъ кружкомъ.

[1]) См. Bibliothèque Ouvaroff, № 1155 и слѣд., Kloss, № 2435, [Wolfstieg № 42237].

[2]) То же сочиненіе, которое, въ изданіи 1706 г., находится въ Bibl. Ouvaroff № 643—644.

[3]) См. объ этой книгѣ Bibl. Ouvaroff, № 1517. Упомянутый Фиктульдъ также очень цѣнилъ это мистико-алхимическое произведеніе.

Основныя понятія масонства англійской системы, конечно, должны были совершенно затеряться среди такихъ занятій алхимической мудростью и еврейской кабалистикой: Елагинъ бродилъ здѣсь какъ въ лѣсу, и всѣ масонскія понятія превратились у него въ почти имъ непонимаемый мистицизмъ и въ проповѣдь смиренія и повиновенія, ту же проповѣдь, которая въ другихъ казалась самому Елагину „суевѣрнымъ пустосвятствомъ“... Судьба подшутила надъ Елагинымъ тѣмъ, что въ то самое время, когда онъ обвинялъ „суевѣрное пустосвятство“ Новиковскаго кружка, побудившее духовную и свѣтскую власть къ „истребленію собраній“ и навлекшее „мрачную дворскаго негодованія тучу“,—въ число шести розенкрейцерскихъ книгъ, запрещенныхъ при разборѣ 1786 г., попали и „Братскія увѣщанія“ его руководителя и друга Станислава Эли.

Такимъ образомъ, „Елагинская система“ сводилась къ тому же знаменателю, и это явленіе характеристично для исторіи образованія за то время. Мы говорили уже, что масонство было одною изъ первыхъ попытокъ самостоятельной дѣятельности общества, и въ этомъ смыслѣ оно должно было неизбѣжно отразить въ себѣ общее положеніе вещей. Силы русскаго общества были еще очень невелики, положительное образованіе крайне слабо, такъ что эти люди, задавши себѣ серьезные вопросы религіи, нравственности и общественныхъ обязанностей, стали легкою добычею мистическаго піэтизма и фантазерства, которые вообще всего легче овладѣваютъ мало вооруженными умами. Многіе изъ людей, ставшихъ потомъ ревностными масонами, передъ тѣмъ бывали крайними вольнодумцами, какъ самъ Елагинъ, какъ Лопухинъ; но они отказывались отъ вольнодумства, кажется, очень легко, потому что и вольнодумство ихъ не имѣло никакихъ корней, не опиралось на собственной, логически обдуманной мысли. Они бывали одинаково слабосильны и въ томъ и въ другомъ направленіи. Но въ мистицизмѣ они больше находили себя въ своей сферѣ, потому что мистицизмъ именно и гонитъ всякую разсудительную мысль и они успокаивались въ немъ окончательно. Для русскихъ „братьевъ“ это успокоеніе облегчалось тѣмъ, что примѣръ этого подавало имъ множество чужеземныхъ „братьевъ“, все-таки сохранившихъ въ ихъ глазахъ нѣкоторый

особый авторитетъ, несмотря на всю привязанность многихъ изъ нихъ къ національно-русскому, какъ это было у Новикова. Скептическое сомнѣніе и критика на нихъ не дѣйствовали, не потому, чтобы скептицизмъ XVIII-го вѣка (мы говоримъ объ истинныхъ представителяхъ его) былъ несостоятеленъ, а потому, что онъ былъ имъ не по силамъ. Въ самомъ дѣлѣ, несостоятельность, которую мы видимъ въ этомъ скептицизмѣ теперь,—видимъ благодаря тому, что современная наука ушла дальше его положеній,—въ то время далеко не была очевидна, а люди нашего общества въ особенности не были въ силахъ опровергнуть его логическимъ образомъ. Они просто уходили, отвертывались отъ него, какъ ученикъ отъ трудной задачи, или, наконецъ, воображали, что противъ французской философіи можно было бороться кабалистикой и нѣмецкимъ розенкрейцерствомъ...

Послѣдующее поколѣніе масоновъ, воспитавшееся на взглядахъ Елагина или Новикова, осталось почти на томъ же самомъ пунктѣ развитія; такъ, напр., было у Лабзина, Невзорова и другихъ людей этого стиля. Другіе воспитанники Новиковской школы пошли дальше и уже скоро освободились отъ нелѣпыхъ крайностей своихъ предшественниковъ, какъ, напр., Карамзинъ и другіе. Но любопытно, что и въ этомъ поколѣніи еще осталась извѣстная неопредѣленность теоретическихъ понятій, наклонность къ туману, и если не было піэтизма, то явилась сантиментальность,—черта, въ значительной мѣрѣ наслѣдованная отъ предыдущаго періода.

ГЛАВА VII.

Русская Національная Ложа шведской системы.—Столкновеніе съ Елагинскими ложами.

Въ 1776 году состоялось, какъ мы видѣли, соединеніе Елагинскихъ ложъ съ Рейхелевскими; но едва былъ устраненъ одинъ расколъ, какъ открылся новый. Съ 1777 года начинаются переговоры между одной частью русскихъ масоновъ и Шведской Великой Ложей; цѣлью этихъ переговоровъ было введеніе шведской системы и основаніе

новой Великой Ложи, на этотъ разъ въ зависимости отъ Швеціи.

Прежде, чѣмъ перейти къ этой исторіи, мы остановимся еще на Елагинскихъ ложахъ, чтобы досказать исторію распространенія Елагинской системы.

Это была вообще едва ли не самая распространенная въ русскихъ ложахъ система. Мы привели выше рядъ ложъ, къ ней принадлежавшихъ; но кромѣ того было много другихъ ложъ, основанныхъ въ семидесятыхъ годахъ и позднѣе и державшихся Елагинской системы въ то смутное время, когда русское масонство было въ полномъ броженіи и дѣлилось между Елагинской системой, шведской системой, тампліерствомъ и розенкрейцерствомъ.

Такъ, въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія упоминаются слѣдующія ложи, основанныя вновь по системѣ Елагина, или къ ней присоединившіяся:

Л. Аполлона, въ Ригѣ.
Л. Изиды, въ Ревелѣ.
Л. Zur Wohethätigkeit, въ Петербургѣ.
Л. Трехъ Мечей, въ Москвѣ.
Л. Аписа, въ Москвѣ.
Л. Трехъ христіанскихъ добродѣтелей, въ Москвѣ.

Отъ Елагина получилъ разрѣшеніе на основаніе ложи въ Могилевѣ и извѣстный Шварцъ, впослѣдствіи первый начинатель нашего розенкрейцерства [1]).

Въ 1780-хъ годахъ:
Ложа Астреи, въ Ригѣ.
Л. Konstantin zum gekrönten Adeer, въ Ригѣ.
Л. Надежды Невинности, въ Ревелѣ.
Л. Сѣверной Звѣзды, въ Архангельскѣ.

Въ 1790-хъ годахъ:
Л. Малаго Свѣта, въ Ригѣ.
Ложа въ Шкловѣ и другія [2]).

Но нераздѣльное господство Елагинской системы было непродолжительно, и шведская система явилась ей сильнымъ

[1]) Зап. Елагина, у Пекарскаго, стр. 102, прим.

[2]) См. подробности объ этихъ ложахъ, въ прил. IV. Называютъ еще въ Елагинскомъ союзѣ ложи Castor и Zum Schwert въ Ревелѣ и Pollux въ Дерптѣ.

противникомъ. Какъ шло дѣло введенія у насъ этой системы, до сихъ поръ не вполнѣ ясно, и мы можемъ пока только указывать хронологическую связь фактовъ.

Вскорѣ послѣ соединенія Елагинскихъ ложъ съ Рейхелевскими, произошли въ нашемъ масонствѣ разныя несогласія, такъ что Великая Ложа не могла оказывать большихъ успѣховъ. Есть извѣстія, что Рейхель отстранился, какъ отъ Розенберга, такъ вообще и отъ ложъ, такъ какъ, по его мнѣнію, въ соединенныхъ ложахъ оказывались различныя несправедливости. Князь Трубецкой, который былъ прежде съ нимъ въ связи и желаніямъ котораго не удовлетворяло верховное управленіе Елагина, переѣхалъ въ Москву и перенесъ туда основанную имъ ложу Озириса, а также ложи Изиды и Латоны. Эти пересаженныя въ Москву ложи привлекли вниманіе высшаго дворянства, напр., людей, какъ князья Щербатовъ, Долгорукій, Гагаринъ, Голицынъ, Волконскій, графъ Салтыковъ и др. Георгъ Розенбергъ, поссорившись съ Рейхелемъ, поссорился и съ Елагинымъ, такъ что онъ съ своей ложей Аполлона не присоединился къ провинціальной ложѣ, но продолжалъ работать самъ по себѣ, до тѣхъ поръ, пока ему представился случай примкнуть къ другой русской великой ложѣ, которая уже готовилась въ то время [1]).

Разсказываютъ, что дѣло началось еще въ 1776 году, когда князь А. Б. Куракинъ отправился 30 сентября, въ Стокгольмъ для оффиціальнаго извѣщенія шведскаго короля о вступленіи в. князя въ бракъ съ вюртембергской принцессой Софіей-Доротеей (Маріей Ѳедоровной); что старшая ложа соединенныхъ, т. е. Елагинско-Рейхелевскихъ ложъ, воспользовалась этой поѣздкой кн. Куракина и дала ему рекомендательное письмо къ главной Стокгольмской Ложѣ, прося ее „князя Куракина во всѣ градусы масонскіе принять“ и съ нимъ прислать ихъ. Затѣмъ, по словамъ Новикова, по возвращеніи князя Куракина оказалось, что онъ и кн. Гагаринъ приняты во всѣ градусы, и отъ шведской ложи даны „акты и дипломъ на всѣ россійскія ложи“,

[1]) Handb. III, 108.

начальникомъ которыхъ и сдѣланъ былъ кн. Куракинъ, передавшій это начальство кн. Гагарину [1]).

По разсказу Бёбера въ его запискѣ о русскомъ масонствѣ, въ этомъ дѣлѣ опять игралъ какую-то роль Георгъ Розенбергъ. Въ его ложу Аполлона, оставшуюся тогда въ сторонѣ отъ соединенныхъ ложъ Елагина и Рейхеля, вступилъ баронъ Пфейфъ, большой авантюристъ, и Розенбергъ завязалъ черезъ него переписку съ его братомъ, игравшимъ значительную роль въ шведскомъ капитулѣ, и получилъ отъ него увѣреніе, что въ Швеціи были бы очень рады оказать русскимъ братьямъ содѣйствіе къ полученію большихъ познаній. По словамъ Бёбера, это и послужило поводомъ къ тому, что Куракинъ, посланный въ Стокгольмъ въ 1777 году (1776?), дѣйствовалъ тамъ въ интересахъ русскаго масонства [2]) и при своемъ возвращеніи привезъ съ собой конституціи для старошотландскихъ, шотландскихъ и національной ложъ, со многими такъ называемыми „клейнодами“, или символическими масонскими украшеніями [3]).

Говорятъ далѣе, что для исполненія плана присоединенія русскихъ ложъ къ шведской системѣ, воспользовались и пребываніемъ въ Петербургѣ шведскаго короля Густава III. Въ честь его, 26 и 27 іюня 1777 г., происходили блестящія собранія въ Розенберговой ложѣ Аполлона: по словамъ Рейнбека, это были почти публичныя празднества, на которыхъ присутствовалъ король со многими лицами своей свиты [4]).

Въ Елагинскихъ бумагахъ Государственнаго Архива сохранилось нѣсколько писемъ, относящихся къ этому дѣлу.

[1]) Лонг., стр. 105, 075 и слѣд.

[2]) „Für uns negoziirte“, говоритъ Бёберъ.

[3]) Handb. III, 613. Прибавляютъ, что при Куракинѣ находился, въ качествѣ секретаря посольства, Вильгельмъ Розенбергъ, братъ Георга, и что герцогъ Карлъ Зюдерманландскій открылъ В. Розенбергу виды на основаніе великой Провинціальной ложи въ Россіи, и капитула съ высшими степенями, если достаточное число русскихъ ложъ согласно будетъ стать подъ верховное управленіе Швеціи (Handb. III, 108).

[4]) Handb. III, 109. G. Reinbeck, Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg über Moskwa etc. nach Deutschland, im Jahre 1805. Leipz. 1806, II, стр. 176.

Это, во-первыхъ, французскія письма къ кн. Куракину отъ Кауница-Ритберга, отъ 2 іюня, 23 августа и 5 сентября 1777 г.; во-вторыхъ, черновое французское письмо Елагина къ не названному „депутату шведской великой ложи“, которымъ, вѣроятно, былъ тотъ же Ритбергъ [1]). Въ первомъ изъ писемъ Ритбергъ обѣщалъ доставить Куракину бумаги, которыя должны прибыть вмѣстѣ съ королемъ, т. е. Густавомъ III, котораго тогда ждали въ Петербургѣ. При второмъ онъ сообщалъ Куракину письмо отъ герцога Зюдерманландскаго (полученное имъ отъ князя Бѣлосельскаго) и проситъ Куракина показать это письмо сенатору Елагину, князю Гагарину и сообщить его содержаніе генералу Мелиссино и „двумъ его надзирателямъ“ (т. е. надзирателямъ его ложи); Куракинъ долженъ былъ увидѣть изъ письма герцога причины, которыя его замедлили и которыя останавливаютъ „завершеніе дѣла“, и письмо должно было дать Куракину оправданіе (décharge) относительно лицъ, настаивающихъ, вѣроятно, на этомъ завершеніи дѣла. Изъ третьяго письма можно, кажется, заключить, что „дѣло“ состояло въ основаніи капитула (для высшихъ степеней шведскаго масонства), что Куракинъ, со своей стороны, сдѣлалъ все, что нужно было для этого, но что основаніе замедлилось на нѣсколько времени только вслѣдствіе повелѣнія высшей масонской власти (т. е. герцога), которое распространяется на всѣ вообще капитулы. Затѣмъ относительно русскихъ масоновъ вообще, которые не знаютъ и не должны знать о капитулѣ, Ритбергъ пишетъ, что отъ самого Куракина будетъ зависѣть поставить ихъ на настоящую дорогу: отъ него зависитъ дать имъ, чрезъ признаннаго ими гросмейстера, шведскіе акты (которые Куракинъ могъ получить отъ Розенберга) и законныя конституціи, и ввести ихъ въ сношенія съ Стокгольмской ложей, и они могутъ быть увѣрены, что получатъ все, относящееся къ ихъ степенямъ, совершенно такъ же, какъ въ Швеціи. Если они не захотятъ работать по этимъ шведскимъ актамъ, то это будетъ ихъ вина, а не вина кн. Куракина и не шведской великой ложи. Затѣмъ Ритбергъ завершалъ свое поруче-

[1]) См. „Осмнадцатый Вѣкъ“, Бартенева, Т. II, стр. 370—373 и полнѣе въ Дополн., Пекарскаго, стр. 59—63.

ніе, и говорилъ, что не имѣетъ больше дѣла до масонства, не имѣетъ больше ничего сообщить, а что тѣ акты, какіе у него были и какіе могутъ находиться только въ рукахъ капитула, кн. Куракинъ получитъ тотчасъ, какъ только капитулъ будетъ установленъ.

Письмо Елагина, адресованное къ депутату шведской великой ложи, повидимому, разсчитывало на дипломатическую тонкость. Онъ отвѣчаетъ на письмо депутата и „съ полнѣйшею братскою нѣжностью“ принимаетъ участіе, выраженное этимъ депутатомъ къ „нашему соединенію“ [1]), и затѣмъ, высказавъ свою приверженность къ священнымъ таинствамъ, замѣчаетъ, что дѣлаетъ все, зависящее отъ него, „чтобы легкія узы нашего ордена соединяли д у ш и и с е р д ц а истинныхъ масоновъ въ наибольшихъ добродѣтеляхъ“. Это послѣднее, вѣроятно, должно было служить шведскому депутату отвѣтомъ на его предложенія о шведской системѣ. Далѣе Елагинъ обѣщаетъ внушить управляемымъ имъ братьямъ чувства признательности и дружбы къ шведской великой ложѣ, благодаритъ ее за довѣріе, оказанное къ его рекомендаціи, когда она „приняла достойнаго брата Куракина въ высшія степени и сдѣлала для него доступными самыя высшія знанія ордена. Но чтобы высказать свое мнѣніе относительно того, что ему по довѣренности сообщилъ кн. Куракинъ, Елагинъ желаетъ дождаться актовъ, ему обѣщанныхъ, чтобы вникнуть въ нихъ, „прежде удовольствованія васъ вполнѣ лучами блистающей авроры нашей божественной мудрости, я хочу сказать отъ первой степени до послѣдней“.

Изъ этихъ отрывочныхъ извѣстій мудрено, конечно, составить точное понятіе о ходѣ этого дѣла. Мысль о сношеніяхъ со Швеціей является, повидимому, изъ двухъ источниковъ, во-первыхъ, изъ интриги Розенберга и во-вторыхъ, изъ желанія масоновъ „соединенныхъ ложъ“ получить дальнѣйшія степени, по той дорогѣ, на которую уже выводило ихъ соединеніе съ Рейхелемъ, и гдѣ самъ

[1]) Такъ, мы думаемъ, надо прямо перевести слова: notre réunion, которыя П е к а р с к і й передаетъ „къ нашимъ собраніямъ“. Мнѣ кажется, что рѣчь идетъ именно о „соединеніи“ съ шведской ложей, почему Елагинъ дальше опять и говоритъ о соединеніи, какъ онъ его понимаетъ.

Рейхель уже не могъ вести ихъ далѣе. Изъ письма Елагина видно, что онъ самъ, какъ великій мастеръ, рекомендовалъ Куракина въ Швецію и, повидимому, самъ участвовалъ въ упомянутомъ желаніи. Елагину сообщены были и тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣлъ Куракинъ, и тѣ бумаги, которыя доставлялись черезъ Кауница-Ритберга. Но затѣмъ въ Елагинѣ явились какія-то сомнѣнія; быть можетъ, слишкомъ высказались властолюбивыя побужденія шведской великой ложи. Какъ бы то ни было, онъ не участвовалъ въ дальнѣйшемъ веденіи этого дѣла и не вступилъ въ союзъ со Швеціей.

Дѣло, повидимому, тянулось очень долго. Фактическое основаніе новой Провинціальной Ложи совершилось уже только въ 1779 году и послѣднія формальныя утвержденія получены были изъ Швеціи только въ 1780 г.

Подробности объ основаніи ложи также не вполнѣ еще ясны [1]).

Разсказываютъ, во-первыхъ, что кн. Куракинъ, воротившись въ 1777 году въ Петербургъ, сообщилъ высшія степени шведской системы кн. Гагарину, генералу П. Ив. Мелиссино, барону Унгернъ-Штернбергу и купцу Егеру (Jäger). Многія изъ ложъ, работавшихъ подъ управленіемъ Елагина, обратились, кажется, въ первое же время, къ шведской системѣ, какъ, напр., петербургскія ложи „Благотворительности“ (Zur Wohlthätigkeit) подъ начальствомъ Фрезе, „Феникса“ подъ начальствомъ Гагарина, „Св. Александра“ подъ начальствомъ Куракина и Шмелинга, ложа Zu den drei Streithammern, основанная Бёберомъ въ Ревелѣ. Послѣ этихъ приготовленій, 25 мая 1779 г., основана была провинціальная ложа русской имперіи подъ управленіемъ князя Гавріила Гагарина (впослѣдствіи оберъ-прокурора въ сенатѣ, въ Москвѣ), съ утвержденія герцога Карла Зюдерманландскаго, какъ гросмейстера шведскаго капитула, и съ согласія орденскихъ властей русской Великой Ложи. Эта новая провинціальная ложа русской имперіи называлась также русской національной ложей.

[1]) Изложеніе Л о н г и н о в а, стр. 105 и слѣд., не вполнѣ точно. Неясно, между прочимъ, почему онъ называетъ въ этомъ кн. Ивана Сер., а не Гавр. Петров. Гагарина.

Цѣль шведской великой ложи состояла, какъ говорятъ, въ томъ, чтобы удержать русскую великую ложу въ зависимости отъ Швеціи; въ этотъ планъ вошли въ особенности князь Куракинъ и Георгъ Розенбергъ. Новообразованная провинціальная ложа тотчасъ же открыла свою дѣятельность и начала съ того, что разослала по всѣмъ русскимъ ложамъ циркулярное предложеніе присоединиться къ ней. Съ этимъ приглашеніемъ соединялась угроза, что въ противномъ случаѣ ложи будутъ объявлены незаконными и подвергнутся опалѣ и отлученію. Циркуляръ исходилъ отъ великаго секретаря Бёбера [1]).

Такъ говорится въ однихъ показаніяхъ. По другимъ свѣдѣніямъ, основанію провинціальной ложи предшествовало учрежденіе шведскаго капитула. Въ одномъ позднѣйшемъ масонскомъ документѣ сказано, что кн. Куракинъ вывезъ изъ Швеціи акты и конституціи, и что первымъ учрежденіемъ по шведской системѣ въ Петербургѣ былъ Капитулъ Феникса, основанный еще въ 1778 году и находившійся въ полной зависимости отъ Швеціи [2]). Въ шведскомъ патентѣ, выданномъ въ 1780 г., о которомъ мы скажемъ сейчасъ, упоминается конвенція 10 апрѣля 1778 года (acte de convention), которая, повидимому, и была первымъ формальнымъ договоромъ о подчиненіи русскихъ ложъ Швеціи: вѣроятно, на основаніи той же конвенціи учрежденъ былъ и названный выше Капитулъ Феникса.

Затѣмъ, къ 1780 году относится шведскій патентъ на учрежденіе въ Петербургѣ директоріи. Этотъ патентъ, на французскомъ языкѣ, выданный Карломъ Зюдерманландскимъ, наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, въ качествѣ Великаго Провинціальнаго Мастера VII и IX-й провинцій (т. е. Швеціи и Россіи), подписанъ былъ 1780 г., въ 9 день 5-го мѣсяца, въ Стокгольмѣ, и подлинникъ его находится теперь въ собраніи масонскихъ документовъ Московскаго Музея [3]). Эта инструкція излагаетъ въ началѣ свои мотивы слѣдующимъ образомъ:

[1]) Handb. III, 109.

[2]) Инструкція Вибелю, 1818 (въ рук. Моск. Музея).

[3]) Рук. на иностр. языкахъ, № [374]: Instruction pour le Directoire établi à St.-Pétersbourg, donnée ú Stockholm le 9 mai 1780.

„Принимая во вниманіе похвальную и блестящую преданность и рвеніе, которыя обнаруживаютъ братья достопочтеннаго Капитула, основаннаго нами въ Петербургѣ, къ общему благу нашего св. ордена, съ первой минуты, когда мы разсудили за благо возжечь у нихъ свѣтъ, и имѣя въ виду мѣстность россійской имперіи, обширное пространство которой требуетъ, для сохраненія добраго порядка и точнаго исполненія нашихъ святыхъ законовъ, надзора болѣе внимательнаго и который могъ бы предупредить или быстро исправить злоупотребленія и безпорядки, какіе могли бы проникнуть какъ въ масонскія ложи, такъ и въ различные капитулы, могущіе впредь быть учрежденными въ этой имперіи: мы сочли нужнымъ, согласно тому, что было условлено въ ст. второй Договора (Acte de Convention) 10 апрѣля 1778 г., учредить въ Петербургѣ Директорію, которая бы не только наблюдала за сохраненіемъ законовъ, статутовъ и обрядовъ св. ордена, но также разрѣшала и судила всѣ раздоры, какіе могли бы возникнуть между братьями, какъ масонами, такъ и тампліерами, работающими надъ распространеніемъ и поддержаніемъ свѣта, и которые, по этой причинѣ, не должны доходить до свѣдѣнія профанныхъ судей, не принадлежа къ ихъ вѣдѣнію (ressort).

„Съ этой цѣлью мы хотѣли дать достопочтеннымъ братьямъ, имѣющимъ составить вышепомянутую Директорію, слѣдующую инструкцію, которая, будучи основана на древнихъ законахъ и обычаяхъ, во всѣ времена принятыхъ и учрежденныхъ въ нашемъ св. орденѣ, послужитъ имъ руководствомъ, по которому они на будущее время будутъ завѣдывать и спеціально управлять всѣми дѣлами, какія будутъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ св. ордену Х. Іер. (Храма Іерусалимскаго) на всемъ пространствѣ имперіи всея Россіи“.

Въ 1-й статьѣ сказано, что, такъ какъ Капитулъ петербургскій извѣстенъ братьямъ только подъ именемъ Великой Національной Ложи, то Директорія, которой будетъ принадлежать управленіе этой ложей, будетъ носить имя Совѣта Великой Національной Ложи.

По ст. 2-й, господство шведской Великой Ложи ограждается слѣдующимъ условіемъ: „Такъ какъ Директорія Россіи зависитъ единственно отъ Великаго Провинціаль-

наго Мастера IX Провинціи (или Россіи, т. е. отъ герцога Зюдерманландскаго), то она обязывается къ точному соблюденію всѣхъ статей Договора 1778 года; „и никогда не дѣлать по собственной волѣ (de son propre chef) никакихъ новыхъ учрежденій, мѣръ или перемѣнъ, не испросивъ и не получивъ предварительно согласія Великаго Провинціальнаго Мастера“ и проч.

По ст. 9-й, Великій Префектъ, предсѣдатель Директоріи, долженъ быть извѣстенъ братіи подъ именемъ Великаго Провинціальнаго Мастера. При его отставкѣ или смерти, назначеніе новаго префекта совершается Великимъ Генеральнымъ Мастеромъ всего ордена (Grand Maître Général de tout le St. Ordre) изъ числа лицъ, представляемыхъ Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ IX провинціи... [1]).

Таковы отрывочныя извѣстія объ утвержденіи національной ложи шведской системы, доставляемыя иностранными источниками и немногими оффиціальными документами. „Инструкція“ 1780 года, повидимому, только давала послѣднюю форму управленію, которое, собственно, утвердилось ранѣе, вѣроятно, съ перваго основанія капитула, въ 1778 году. Приведенная нами дата учрежденія Ложи, 25 мая 1779 г., не встрѣтилась намъ въ другихъ источникахъ, но въ іюнѣ того же 1779 упоминаются циркуляры Провинціальной Ложи, приглашавшіе братьевъ къ присоединенію. Этотъ годъ и былъ, вѣроятно, годомъ формальнаго установленія и начала дѣйствій Провинціальной Ложи.

Шведская система при самомъ началѣ имѣла, кажется, значительный успѣхъ.

Новиковъ въ своихъ показаніяхъ, считаетъ въ ней слѣдующія ложи:

1) Капитулъ Петербургскій, съ префектомъ, кн. Гавр. Петр. Гагаринымъ.

2) Капитулъ Московскій, о которомъ Новиковъ вѣрно не зналъ, былъ ли это особенный капитулъ или переведенный въ Москву съ переѣздомъ туда кн. Гагарина.

Далѣе нѣсколько ложъ: 3) Великая ложа, съ великимъ мастеромъ кн. Гагаринымъ. 4) Провинціальная ложа въ

[1]) Великимъ Генеральнымъ Мастеромъ считался тогда въ шведской системѣ самъ король Густавъ III (ср. Handb. III, стр. 214—215).

Москвѣ, великимъ мастеромъ которой былъ кн. Юрій Владим. Долгорукій. 5) Ложа Ал. Матв. Карамышева. 6) Ложа Алексѣя Яковл. Ильина.

Новиковъ не могъ припомнить другихъ ложъ, какія были еще въ шведской системѣ въ Петербургѣ, Москвѣ и иныхъ городахъ, и *относительно* названныхъ имъ замѣчалъ, что, сколько ему извѣстно, онѣ (въ 1792 г.) больше не существуютъ [1]).

Мы имѣемъ еще два другихъ списка ложъ шведской системы:—одинъ въ *нѣмецкихъ показаніяхъ* масонской энциклопедіи, другой—въ показаніяхъ русскаго масона Бёбера, вошедшихъ также въ эту энциклопедію: здѣсь число ложъ гораздо значительнѣе [2]).

Ложи шведской системы или подлежавшія Національной Ложѣ кн. Гагарина показаны здѣсь слѣдующія:

1) Аполлона,—уже извѣстная намъ ложа Розенберга, въ Петербургѣ.

2) Феникса,—это было названіе, принадлежавшее петербургскому капитулу.

3) Благотворительности или Пеликана, въ Петербургѣ, подъ начальствомъ Фрезе. (Эта ложа названа у Бёбера Mildthätigkeit zum Pelikan, и, кажется, она же, въ другихъ случаяхъ, называется Zur Wohlthätigkeit).

4) Св. Александра, въ Петербургѣ, находившаяся (въ это время или раньше) подъ начальствомъ кн. Куракина и Шмелинга.

5) Пламенѣющей Звѣзды (Zum Flammenden Stern), въ Петербургѣ.

6) Горуса, въ Петербургѣ (по показанію „Энциклопедіи“).

7) Латоны, и

8) Озириса, указанныя Бёберомъ, какъ находящіяся въ Петербургѣ. Показаніе, кажется, не точное: ложи этого названія находились въ Петербургѣ, но еще до основанія Провинціальной Ложи шведской системы были перенесены въ Москву.

9) Трехъ Мечей (Zu den drei Degen), въ Москвѣ.

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. II, стр. 146.
[2]) Handb. III, стр. 109—110, 613.

10) Трехъ (христіанскихъ) Добродѣтелей, въ Москвѣ.

11) Аписа, въ Москвѣ.

12) Нептуна, въ Кронштадтѣ, основанная 12 января 1781 г. [1]), гдѣ мастеромъ былъ извѣстный адмиралъ Самуилъ Грейгъ.

13) Трехъ Сѣкиръ (Zu den drei Streithammern), въ Ревелѣ.

14) Военная ложа въ Кинбурнѣ.

15) Ложа въ Пензѣ, по показанію Бёбера, который, впрочемъ, не могъ припомнить ея названія.

16) Наконецъ, сюда же причисляетъ Бёберъ, какъ и Новиковъ, Провинціальную Ложу въ Москвѣ, которая, по словамъ Бёбера, основана была изъ Петербурга: главою ея былъ кн. Юрій Вл. Долгорукій, „подъ управленіемъ котораго были многія новоучрежденныя ложи".

Въ приведенномъ спискѣ читатель замѣтитъ имена ложъ, появляющіяся впервые въ шведской системѣ; другія перешли сюда изъ ложъ Елагинскаго Союза. Подробности этого столкновенія двухъ системъ пока еще мало извѣстны; объ немъ можетъ дать нѣкоторое понятіе разсказъ нѣмецкихъ историковъ о томъ, какъ шведскія нововведенія приняты были въ ложахъ остзейскихъ городовъ.

Мы упоминали о циркулярѣ, разосланномъ отъ великаго секретаря Провинціальной Ложи, Бёбера, съ приглашеніемъ приступить къ новой системѣ. Ложи нѣмецкихъ остзейскихъ

[1]) Handb. II, 165. [Списокъ членовъ ложи Нептуна 1780—81 г.г. опубликованъ Т. О. Соколовской въ журналѣ „Море" 1907 г. № 8]. Адмиралъ Грейгъ, умершій въ 1788 году, повидимому, занималъ не послѣднее мѣсто въ тогдашнемъ масонствѣ, какъ можно судить по двумъ масонскимъ рѣчамъ, нѣмецкой и русской, которыя были изданы по его смерти.

Первая рѣчь напечатана въ книжкѣ: Am Grabe Greighs. B. F. v. D. St. Petersburg, 1788, 27 стр. Эта рѣчь, перечисляя героическіе подвиги Грейга на службѣ Россіи, восхваляя высокія качества его ума и сердца, (панегиристъ, изъ правдолюбія, упоминаетъ, впрочемъ, какія-то Kleinen Wolken der Tugend, помѣшавшія Грейгу достичь полнаго нравственнаго совершенства), называетъ его вмѣстѣ, съ тѣмъ, однимъ изъ „столповъ масонства" (стр. 26) и нѣсколько разъ возвращается къ его масонской дѣятельности. Описывая его постоянство, вѣрность, неустрашимость, и вмѣстѣ кротость, человѣколюбіе, авторъ продолжаетъ:

„И къ тебѣ, мирное, любящее масонство (Stille liebreiche Maurerey),

провинцій, — разсказываетъ нѣмецкій историкъ, — вовсе не были склонны тотчасъ послѣдовать этому приглашенію. Давно уже существовавшая въ Ревелѣ ложа Изиды, которой присланъ былъ Бёберомъ циркуляръ отъ 26 іюня 1779 г., объявила прямо, что не присоединится къ новой Великой Ложѣ; вслѣдствіе этого, 24 августа послѣдовало исключеніе этой ложи въ актѣ, который адресованъ былъ къ ложѣ Zu den drei Streithammern и подписанъ Георгомъ Розенбергомъ и Бёберомъ. Вмѣстѣ съ Изидой, отказалась присоединиться къ Провинціальной Ложѣ и ложа Zum Schwert въ Ригѣ, получившая свое утвержденіе изъ Брауншвейга. Мастеръ стула въ этой ложѣ, Бальтазаръ Бергманъ, ссылался на то, что ложа его была признана со стороны ложъ въ Германіи, Италіи, Франціи, Англіи и Швеціи; впрочемъ, онъ былъ не безусловно противъ соединенія съ новой русской Великой Ложей. Дѣйствія русской Національной Ложи кн. Гагарина главнымъ образомъ направлены были противъ Циннендорфа, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста въ циркулярѣ, посланномъ къ рижскимъ ложамъ: „Великая Ложа должна желать заявленія, не подчинены ли всѣ эти ложи, — не находящіяся ни въ спискахъ шведскихъ ложъ, ни въ спискахъ соединенныхъ нѣмецкихъ ложъ, — управленію нѣкоего Циннендорфа въ Берлинѣ, который, какъ это можетъ засвидѣтельствовать Великая Ложа, по самымъ положительнымъ основаніямъ объявленъ былъ обманщикомъ и публично

сердце его обращалось съ любовью и радостью! Слишкомъ великій и слишкомъ чистый, чтобы заниматься лентами (масонскими) и бездѣлушками, онъ выбралъ твою единственную истинную цѣль — добродѣтель и человѣческое счастье. Совершенный человѣкъ, котораго ты, знакомое съ слабостію смертныхъ, представило, кажется, больше какъ высшій идеалъ, чѣмъ какъ достижимый предметъ, — былъ его великой цѣлью, и его ревность достигла бы этой цѣли, если бы ему не помѣшала человѣческая слабость". Авторъ не хочетъ скрывать этой слабости, но думаетъ, что „ангелъ неба сотретъ ее навсегда изъ книги вѣчности слезой состраданія, которую онъ такъ охотно даетъ человѣческому величію, потому что оно не можетъ быть безъ слабости", и пр.

„Безсмертный духъ! — взгляни изъ своего звѣзднаго жилища и посмотри, какъ мирное масонство, неподвижное и нѣмое отъ горести, отъ имени цѣлаго отечества, проливаетъ здѣсь слезу благодарности на твой прахъ" и т. д.

указанъ, какъ таковой, всѣмъ добрымъ братьямъ. Поэтому Великая Ложа весьма желаетъ, чтобы документальное утвержденіе, о сообщеніи котораго просили ложу, происходило не отъ названнаго здѣсь виновника столь многоразличнаго зла, или, по крайней мѣрѣ, чтобы въ случаѣ, если бы это было по несчастію такъ, ложа отнынѣ отказалась отъ всякаго съ нимъ соединенія и подчинилась бы той дирекціи, законность которой была правильно признана всѣми свѣдущими въ дѣлахъ ордена". Поэтому и отъ каждаго посѣтителя изъ циннендорфской ложи, если онъ желалъ получить доступъ въ ложу, принадлежащую къ Національной Ложѣ, требовали, чтобы онъ клятвенно засвидѣтельствовалъ, что впредь отказывается отъ всякой дальнѣйшей связи съ циннендорфской ложей. Изъ остзейскихъ ложъ, только одна, Zu den drei Streithammern, въ Ревелѣ, присоединилась къ Національной Ложѣ; зато рижскія ложи, Apollo, Castor, Zum Schwert, Isis въ Ревелѣ, и Pollux въ Дерптѣ, остались въ прежней связи подъ управленіемъ Елагина.

Между тѣмъ и внутреннее положеніе самой Провинціальной Ложи кн. Гагарина, кажется, съ самаго начала было не совсѣмъ благопріятно. Въ августѣ 1780 года, она получила изъ Швеціи всѣ регаліи, — т. е. всякіе масонскіе символы, орудія и украшенія масонской обрядности, въ разныхъ системахъ нѣсколько особенныя, — которыхъ у нея еще не было, но послѣ перваго успѣха она не усиливалась. Раз-

Упомянувъ о наградахъ и почестяхъ, оказанныхъ Грейгу императрицей Екатериной, авторъ продолжаетъ:

„Не опьяненный отъ всѣхъ этихъ милостей и восхваленій и среди трудовъ, которые онъ продолжалъ еще съ большимъ жаромъ, онъ не забывалъ и о тебѣ, кроткій братскій союзъ масонства. Его проницательный взглядъ видѣлъ черезъ тотъ флёръ, который масонство набросило на лицо мудрости, чтобы охранить ее отъ профанаціи, чтобы возбудить любовь къ изслѣдованію и сдѣлать болѣе желательнымъ ея раскрытіе. Даже посвященный очень рѣдко проникаетъ это легкое покрывало, если онъ не владѣетъ улучшеннымъ сердцемъ и очищеннымъ умомъ, и совершенно незнающій часто желаетъ разорвать его неумѣстной насмѣшкой, или потому, что смотритъ не съ надлежащей точки зрѣнія, или потому, что эта точка зрѣнія сдвинута отъ него масонскими шарлатанами. Грейгъ почувствовалъ посвященіе; черезъ легкій мракъ онъ видѣлъ свѣтъ, онъ видѣлъ возвышенныя намѣренія масонства и съ радостью сталъ его опорой. Какъ мастеръ стула въ ложѣ

сказываютъ, что между руководителями ея, особенно между Георгомъ Розенбергомъ и кн. Гагаринымъ, произошли несогласія, главнымъ образомъ, по вопросу о зависимости отъ Швеціи. Къ этому присоединилось и то, что въ Стокгольмѣ 15 марта 1780 г. послѣдовало назначеніе герцога Карла Зюдерманландскаго первымъ начальникомъ ордена (Vicarius Salomonis) седьмой и девятой провинцій,—къ этой послѣдней принадлежала и Россія. Русскія ложи, стоявшія подъ управленіемъ Елагина и Гагарина, возражали противъ этой зависимости, тѣмъ болѣе, что подобное положеніе русскихъ ложъ возбудило серьезное опасеніе въ императрицѣ Екатеринѣ. Вслѣдствіе такого положенія вещей, Національная Ложа пріостановила свои работы. Самъ князь Гагаринъ долженъ былъ оставить Петербургъ и отправился 10 ноября 1781 г. въ Москву; передъ тѣмъ Національная Ложа постановила еще исключеніе братьевъ Розенберговъ,—тѣхъ самыхъ людей, которые играли такую дѣятельную роль въ основаніи этой ложи.

Бёберъ въ своей запискѣ сообщаетъ слѣдующія частности объ этомъ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ въ Провинціальной Ложѣ. „Эта новая связь (т. е. масонская связь со Швеціей), — говоритъ онъ, — привлекла къ себѣ очень многихъ изъ знатныхъ лицъ, и это возбудило въ императрицѣ нѣкоторое подозрѣніе, въ особенности потому, что князья Куракинъ и Гагаринъ были извѣстные любимцы ве

Нептунъ, онъ старался для нея дать истинный видъ дикому камню, чтобы этотъ камень могъ послужить краеугольнымъ камнемъ храма мудрости; онъ сдѣлалъ чувства своихъ братьевъ болѣе утонченными и воспріимчивыми къ высокому благоуханію добродѣтели, и такимъ образомъ приготовлялъ для міра и для государства хорошихъ, полезныхъ, любящихъ свой долгъ людей. Масонство посвящаетъ ему за это глубокую благодарность, и имя Грейга останется незабвеннымъ въ его лѣтописяхъ", etc.

Грейгъ оставилъ по себѣ хорошую память не между одними масонами. Сегюръ въ своихъ „Запискахъ" (Спб. 1865, стр. 336) говоритъ о Грейгѣ: „Въ это время (1788) императрица понесла чувствительную потерю: скончался адмиралъ Грейгъ. Дѣятельный начальникъ, просвѣщенный администраторъ, искусный адмиралъ, воинъ храбрый и скромный, онъ сошелъ въ могилу, уважаемый врагами и оплакиваемый знавшими его".

Другая рѣчь называется: „Слово на смерть В... Д... Б... (т. е. высокодостойнаго брата) Грейха. Говоренное въ □ П... 1788 года октября

ликаго князя (Павла Петровича), и она выразила свою щекотливость по этому предмету сначала сатирическими брошюрами, изъ которыхъ одна называлась „Противонелѣпое Общество“ [1]), а потомъ по поводу одной статьи, напечатанной въ Гамбургской газетѣ, и выразила такъ громко, что тогдашній оберъ-полиціймейстеръ, бывшій членомъ ордена, посовѣтовалъ намъ остановить работы (т. е. масонскія собранія) и покинуть прекрасно устроенное помѣщеніе ложи. Куракинъ и Гагаринъ, подъ предлогомъ нѣкоторыхъ порученій, были удалены изъ Петербурга и наши ложи оставались въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ Мелиссино, Лукинъ и остальныя елагинскія ложи смѣло продолжали свои работы. Только одна ложа Благотворительности (Mild-thätigkeit zum Pelikan) осмѣлилась, несмотря на то, снова начать дѣйствія послѣ короткаго промежутка времени, такъ какъ коллежскій совѣтникъ Фрезе, человѣкъ весьма уважаемый, управлявшій этой ложей въ качествѣ мастера стула, съ разныхъ сторонъ получилъ увѣренія, что опасаться больше нечего [2]); и такъ какъ вслѣдствіе того эта ложа

29 дня членомъ □ Г... А. М. Въ Санктпетербургѣ“. (8 стран. съ заглавнымъ листомъ, 8°. Книжка означена въ каталогѣ Смирдина № 11603). Слово также начинается изъявленіемъ горести и восхваленіемъ добродѣтелей, „великихъ и любезныхъ свойствъ, кои украшали оплакиваемаго нами В... Д... Б..., кои дѣлали честь роду человѣческому и образовали въ немъ мужа благочестива, мудра, великодушна, единымъ словомъ истиннаго в... к...!“ Слово говоритъ о военныхъ подвигахъ и „общественныхъ добродѣтеляхъ Грейга, его безкорыстіи и справедливости: „въ публичной и приватной жизни украшали его всѣ тѣ свойства, кои составляютъ истиннаго и усерднаго в... к...“ Авторъ приглашаетъ братьевъ дать самимъ себѣ „слово жить и умереть подражая ему (Грейгу)—въ чемъ непремѣнно и успѣемъ, если подобно ему будемъ исполнять всѣ тѣ спасительные обязанности, кои налагаетъ на насъ с...; мудрый и Б... любви исполненный О... В... К...“ Упоминается и дѣятельность Грейга какъ мастера стула.

[1]) Эта французская брошюра: „La société antiabsurde“, и русскій переводъ ея, помѣченные 1759 годомъ, изданы были на самомъ дѣлѣ въ 1780 г. Мы приведемъ дальше подробности объ этой книжкѣ, свидѣтельство Бёбера есть, кажется, первое положительное указаніе на время и поводъ сочиненія этой брошюры императрицы Екатерины; Полторацкій по библіографическимъ даннымъ (брошюра не упоминается раньше 1780 г.) вѣрно относилъ ее къ этому времени.

[2]) То же упоминается въ отвѣтахъ Вибелю: „Одна изъ ложъ (Короннованнаго Пеликана), не хотѣвшихъ отдѣлиться отъ Швеціи, въ которой

стала въ нѣкоторомъ смыслѣ ложей-матерью, то она основала въ 1781 г. новую ложу, подъ названіемъ Zum Eichthal.

„Въ 1783 г. русское масонство получило новое направленіе, къ которому далъ поводъ нѣкто Шварцъ“,— т. е. извѣстный профессоръ, другъ Новикова, глава русскаго розенкрейцерства.

Причина, почему Екатерина возымѣла нѣкоторое недовѣріе къ этимъ ложамъ, заключалось, по всей вѣроятности, въ томъ, что ихъ начальниками были любимцы великаго князя и она опасалась какихъ-нибудь опасныхъ политическихъ сплетеній отъ связей ихъ съ герцогомъ Зюдерманландскимъ. Кн. Куракинъ, какъ мы дальше упомянемъ, замѣшанъ былъ въ дѣло о предположеніи выбрать великаго князя главою русскаго масонства. Удаленіе кн. Куракина и Гагарина, повидимому, совершенно успокоило Екатерину.

Переѣздъ кн. Гагарина въ Москву нанесъ, однако, сильный ударъ всей нашей шведской системѣ. Въ Москвѣ кн. Гагаринъ устроилъ „капитулъ“ шведской системы, или перенесъ туда существовавшій въ Петербургѣ; въ это время основалось, кажется, нѣсколько новыхъ ложъ его системы въ Москвѣ, но авторитетъ системы оканчивался. Въ Москвѣ въ это время всего сильнѣй обнаружилось въ масонскомъ обществѣ стремленіе къ самостоятельности и къ пріобрѣтенію, наконецъ, масонскихъ познаній. Представителемъ этого стремленія былъ кругъ Шварца и Новикова. Въ этихъ видахъ они основали тайную сіентифическую ложу Гармонію.

братъ Бёберъ былъ членомъ, продолжала работать до тѣхъпоръ, пока всѣ масонскія работы не прекратились по приказу имп. Екатерины. Ешевскій, III, 458. — Полицеймейстеромъ, прекратившимъ работу, былъ, кажется, П. В. Лопухинъ, впослѣдствіи московскій губернаторъ, отчасти привлеченный къ дѣлу Новикова въ Москвѣ. Въ зап. Храповицкаго, подъ 22 мая 1792 г., упоминается, что кн. Прозоровскій прислалъ императрицѣ поданное ему „письмо отъ московскаго губернатора П. В. Лопухина, гдѣ проситъ оправданія отъ названія мартинистомъ, свидѣтельствуетъ тѣмъ, что по забраніи бумагъ Н., видны всѣ въ томъ участники, и онъ былъ только полицеймейстеромъ два раза въ ложахъ Петербургскихъ для узнанія и донесенія ея Величеству о перепискѣ съ герцогомъ Зюдерманландскимъ“.

Московскіе масоны надѣялись, что Швеція, не давши Россіи самостоятельности, доставитъ русскому масонству, по крайней мѣрѣ, высшія орденскія познанія; но всѣ ихъ ожиданія обманулись. Они уже скоро увидѣли, что „несмотря на всѣ обѣщанія Швеціи и на всѣ старанія к. Г. Пет. (князя Гавріила Петровича Гагарина), она намъ ничего не сообщаетъ, и что письма, которыя оттуда пишутъ, наполнены политическихъ учтивствъ и больше ничѣмъ"; притомъ они знали, что „самовластный поступокъ г. (герцога) Зюдерманландскаго въ сооруженіи 9-ой пров. и приписаніи къ ней Россіи и большей части Европы, вооружилъ весь орденъ противъ него", кромѣ того, они стыдились „покоренія россійскаго братства братству шведскому" и знали, „что самое сіе покореніе, а наипаче требованіе безумныхъ шведскихъ бр., когда-нибудь могутъ великій ударъ въ Россіи ордену сдѣлать"; наконецъ, московскіе братья услышали, что собирается всеобщій масонскій конвентъ для уничтоженія безпорядковъ и несогласій въ орденѣ (это былъ Вильгельмсбадскій Конвентъ) и нашли что „не можетъ быть удобнѣе случаю освободить россійское братство отъ всякаго подчиненства" [1]). Московскіе масоны, въ бытность кн. Гагарина въ Москвѣ, пригласили его въ свою ложу Гармоніи, объявили ему свои желанія и свои сомнѣнія о Швеціи: „онъ на все согласился, сдѣлался почетнымъ членомъ ложи Гармоніи, одобрилъ предметъ исканій и съ тѣмъ разстался" [2]).

По извѣстнымъ теперь даннымъ не видно въ точности, какія отношенія установились между шведскимъ масонствомъ Гагарина и московскими ложами, когда послѣднія получили на Вильгельмсбадскомъ Конвентѣ 1 сент. 1782 г. учрежденіе особой масонской „провинціи" для Россіи на свою долю. Изъ переписки московскихъ масоновъ извѣстно, что они не были съ нимъ въ ссорѣ: „мы всѣ силы употребляли соединить его съ собою, но успѣть въ томъ не могли; однако мы съ нимъ не въ ссорѣ, но онъ ни во что не входитъ и не мѣшается" [3]).

[1]) Письмо кн. Н. Н. Трубецкого къ А. А. Ржевскому [въ сентябрѣ 1782 г.] у Ешевскаго, III, 464.

[2]) Письмо Новикова къ Ржевскому, 14 февр. 1783 г. у Еш., III. 471.

[3]) Тамъ же, стр. 510—511.

Впослѣдствіи, въ отвѣтахъ Вибелю, мы находимъ, однако, извѣстіе, что послѣ признанія Россіи особой провинціей на Вильгельмсбадскомъ Конвентѣ кн. Гагаринъ не безъ нѣкотораго затрудненія покорился новому порядку вещей, „присоединился въ 1783 году къ 8-ой провинціи съ большей частью ложъ, отъ него зависѣвшихъ, и сдѣлался управляющимъ мастеромъ матери-ложи Феникса въ Москвѣ" [1]).

Упомянутая ложа Коронованнаго Пеликана, съ Фрезе и Бёберомъ, не приступила къ этому союзу, и въ перепискѣ московскихъ масоновъ мы находимъ, безъ сомнѣнія поэтому, очень недружелюбные отзывы о Фрезе. Московскіе масоны считали дѣло свое русскимъ, и въ противникахъ своихъ видѣли нѣмцевъ, равнодушныхъ или враждебныхъ русскому интересу [2]).

Бёберъ остался ревностнымъ приверженцемъ шведскаго масонства, которое и возобновилось потомъ въ царствованіе Александра, когда (въ 1807 г.) возстановлена была ложа Коронованнаго Пеликана.

ГЛАВА VIII.

Общія замѣчанія объ историческомъ значеніи личности и дѣятельности Новикова.

Послѣ описанныхъ волненій въ нашемъ масонскомъ мірѣ, наступилъ въ русскихъ ложахъ новый фазисъ, гораздо болѣе замѣчательный. Центромъ франкъ-масонскаго движенія сталъ Н. Ив. Новиковъ, и его дѣятельность, выступивши за предѣлы ложи, въ обширной степени простиралась на общественную жизнь и литературу. Въ нашей новѣйшей исторіи онъ стоитъ едва ли не первымъ человѣкомъ, который, если не самъ исключительно создалъ, то сосредоточилъ и оживилъ нравственно-общественное движеніе, исходившее

[1]) Ешевскій, III, 458.

[2]) Ешевскій, III, 539—546. Ср. стр. 514.

изъ самостоятельныхъ начинаній общества, а не изъ однихъ оффиціальныхъ указаній. До него наша общественная жизнь, образованіе и литература были почти только выполненіемъ программы, данной петровскою реформой, выполненіемъ, не выходившимъ за предѣлы предписанныхъ правилъ и образцовъ. Съ Новикова къ этой оффиціальной иниціативѣ, едва ли не въ первый разъ, присоединяется иниціатива общественная, которая дѣйствовала съ тѣми же цѣлями гражданскаго улучшенія и образованности, но уже сама, независимо, пыталась опредѣлять свою точку зрѣнія, свои средства и пріемы. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы до Новикова не дѣйствовали замѣчательныя личности, посвящавшія себя на служеніе общественному благу: вовсе нѣтъ,—были такія личности, даже несравненно болѣе талантливыя, какъ Ломоносовъ, были люди, которые столь же искренно и съ своего рода увлеченіемъ трудились для общества, какъ цѣлый рядъ писателей, въ литературѣ и въ историческомъ изученіи ставившихъ первые вопросы общественнаго самосознанія, напр., Сумароковъ и многіе другіе; въ трудахъ этихъ людей была иногда и значительная степень самостоятельнаго сужденія, въ результатахъ были полезныя слѣдствія, распространялись полезныя знанія, возбуждалась любовь къ образованію. Но дѣятельность этихъ людей оставалась, по преимуществу, индивидуальной; они не создавали школы, не увлекали за собой людей общества на опредѣленную практическую дѣятельность въ смыслѣ одной идеи; просвѣщеніе продолжало оставаться оффиціально академическимъ или школьнымъ, или — въ высшемъ кругу — чужимъ, французскимъ; литература въ своемъ воспитательномъ значеніи продолжала походить на тѣ книги, корректуру которыхъ держалъ еще самъ Петръ Великій своей царской рукой; пріобрѣтавшіяся знанія и понятія не расширялись дальше тѣхъ, которыя требовались, какъ первая, элементарная необходимость для государственнаго хозяйства. Словомъ, общество еще утопало въ государствѣ; индивидуальныя силы, возбужденныя реформой, стали являться на ея поддержку и укрѣпили ее въ сознаніи болѣе образованнаго класса, но собственная иниціатива общества сдѣлала еще мало. Эта иниціатива обнаруживалась только въ рѣдкихъ отдѣльныхъ случаяхъ, еще не успѣла найти себѣ ни опредѣленной дороги, ни ясной цѣли, и не умѣла соединять людей для свободнаго стремленія къ образованію, для общественной самодѣятельности въ тѣхъ задачахъ, которыя до тѣхъ поръ исключительно себѣ присвоивало государство. Между тѣмъ, государство могло успѣшно достигать цѣлей національнаго развитія только при условіи, когда оно могло имѣть за эти цѣли и самодѣятельность общества; а для развитія этой самодѣятельности нужно было, чтобы заявила себя индивидуальная личность, свобода нравственной человѣческой природы, которая только при извѣстномъ просторѣ развитія могла обнаруживать свою плодотворную энергію. На дѣлѣ, эта нравственная свобода личности имѣла въ жизни слишкомъ мало мѣста, а ея законныя и естественныя требованія слишкомъ мало укладывались въ существовавшія рамки оффиціальныхъ порядковъ; но общественная самодѣятельность была возможна только на этомъ условіи,—и создать ее было именно тою задачей, которая предстояла русскому обществу въ XVIII столѣтіи, послѣ усвоенія реформы Петра. Заслуга первой широкой попытки къ разрѣшенію этой задачи, въ значительной мѣрѣ, принадлежитъ Новикову, и этимъ, въ общихъ чертахъ, опредѣляется его историческое значеніе. Путь его былъ указанъ обстоятельствами времени; Новиковъ могъ сильно ошибаться въ средствахъ, которыя должны были вести къ этой цѣли, во многомъ онъ положительно заблуждался, но заслуга его, тѣмъ не менѣе, остается высокой; онъ искренно и преданно служилъ общественному благу и жертвовалъ этому служенію своимъ трудомъ и своей личной безопасностью.

Личность Новикова и судьба его, въ главныхъ чертахъ, достаточно извѣстны. Его масонская дѣятельность разъяснена была біографіей, написанной Лонгиновымъ, и матеріалами, изданными Историческимъ Обществомъ, Пекарскимъ и проч. Мы не будемъ останавливаться на фактическихъ подробностяхъ біографіи, на его происхожденіи, скудномъ первоначальномъ воспитаніи, недостаточность котораго сказалась потомъ и въ его зрѣлые годы, на его службѣ, сначала въ Измайловскомъ полку, потомъ при извѣстной комиссіи для составленія новаго Уложенія; предполагаемъ извѣстной и его первую журнальную и потомъ издательскую дѣятельность и напомнимъ, вообще, только главныя данныя. Его изда-

тельская дѣятельность началась въ 1769—1774 гг. изданіемъ сатирическихъ журналовъ, которые вошли тогда въ моду—какъ говорятъ, не безъ вліянія прямого желанія императрицы, которая хотѣла развлечь вниманіе публики и отклонить его отъ шедшей тогда турецкой войны; хотя можно думать, что, принимая сама участіе въ этихъ журналахъ, императрица могла просто слѣдовать своимъ вкусамъ—именно въ то время весьма либеральнымъ и, сама съ охотой занимаясь литературными развлеченіями, она, быть можетъ, просто желала имѣть для этого нѣсколько оживленную арену. Прекратились потомъ эти журналы не оттого, что прекратилась турецкая война, а оттого, что произошла нѣкоторая перемѣна въ настроеніи императрицы: вызванное ею литературное движеніе не совсѣмъ отвѣтило ея ожиданіямъ. Журналы Новикова, въ особенности знаменитый „Живописецъ“, представили уже зачатки той совершенно серьезной сатиры, которая такъ рѣдка въ нашей литературѣ, хотя за этой литературой и считаются большія сатирическія свойства. Эти журналы не понравились. Еще раньше, чѣмъ Новиковъ окончательно оставилъ свою сатиру, вѣроятно, уже чувствуя непрочность этого направленія по обстоятельствамъ литературы, отъ него не зависѣвшимъ, онъ обратился въ другую сторону, гдѣ, если не надѣялся принести болѣе непосредственной пользы, то ожидалъ гораздо большихъ удобствъ для самаго труда. Это были его историческія изданія и собранія старыхъ памятниковъ: „Словарь о россійскихъ писателяхъ“, „Древняя Россійская Идрографія“, „Древняя Россійская Виѳліоѳика“ и пр. Затѣмъ подготовлялся новый періодъ дѣятельности Новикова, окончательно опредѣлившійся съ 1779 г. Это—періодъ масонства и мартинизма, время дружбы и союза съ Шварцемъ, Дружескаго общества и Типографической компаніи, наиболѣе оживленный, занятой и вліятельный періодъ въ трудовой жизни Новикова, окончившійся катастрофой 1792 года, которая разрушила литературныя и филантропическія предпріятія Новикова и его друзей, нанесла имъ огромныя потери, нанесла еще болѣе сильный нравственный ударъ самому Новикову и окончательно прекратила его дѣятельность. Въ 1796 г., по вступленіи на престолъ императора Павла, Новиковъ былъ освобожденъ изъ Шлиссельбургской тюрьмы и прожилъ еще лѣтъ двадцать тяжелой жизни. Но старое время уже не вернулось.

Въ этомъ отдѣлѣ его біографіи, естественно, сосредоточивается главнѣйшій интересъ. Это былъ, по преимуществу, масонскій періодъ дѣятельности Новикова.

Историки нашей литературы, говоря о масонствѣ Новикова, нерѣдко принимаютъ его мистицизмъ, во-первыхъ, за направленіе, рѣзко отдѣляющееся отъ его первой дѣятельности, за совершенно новый періодъ въ исторіи его понятій; во-вторыхъ, склонны считать этотъ мистицизмъ ненужнымъ, случайнымъ заблужденіемъ, въ которое странно было впадать неглупому человѣку. Мы думаемъ иначе, и именно, относительно перваго полагаемъ, что между этими двумя предполагаемыми періодами вовсе не было такого рѣзкаго и глубокаго различія, какъ представляютъ, а что, напротивъ, одинъ весьма послѣдовательно развивается въ другой; и относительно второго мнѣнія мы полагаемъ, что новиковскій мистицизмъ, говоря исторически, не только былъ совершенно естественнымъ явленіемъ, но въ обстоятельствахъ тогдашняго общества былъ даже серьезнѣе, нежели то представляли себѣ его противники. Мы объяснимъ это дальше.

Развитіе понятій Новикова въ самомъ дѣлѣ было очень послѣдовательное, безъ всякихъ внезапныхъ перерывовъ и безъ всякой „перемѣны направленія“. Какъ было уже сказано, образованіе Новикова, по его собственному признанію, было очень недостаточно; и этотъ недостатокъ, къ сожалѣнію, въ то время слишкомъ общій, становился весьма серьезнымъ недостаткомъ въ человѣкѣ, способномъ такъ глубоко предаваться общественному интересу и нравственнымъ требованіямъ, какъ Новиковъ. Въ людяхъ посредственныхъ и ничтожныхъ такой недостатокъ безвреднѣе, потому что самыя дѣла ихъ посредственны и ничтожны; въ людяхъ талантливыхъ и съ практической энергіей этотъ недостатокъ только усиливаетъ ошибку, если они впадаютъ въ нее. У Новикова это дѣйствительно увеличило силу его личнаго заблужденія,—хотя, впрочемъ, отъ такого же заблужденія вовсе не были свободны и болѣе образованные его друзья; назовемъ хотя Шварца и Лопухина, или другихъ аристократическихъ членовъ ордена, которыхъ модное обра-

зованіе не спасало отъ фантастики, —такъ что можно дѣлать весьма естественное заключеніе, что обыкновенное тогдашнее образованіе, пожалуй, также не могло бы не спасти Новикова отъ его заблужденія. Этотъ недостатокъ въ личномъ развитіи Новикова высказался не вдругъ; онъ обнаружился въ полной силѣ только впослѣдствіи, именно тогда, когда передъ нимъ стала задача теоретическаго опредѣленія и положительнаго установленія его принциповъ. Въ первое время, когда эти вопросы теоріи и идеала еще не выросли до настоятельнаго требованія, Новиковъ руководился въ своихъ взглядахъ на общественныя отношенія непосредственными внушеніями честнаго доброжелательнаго сердца. Дѣло его развитія и общественная дѣятельность начались съ весьма простого и естественнаго нравственнаго чувства. Его журнальная сатирическая дѣятельность,—которую онъ началъ молодымъ человѣкомъ 25-ти лѣтъ и которая составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія—была вызвана именно этимъ глубокимъ чувствомъ, слишкомъ оскорбленнымъ жалкой дѣйствительностью и горячо желавшимъ другихъ, лучшихъ порядковъ и отношеній. Въ этомъ журналистѣ,—весь журналъ котораго составлялъ въ годъ маленькую книжку, и то на-половину занятую почти обязательными панегириками,—мы видимъ замѣчательно смѣлаго представителя нравственныхъ требованій, уже явившихся въ сознаніи лучшихъ людей, писателя, возмущеннаго свѣтской пустотой и общественной несправедливостью и ищущаго справедливости и просвѣщенія. Достаточно припомнить нѣкоторыя страницы его журналовъ, чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе о его стремленіяхъ. Въ посвященіи „Живописца“ императрицѣ (какъ автору комедіи: „О время“) онъ выражаетъ желаніе, чтобы „дарованная вольность умамъ россійскимъ“ была употреблена на пользу общества; онъ указываетъ недостатки и пороки этого общества и обращается къ Екатеринѣ съ словами: „Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенной порочной человѣкъ, видя осмѣваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ

вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первой разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными“. Онъ указываетъ автору комедіи „О время“ обширное поле для исправленія нравовъ, осмѣянія пороковъ и предразсудковъ; и изъ его пожеланій видно, что сатира, существовавшая тогда въ русской литературѣ, казалась ему еще слишкомъ тѣсна и ничтожна. Онъ даетъ чувствовать и всю трудность своего собственнаго положенія, когда говоритъ императрицѣ: „Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ—исправлять нравы своихъ единоземцевъ“. Въ одномъ изъ слѣдующихъ листковъ журнала, онъ представляетъ картину жалкаго положенія литературы, въ которой „годится въ писатели даже онъ, человѣкъ, который россійской грамотѣ учился у дьячка, который и самъ не зналъ никакихъ правилъ, а о грамматикѣ и не слыхивалъ...“ Правда, замѣчаетъ онъ, „нѣкоторые ненавистники письмянъ (т. е. литературы) новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе россійскаго языка и правилъ грамматическихъ“,—но все это пустяки, замѣчаетъ онъ: „посмотрите только на молодыхъ нашихъ писателей, вы увидите, что они никогда вашимъ не слѣдуютъ правиламъ...“ Знаніе русскаго языка, ученіе—все это ненужный вздоръ, по мнѣнію этихъ „молодыхъ писателей“, отъ лица которыхъ говоритъ здѣсь авторъ, иронически причисляя себя къ ихъ числу. Онъ также считаетъ знаніе не нужнымъ, и въ этомъ мнѣніи многіе крѣпко его поддерживаютъ, напр., поддерживаютъ „благородные невѣжды, вѣтреные щеголи“ —и люди стараго вѣка. „И вы, добрые старички, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но по другимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: „дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно: науки да книги переводятъ только деньги: какая отъ нихъ прибыль, одно разоренье!“ Дѣтямъ своимъ вы говорите: „рости только великъ, да будь счастливъ, а умъ будетъ. Прекрасное нравоученіе! неоспоримые доводы!“ [1]).

Эта глубокая иронія, или „отрицаніе“, по нынѣшнему

[1]) Стр. 13—14, изд. Ефремова.

способу выраженія, вполнѣ раскрываетъ передъ нами, какъ хорошо понималъ Новиковъ всю ограниченность тогдашняго русскаго просвѣщенія и ничтожество литературы, занимавшейся пустяками, для которыхъ годились даже совсѣмъ безграмотные писатели, какихъ онъ изображаетъ. Онъ чувствовалъ, что литература имѣетъ серьезныя задачи, требующія отъ писателя знаній, таланта, критики; но ничего подобнаго не оказывалось въ русской литературѣ—печальное сознаніе, которое не одинъ разъ повторяется у лучшихъ дѣятелей нашей литературы и повторяется совершенно естественно.

Также мало утѣшительнаго Новиковъ видѣлъ и въ отношеніи самаго общества къ дѣлу просвѣщенія. Рядъ картинъ, которыя онъ проводитъ передъ читателемъ, поражаетъ своей безотрадной правдивостью. Свѣтскій щеголь—типъ екатерининскихъ временъ, едва ли достаточно понятый историками нашей литературы во всемъ его объемѣ—доказываетъ, что ему и безъ наукъ совершенно хорошо, что изъ нихъ, пожалуй, еще стоитъ вниманія стихотворство, потому что иной разъ можетъ придти охота написать (любовную) пѣсенку. „Я бы началъ обучаться оному, да то бѣда, что я не знаю русскова языка. Покойный батюшка терпѣть его не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ: и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился“ и т. д.,—характеристика тѣхъ избалованныхъ и извращенныхъ людей, которыхъ такъ много бывало въ XVIII-мъ столѣтіи, и которые отличались только совершенной негодностью для служенія обществу и умѣньемъ проживать въ свое удовольствіе огромныя помѣстья.

Образованіе вовсе не нужно и „Худовоспитаннику“, „котораго вся наука въ томъ состоитъ, чтобы умѣть кричать: „пали! коли! руби!“ и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ“. Но безъ науки ему однако не повезло и въ службѣ. „Вмѣсто большаго чина, даютъ ему деньги... Онъ идетъ въ отставку, и говоритъ: достоинства не награждаются! Худовоспитанникъ пріѣзжаетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ

у него и здѣсь никому и никакой пощады“... (стр. 17). Далѣе, науки нисколько не нужны модной щеголихѣ, ненужны Кривосуду и т. д.

Крѣпостной вопросъ выставленъ вообще въ такой рѣзкой формѣ, какъ это рѣдко случалось въ русской литературѣ. Дикіе нравы и своеобразное міровоззрѣніе захолустья изображены въ нѣсколькихъ страницахъ „Писемъ уѣзднаго дворянина къ сыну“, съ такой наблюдательностью, которая, по нашему мнѣнію, далеко заслоняетъ комедіи фонъ-Визина, потому что здѣсь картина не испорчена никакой утрировкой. „Отпиши, Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ што великіе затеи. Колокольню строютъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго; статошное ли это дѣло; то дѣлалось по благословенію Патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать. Вѣра-то тогда была покрѣпче, во всемъ другъ мой надѣялись на Бога, а нынче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все это проклятая некресть дѣлаетъ: отъ Нѣмцовъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть во адѣ... Нынче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ К о р м ч е й к н и г ѣ положено за это проклятіе. Нынче в с е н и ч е г о; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать, да проценты выше указанныхъ: это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей ничего не написано... Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ даетъ кладъ; а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери такъ немного прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, до што ты изволишь сдѣлать...“ (стр. 93—94),—въ этихъ немногихъ чертахъ читатель видитъ настоящій, неподдѣльный XVIII-й вѣкъ.

Упомянемъ наконецъ переписку съ „пречестнымъ отцомъ Тарасіемъ“, который въ письмѣ къ „Живописцу“ сѣтуетъ о развращеніи вѣка и замѣчаетъ относительно его самого: „Мы же ничесо же противу тебѣ дерзаемъ рещи, яко и самъ являешися чтити священный чинъ духовный, и весь причетъ церковный. А щ е ж е что возмниши написати во обличеніе иноческаго житія б л ю д и с е б ѣ, д а н е к а к о...“ Живописецъ отвѣчаетъ ему между прочимъ, въ его же тонѣ: „Оле безумія нашего! поучати бо токмо навыкохомъ, а не

поучатися. Всякъ, аще и юнъ сый, дерзновенно укоряетъ брата своего, и затыкаетъ ушеса своя, егда рекутъ ему: ты кто еси, судяй. Возведи, премудрый старецъ, очи твои окрестъ тебя и виждь братію твою. Сѣмо поучаютъ: а гдѣ же поучаются? ондѣ исправляютъ: и гдѣ исправляются? не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающіи. Но блюду себѣ, по словеси твоему, да не како..[1])". Эта небольшая переписка весьма характеристична для опредѣленія понятій Новикова въ этомъ отношеніи, и очень хорошо объясняетъ, почему онъ могъ увлекаться мистицизмомъ, который находилъ онъ въ масонствѣ. Очевидно, что уже съ самаго начала своей дѣятельности онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ относительно религіозной нравственности.

Замѣтимъ, наконецъ, что уже здѣсь Новиковъ съ большимъ интересомъ говоритъ объ обществѣ для печатанія книгъ (стр. 261), уже здѣсь даетъ мѣсто самому рѣшительному отрицанію французской философіи, которую считалъ атеистической и безнравственной. Въ „Живописцѣ" помѣщено довольно туманное описаніе сна (форма, къ которой любили тогда обращаться), гдѣ авторъ описываетъ сначала мудрыхъ людей, заботящихся о здравомъ воспитаніи и восклицаетъ: „Благополучна та страна, гдѣ юношество къ пользѣ государя, ко благосостоянію общества, ко преодолѣнію господствующихъ въ народѣ предразсужденій и къ собственному своему благополучію хорошо воспитывается". Затѣмъ слѣдуетъ любопытное мѣсто, которое мы выпишемъ вполнѣ, потому что оно, кѣмъ бы ни было написано (статья подписана: „отечеству своему всякаго блага желающій Р..."), даетъ довольно ясное понятіе о взглядахъ Новикова на французскую философію, которую онъ, очевидно, смѣшивалъ съ ея отрепьями въ тогдашнемъ русскомъ модномъ воспитаніи:

„По удаленіи моемъ изъ оныхъ садиковъ (гдѣ авторъ видѣлъ образчики мудраго воспитанія), увидѣлъ я въ дали огромные храмы: но лишь только сталъ я приближаться къ одному изъ нихъ, то встрѣтили чрезвычайно ласково какъ меня, такъ и другихъ для богомолія идущихъ людей мудрецы, которые то французскими, то русскими выраженіями по фисикѣ доказывали, что солнце, луна, звѣзды земля и все вообще строеніе міра могло получить свое бытіе и безъ посредства Божія. Многіе изъ тѣхъ, которые твердо знали французскій языкъ (вспомнимъ, что Новиковъ по-французски не зналъ), принимали доказательства ихъ за справедливыя, и не входя въ храмъ возвращались домой съ сердцами грубыми, памятозлобными и равномѣрно какъ на друзей, такъ и на недруговъ своихъ неугасимою ненавистію пылающими. Другіе, напротивъ того, не слушали мечтательныхъ и богопротивныхъ ихъ доказательствъ, но проходили, оглядываясь на нихъ съ презрѣніемъ, во внутренность храма. Съ сими послѣдними вошелъ и я и, имѣя покорное сердце къ Существу непостижимому для разума человѣческаго, безднами заблужденія окруженнаго, со слезами просилъ его, дабы обратилъ на путь истинный заблудшихъ моихъ согражданъ. Отсюда пошелъ я во слѣдъ за незнакомымъ старикомъ, который, идучи тихо ворчалъ про себя слѣдующее:—Неужели и во всѣхъ государствахъ такіе произрастаютъ отъ наукъ плоды?—Никакъ!—Науки приносятъ обществу великія пользы и связываютъ его самыми крѣпкими узами здраваго разсудка: они учатъ жить добродѣтельно и Богу достодолжное воздавать почтеніе; а что люди, не изслѣдовавъ еще совершенно и того, что всегда у нихъ въ глазахъ, желаютъ знать и сокрытое черною завѣсою отъ слабаго ихъ зрѣнія, тому причиною собственное ихъ безуміе. Такъ, подлинно такъ, продолжалъ онъ, и этой заразы ничѣмъ другимъ предупредить не можно, какъ только частымъ напоминаніемъ молодымъ людямъ того, что кто Бога забываетъ, тотъ вѣрно навлекаетъ на себя праведный его гнѣвъ" (стр. 280—281).

Приведенныя цитаты довольно полно и достаточно ясно выражаютъ общественные и нравственные взгляды Новикова въ эту первую пору. Содержаніе этихъ взглядовъ уже теперь составляютъ вражда къ свѣтской пустотѣ, т. е. отсутствію нравственныхъ интересовъ, пламенное стремленіе къ исправленію общественной несправедливости (и именно къ улучшенію быта крестьянъ), къ разсѣянію „предразсужденій" посредствомъ воспитанія и книгъ, крайняя вражда къ французской философіи, мало, впрочемъ, понимаемой, но

[1]) Стр. 129—131.

вмѣстѣ и недовольство духовными учителями, неумѣвшими исполнять своей обязанности. Однимъ словомъ, это была съ самаго начала религіозно-гуманная или филантропическая точка зрѣнія, и ей онъ остался вѣренъ до конца. По самому характеру этого человѣка, всѣ эти вопросы становились для него жизненнымъ дѣломъ, а не пустымъ литературнымъ хвастовствомъ или дешевой сатирой,—какъ это слишкомъ часто бывало у его современниковъ. Къ этимъ первоначальнымъ понятіямъ могли привести Новикова его собственная чистая натура и вліяніе идей, уже проникавшихъ въ нашу литературу изъ европейскаго настроенія: если въ литературѣ и въ самыхъ оффиціальныхъ актахъ говорилось уже о благодѣтельности наукъ, о возвышеніи человѣческаго достоинства образованіемъ, объ улучшеніи нравовъ и искорененіи невѣжества, то честно думающій человѣкъ легко могъ вывести изъ этого заключенія, какія мы видимъ въ понятіяхъ Новикова. Отсюда его борьба противъ общественной несправедливости, невѣжества и „предразсужденій“. При этомъ онъ не могъ не видѣть всей нелѣпости моднаго образованія на французскій ладъ, которое, кромѣ немногихъ исключеній, конечно было пародіей настоящаго образованія; но, не владѣя хорошенько понятіями этого образованія и будучи самъ человѣкомъ патріархальнаго воспитанія, онъ былъ не въ силахъ понять его настоящаго смысла, и, обличая модныхъ франтовъ, онъ смѣшалъ съ ними и новую французскую литературу, которая, по его мнѣнію, ихъ воспитывала. При своей недоступности для него и при сильномъ противорѣчіи его традиціоннымъ убѣжденіямъ, французская литература и ея идеи легко могли представиться ему чѣмъ-то въ родѣ превышенія власти со стороны разума, выходомъ изъ должнаго повиновенія, легкомысліемъ или дерзостью: изъ того, что онъ слышалъ о французской философіи, Новиковъ заключалъ, что она безбожна, а онъ отличался искренней религіозностью; въ ней представлялся ему одинъ грубый матеріализмъ, когда онъ самъ искалъ возвышеннаго религіозно-нравственнаго идеала.

Въ этомъ исканіи и заключается объясненіе его внутренняго развитія. Человѣкъ, отдавшійся подобной идеѣ, естественно становился сатирикомъ въ своемъ отношеніи къ общественной дѣйствительности и мистикомъ, когда ему

надо было рѣшать внутренніе личные вопросы. Новиковъ былъ и тѣмъ и другимъ безъ всякой „перемѣны направленія“.

Какъ человѣкъ патріархальный, какъ человѣкъ положительно незнакомый съ лучшими успѣхами тогдашняго знанія и неприготовленный къ принятію научныхъ истинъ, онъ долженъ былъ искать идеала мистическаго; онъ не способенъ былъ ни къ модному невѣрію или индифферентизму, потому что искалъ нравственнаго удовлетворенія, а для невѣрія не видѣлъ и достаточныхъ основаній; съ другой стороны его не удовлетворялъ и корреспондентъ его Тарасій,—и потому съ этой стороны онъ былъ вполнѣ открытъ новымъ вліяніямъ, которыя могли затронуть бы въ немъ эту струну. Такія вліянія явились, и онъ сдѣлался масономъ.

Масонство, прежде всего, давало ему мистическую религіозность, которая казалась ему широкой, потому что открывала далекія перспективы знаній таинственныхъ и оттого еще особенно привлекательныхъ,—и вмѣстѣ нравственный кодексъ, отвѣчавшій его давнишнимъ стремленіямъ: эта новая религіозность казалась ему выше традиціонныхъ понятій и нравовъ; а въ нравственномъ кодексѣ масонства онъ именно встрѣчалъ уваженіе къ человѣческому достоинству, взаимную любовь и помощь, призывы къ совершенствованію и освобожденіе отъ мелочей и грязи жизни. То „истинное“ масонство, которому Новиковъ хотѣлъ собственно слѣдовать, удовлетворяло его и тѣмъ, что совершенно отстраняловсякіе политическіе вопросы, отъ которыхъ онъ положительно уклонялся; религіозная терпимость масонства оставляла ему спокойную совѣсть относительно его православныхъ обязательствъ и, вѣроятно, казалась ему вещью, достойной возвышеннаго значенія религіи; національная и сословная терпимость ордена, нравственная равноправность людей была дѣломъ просвѣщенныхъ понятій, къ которымъ онъ издавна былъ склоненъ,—вспомнимъ, напримѣръ, его обращенія къ автору комедіи: „О время“ и его постоянную мысль объ угнетенныхъ классахъ. Наконецъ, онъ находилъ въ масонствѣ и подтвержденіе своихъ враждебныхъ отношеній къ свободному мышленію: религіозность масонскихъ ложъ, уже въ самомъ началѣ оттѣненная мистицизмомъ, въ его время уже сильно заражена была мистическими элементами; ретроградныя политическія ин-

триги, овладѣвавшія орденомъ, оставляли ретроградный слѣдъ и въ самыхъ теоретическихъ воззрѣніяхъ масонства, и въ этой формѣ масонство становилось положительно враждебно просвѣтительнымъ стремленіямъ: таковъ былъ мартинизмъ и, всего больше, розенкрейцерство; въ меньшей степени, таковы же были и всѣ предшествовавшія мистическія формы масонства, съ которыми былъ знакомъ Новиковъ,—и потому онъ былъ удовлетворенъ масонствомъ и съ этой стороны.

Такимъ образомъ, вступленіе въ орденъ не было для Новикова отказомъ ни отъ какого изъ основныхъ его убѣжденій; скорѣе напротивъ, это было полное завершеніе ихъ, утвержденіе ихъ въ прочное, положительное ученіе. Ново было здѣсь только то, что масонство выводило его на опредѣленную общественную дѣятельность, гдѣ онъ съ рѣшимостью, какой не было у другихъ, взялъ на себя инициативу дѣла.

Новиковъ въ первый разъ вошелъ въ ложу еще въ 1775 году. Съ этого времени его издательская дѣятельность (журналъ „Утренній Свѣтъ“) принимаетъ мистическо-религіозный характеръ, и онъ начинаетъ свое филантропическое поприще основаніемъ двухъ училищъ для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. Въ началѣ 1779 года, убѣжденный своими московскими друзьями-масонами, кн. Трубецкимъ и Херасковымъ, онъ переселяется въ Москву, гдѣ Херасковъ, одинъ изъ кураторовъ университета, предложилъ ему снять университетскую типографію. Новиковъ дѣйствительно снялъ ее, и съ того же года началась его московская издательская дѣятельность, которая уже вскорѣ приняла весьма обширные размѣры, въ русской литературѣ еще невиданные до тѣхъ поръ, и была рѣшительно проникнута масонскими тенденціями. Въ то же время Новиковъ встрѣтился съ Шварцемъ. Это была одна изъ самыхъ привлекательныхъ и интересныхъ личностей всего русскаго масонства,—сильный мистикъ, но еще болѣе, кажется, энергическій филантропъ и ревнитель просвѣщенія; правда, Шварцъ также понималъ просвѣщеніе въ мистическомъ смыслѣ, но онъ отличался отъ Новикова и другихъ своихъ друзей элементомъ ученаго образованія, который, безъ сомнѣнія, и сообщалъ въ значительной степени Дружескому Обществу его лучшія просвѣтительныя

черты. Новые друзья стали дѣйствовать въ одномъ направленіи и для одной цѣли: нѣкоторая разница въ понятіяхъ и, можетъ быть, также во взглядахъ на формы масонскаго мистицизма не мѣшала ихъ дружной дѣятельности. Шварцъ, вѣроятно, не безъ ближайшаго содѣйствія Новикова, основываетъ учительскую или Педагогическую семинарію, которая, между прочимъ, приготовляла и литературныхъ исполнителей для масонскихъ изданій. Рядомъ съ этимъ, начинаются и неблагопріятныя обстоятельства и предзнаменованія: императрица Екатерина уже находила въ масонскихъ дѣлахъ поводы къ неудовольствію и подозрѣніямъ,—но на первое время московскій кружокъ стоялъ еще внѣ этихъ подозрѣній и продолжалъ свои предпріятія. Въ началѣ 1781 года масонскій кружокъ основалъ въ Москвѣ Дружеское Ученое Общество: это были, прежде всего, Новиковъ и Шварцъ, затѣмъ двое князей Трубецкихъ, кн. Черкасскій, Херасковъ, Татищевъ, Чулковъ, Тургеневъ, Кутузовъ и братъ Новикова; впослѣдствіи сюда вошли всѣ дѣятельные московскіе масоны. Въ слѣдующемъ году Дружеское Общество открыто было оффиціально и публично, съ разрѣшенія московскаго главнокомандующаго, гр. Чернышева, и съ благословенія митрополита Платона. Къ прежнимъ учрежденіямъ прибавилась Переводческая семинарія при университетѣ, служившая для переводныхъ масонскихъ изданій Новикова. Гр. Чернышевъ, самъ не чуждый масонства, былъ расположенъ къ людямъ и предпріятіямъ этого кружка очень благосклонно. Засѣданія общества происходили публично и привлекали многочисленныхъ посѣтителей; общество мало-по-малу расширяло кругъ своихъ дѣйствій. Поѣздка Шварца за границу (1781—82 г.г.) и сношенія съ нѣмецкими масонскими центрами, доставляли московскому масонству этого кружка самостоятельное положеніе орденской провинціи, что, при настроеніи кружка, дало ему еще больше нравственной увѣренности. Прежнія исканія русскаго масонства не приводили къ желанному результату: ни Елагинская, ни шведская система кн. Гагарина не могли установить прочности масонскаго ученія и учрежденій. Теперь московскіе ревнители думали, что нашли источникъ тайнъ, верховныхъ учителей и начальниковъ „ордена“. Это еще усилило ихъ увѣренность и предпріимчивость.

Указъ 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ доставилъ имъ новыя средства: Новиковъ стѣснялся пользоваться университетской типографіей для своихъ чисто масонскихъ изданій, а потому, тотчасъ послѣ указа, основаны были двѣ частныя типографіи Новиковымъ и Лопухинымъ, откуда, главнымъ образомъ, и выходили спеціально масонскія изданія. Къ этому они присоединили еще тайную типографію, гдѣ издано было нѣсколько, впрочемъ, немного, книгъ, которыя предназначались, собственно, для избраннаго масонскаго кружка и которыя впослѣдствіи послужили однимъ изъ главныхъ формальныхъ обвиненій противъ Новикова.

Въ началѣ 1784 г. умеръ профессоръ Шварцъ, еще молодымъ человѣкомъ, 33 лѣтъ. Это была существенная потеря для масонскаго дѣла, потому что Шварцъ былъ чрезвычайно ревностный, вѣроятно, самый талантливый и, навѣрное, самый ученый изъ всего Дружескаго Общества. Но дѣла Общества продолжали процвѣтать. Рядомъ съ Дружескимъ Обществомъ появляется и, мало - по - малу, замѣняетъ его, Типографическая Компанія, учрежденная въ 1784 году формальнымъ образомъ между главными членами московскаго масонства, въ видѣ коммерческаго предпріятія, въ средства котораго вошли капиталы, внесенные разными членами (до 60.000 руб.) и также цѣлый огромный запасъ изданій Новикова. Въ то же время поддерживались разныя филантропическія заведенія кружка, школы, больницы и т. п.

Съ 1785 г. стали обнаруживаться неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства. Чернышевъ умеръ; мѣсто его, въ званіи главнокомандующаго, занялъ Брюсъ, человѣкъ суровый и мало расположенный къ филантропіи. Какъ бываетъ очень часто, Брюсъ сталъ дѣйствовать наперекоръ тому, что дѣлалъ его предшественникъ, и началъ притѣснять масоновъ, — или мартинистовъ, какъ ихъ тогда чаще (хотя, какъ увидимъ, невѣрно) называли, —которымъ Чернышевъ покровительствовалъ. Около этого времени въ Баваріи поднятъ былъ іезуитами процессъ противъ появившагося тогда ордена иллюминатовъ, и преслѣдованіе этого ордена (такого же тайнаго, какъ масонство, но задуманнаго въ просвѣтительномъ смыслѣ и потому ославленнаго масонскими іезуитами нѣмецкихъ ложъ за разбойничій вертепъ), о которомъ

тогда много говорили, вѣроятно, не мало содѣйствовало успѣху наговоровъ Брюса и другихъ недоброжелателей московскаго масонства, —хотя эти московскіе масоны были, по своимъ политическимъ понятіямъ, совершенные агнцы, и иллюминатовъ считали злодѣями рода человѣческаго и своего ордена. У насъ этого не понимали или не хотѣли понимать. Одно обстоятельство въ особенности повредило московскому кружку. Императрица стала подозрѣвать московскихъ масоновъ въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, который, какъ было извѣстно, имѣлъ расположеніе къ масонскому ордену. На дѣлѣ, эти сношенія были рѣдки, и ограничивались, кажется, поднесеніемъ великому князю двухъ-трехъ масонскихъ изданій умозрительно-мистическаго содержанія. Но, какъ бы то ни было, со второй половины 1785 года начинаются все болѣе и болѣе возрастающія строгости противъ „мартинистовъ“.

Главнѣйшіе факты этого преслѣдованія были слѣдующіе. Въ 1785 г. велѣно было Брюсу составить роспись книгамъ, изданнымъ у Новикова, а митрополиту Платону „испытать Новикова въ законѣ Божіемъ“ и разсмотрѣть новиковскія изданія. Отзывъ Платона (январь, 1786) говорилъ съ высокимъ уваженіемъ о христіанскихъ качествахъ Новикова и одобрялъ почти всѣ книги, изданныя Новиковымъ, — (преимущественно религіозно-нравственныя, въ числѣ которыхъ были и сочиненія самого Платона)—Платонъ отозвался непониманіемъ масонско-мистическихъ книгъ, и сильно осуждалъ нѣсколько сочиненій, „гнусныя и юродивыя порожденія энциклопедистовъ“, которыя вышли также въ числѣ другихъ изъ типографіи Новикова, и потомъ, однако, не были поставлены ему въ вину [1]). Впрочемъ, обвиненіе было уже высказано впередъ въ новомъ указѣ (отъ 23 января 1786 г.), присланномъ еще до полученія донесеній Платона, гдѣ повелѣвалось объявить Новикову, что типографіи заведены для печатанія полезныхъ книгъ, а не сочиненій, „наполненныхъ новымъ расколомъ (т. е. масонствомъ) для обмана и уловленія невѣждъ“; въ другомъ указѣ, присланномъ отъ того же 23 января, повелѣвалось также имѣть надзоръ за

[1]) Ср. Лонгинъ., стр. 035—036. Списокъ книгъ, показавшихся „сумнительными“ и опасными митр. Платону, весьма достопримѣчателенъ.

школами и осмотрѣть больницу, заведенную въ Москвѣ людьми, составляющими „скопище извѣстнаго новаго раскола". Въ томъ же 1786 г., является новая мѣра, хотя и общая, но, главнымъ образомъ, направленная противъ Новикова; велѣно было отобрать изъ книжныхъ лавокъ всѣ книги, „до святости (т. е. до религіи) касающіяся" и напечатанныя не въ синодальной типографіи. Самая крупная цифра книгъ, отобранныхъ по этому указу, приходилась на долю новиковскихъ изданій; многое, вѣроятно, было сожжено: впрочемъ, важнѣйшія изъ масонскихъ книгъ, изданныхъ въ тайной типографіи, уцѣлѣли отъ обоихъ осмотровъ; отъ перваго они ускользнули, потому что были спрятаны особо, а затѣмъ онѣ были перевезены въ деревню князя Черкасскаго. Этотъ послѣдній ударъ былъ опять очень тяжелъ; онъ, уже окончательно, отнималъ у масоновъ возможность продолжать свое дѣло въ прежнемъ направленіи: книги религіозныя или касавшіяся до „святости" составляли главный отдѣлъ въ ихъ изданіяхъ и главное средство для распространенія дорогихъ имъ мистическихъ идей. Но Типографическая Компанія не могла бросить книжныхъ предпріятій: они были начаты слишкомъ широко, интересы были слишкомъ далеко заведены и спутаны, чтобы можно было ликвидировать дѣла, — тѣмъ болѣе еще, что ликвидація должна была быть крайне убыточной, когда предпріятіе главнымъ образомъ держалось именно тѣмъ, что стало теперь чистой невозможностью. Такимъ образомъ, дѣло продолжалось. Новиковъ, въ 1788—89 г., жилъ уже почти постоянно въ своей деревнѣ, но все еще управлялъ дѣлами Компаніи, и послѣ мѣропріятія 1787 г. опять обратился къ тѣмъ историческимъ и археологическимъ изданіямъ, какія были первымъ предметомъ его издательскихъ предпріятій. Въ этой новой исторической серіи является второе, значительно распространенное изданіе „Виѳліоѳики", „Дѣянія Петра Великаго" Голикова, „Лѣтопись о мятежахъ", и пр., изданія, которыя еще до недавняго времени были необходимыми книгами для людей, занимавшихся русскою исторіей. Въ 1788 г., вѣроятно, по какимъ-нибудь новымъ доносамъ на Новикова, императрица запретила вновь отдавать ему университетскую типографію по истеченіи срока его аренды въ 1789 году. Эта новая аренда, конечно, и не состоялась:

Новиковъ простился со своими читателями въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и кончилъ дѣла съ университетомъ. Недолго продолжалась и Типографическая Компанія. Обстоятельства становились все тяжелѣе; событія французской революціи отразились паникой и при русскомъ дворѣ, какъ намъ ни странно теперь читать, что въ то время въ Россіи могли быть какія-нибудь опасенія подобнаго рода. Но тутъ же случилось „дѣло Радищева",—какъ извѣстно, совершенно одинокаго мечтателя, который былъ простосердеченъ до того, что находилъ въ это время возможнымъ печатать книгу вродѣ своего „Путешествія". Императрица сочла его за „мартиниста", тогда какъ это былъ человѣкъ, образовавшійся по просвѣтительной литературѣ того времени. Въ Москву назначенъ былъ между тѣмъ новый главнокомандующій Прозоровскій, старый фрунтовой генералъ, видѣвшій всю политическую мудрость въ строжайшей дисциплинѣ, человѣкъ надменный по характеру, ограниченный по уму и плохо образованный, о назначеніи котораго Потемкинъ писалъ императрицѣ такъ: „Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества" [1]). Нечего и говорить, что опять это былъ недругъ масонскаго кружка. Новиковъ и его друзья остались безъ покровителей: прежніе сотрудники императрицы, свидѣтели лучшихъ лѣтъ ея царствованія, Панины, Чернышевъ, Бибиковъ, гр. Орловъ, Тепловъ, Олсуфьевъ, и др. уже не существовали въ это время, и общество Новикова не могло имѣть съ этой стороны помощи, какую могло бы имѣть прежде. Въ 1791 г. Типографическая Компанія, наконецъ, закрылась подъ давленіемъ обстоятельствъ, за невозможностью дѣлать что-нибудь при столь неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ и подъ тяжелыми и крайне несправедливыми подозрѣніями. Въ этомъ году императрица уже думала объ арестѣ Новикова и послала въ Москву графа Безбородко изслѣдовать положеніе дѣла, давъ ему полномочіе арестовать Новикова, если найдетъ къ этому основаніе. Безбородко, очевидно, не же-

[1]) Лонгин., стр. 301.

лалъ брать на себя дѣло, казавшееся ему несправедливымъ, и не воспользовался своимъ полномочіемъ, къ большой досадѣ Прозоровскаго. Но это не надолго отсрочило развязку. Въ 1792 г. она совершилась. Назначено было слѣдствіе о дѣйствіяхъ Новикова и его товарищей: онъ былъ внезапно арестованъ и вскорѣ отправленъ подъ конвоемъ въ Шлиссельбургъ, на допросы къ Шешковскому; его захваченныя бумаги разбиралъ въ Москвѣ кн. Прозоровскій, и важнѣйшее изъ нихъ отослалъ въ Петербургъ. Въ бумагахъ нашелся документъ, рѣшившій судьбу Новикова: это была записка извѣстнаго тогда архитектора Баженова о разговорахъ его съ в. кн. Павломъ Петровичемъ, къ которому онъ былъ нѣсколько близокъ. Баженовъ, который былъ въ связяхъ съ Новиковскимъ кружкомъ, раза два-три представлялъ в. князю нѣсколько масонскихъ изданій, что было обыкновеннымъ подношеніемъ для пріобрѣтенія нѣкоторой благосклонности, и притомъ выполняемымъ съ великой осторожностью, конечно, по извѣстнымъ отношеніямъ императрицы къ вел. князю. Баженовъ передавалъ въ особыхъ запискахъ свои разговоры съ Павломъ Петровичемъ и, повидимому, сильно прикрашивалъ ихъ въ смыслѣ масонскихъ желаній. Но въ послѣдній разъ (это былъ, кажется, третій) в. князь отозвался даже о масонахъ очень недружелюбно. По всему судя, разговоры были совершенно незначительные, и когда императрица, получивъ записку Баженова (переписанную и слегка исправленную или сокращенную въ копіи), показала ее Павлу Петровичу, ему легко было отклонить всякое подозрѣніе о какихъ-нибудь связяхъ съ „мартинистами“ одной коротенькой, пренебрежительной запиской, которою Екатерина, повидимому, совершенно убѣдилась [1]). Но времена были таковы, что легкой тѣни подозрѣнія, что масоны желали завлечь въ свой кругъ великаго князя, было довольно, чтобы видѣть въ Новиковѣ величайшаго преступника, мало того, чтобы онъ самъ, со всякими заклятіями, также призналъ себя такимъ преступникомъ. Онъ безъ суда былъ заключенъ на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; при немъ позволено было

[1]) Показаніе Новикова на 21-й вопросный пунктъ, въ Сборн. Русск. Истор. Общ., II, 117—123. Пекар. Дополн., стр. 134.

находиться только одному изъ его молодыхъ друзей. Это было въ 1792 г. Книги, захваченныя у Новикова, подверглись новымъ пересмотрамъ, результатомъ которыхъ было то, что изъ принадлежавшихъ ему книгъ 1964 отданы были въ Духовную Академію, 5194 — въ университетъ, а 18656— было сожжено [1]). Но въ 1796 году воцарился Павелъ I, и Новиковъ былъ тотчасъ освобожденъ. Онъ прожилъ еще въ своемъ деревенскомъ уединеніи до 1818 года и умеръ 74 лѣтъ.

Таковы общія черты этой исторіи. Мы сообщимъ дальше нѣкоторыя подробности „дѣла Новикова“, которое составляетъ такой печальный и, къ сожалѣнію, такой характеристическій эпизодъ въ исторіи русскаго образованія.

Въ изслѣдованіи о подобномъ предметѣ передъ нами являются вопросы: какимъ образомъ въ русскомъ обществѣ, столь мало развитомъ и только что разбуженномъ реформой, еще съ половины прошлаго столѣтія могло начаться движеніе, которое пріобрѣтаетъ при Новиковѣ такіе обширные размѣры? Какой былъ смыслъ этого движенія, что привлекало къ нему людей русскаго общества и привязывало къ нему? Какіе были его результаты и какіе могли бы явиться еще, если бы оно не было прервано? Вообще, къ какому роду общественной дѣятельности принадлежали стремленія Новикова и были ли они, въ цѣломъ, полезны или вредны?

Это—существенные вопросы, на которыхъ долженъ остановиться изслѣдователь, желающій опредѣлить значеніе Новикова и примкнувшаго къ нему общественнаго кружка. Мы привыкли уважать имя Новикова, несомнѣнно и заслуживающее большого уваженія, но исторически мы еще не опредѣлили, въ чемъ же состоитъ заслуга Новикова, гдѣ ея сущность и гдѣ ея границы, потому что она имѣетъ свои очень необходимыя границы. Принципъ, которому служилъ Новиковъ, нельзя принимать на слово: этимъ принципомъ, въ концѣ концовъ, сталъ мистицизмъ. Онъ имѣлъ у насъ свою благопріятную сторону въ литературныхъ и филантропическихъ трудахъ Новикова и свою зловредную и позорную сторону въ подвигахъ Магницкаго и ему подоб-

[1]) Лѣтоп. Тихонр., V, II, стр. 10.

ныхъ: самая дѣятельность Новикова имѣла стороны, гдѣ она перестаетъ внушать сочувствіе и дальнѣйшее развитіе которыхъ могло уклонить на вредную дорогу наше общественное образованіе. Далѣе, извѣстные вкусы и понятія, когда они доходятъ до размѣровъ общественнаго направленія, какъ это было въ масонствѣ Новиковскаго кружка, не могутъ быть приписываемы ни модѣ, ни личному вліянію одного человѣка, увлекающаго другихъ своею энергіею и талантомъ: для того, чтобы образовалось такое направленіе, нужны болѣе обширныя причины, нужно, чтобы общественное настроеніе было къ нему способно, могло дать ему пищу и опору. Такимъ образомъ, вопросъ о Новиковѣ, какъ замѣчательнѣйшемъ представителѣ масонскаго движенія въ его время, сводится къ цѣлому вопросу о состояніи русскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка.

Новиковъ, убѣжденный своими друзьями, вступилъ въ масонство въ 1775 году, въ одну изъ петербургскихъ ложъ Елагинской системы. Къ этой порѣ особеннаго оживленія русскаго масонства оно стало больше и больше вступать въ отношенія съ нѣмецкими ложами и, наконецъ, къ тому времени, когда начинается ревностная масонская дѣятельность Новикова, оно окончательно подпало нѣмецкимъ вліяніямъ, и усвоило себѣ тѣ крайности масонскихъ тайноученій, которыя господствовали въ то время въ нѣмецкихъ ложахъ. Мы постараемся дальше показать, что это происходило очень послѣдовательно. Какъ скоро наши масоны стали на дорогу таинственныхъ ученій, они, естественно, должны были стремиться къ тому, чтобы сколько можно полнѣе овладѣть этими ученіями. Сношенія съ англійскими ложами были рѣдки, да и мало удовлетворяли нашихъ масоновъ по части мистическихъ секретовъ; между тѣмъ, до нихъ доходили слухи о другихъ „системахъ“, будто бы обладающихъ глубокими тайными знаніями. Это еще больше раздражало возбужденное воображеніе, и у нашихъ масоновъ являлось понятное желаніе опредѣлить свое положеніе между этими различными системами и выбрать себѣ между ними наиболѣе надежное руководство. По мѣрѣ того, какъ усиливались ихъ ожиданія, возрастали въ нихъ довѣрчивость и легковѣріе, и, наконецъ, они остановились на той формѣ масонства, которая съ наибольшимъ мистическимъ

фанатизмомъ или съ наибольшею наглостію выдавала ихъ за непреложную и единственную истину.

Новиковъ не удовлетворялся Елагинскими ложами, въ которыхъ было мало ученія, былъ предубѣжденъ противъ „строгаго наблюденія“, которому приписывались скрытыя политическія цѣли,—при его основаніи и дѣйствительно существовавшія. Но эта осторожность не избавила Новикова отъ заблужденій другого рода. Въ Москвѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1779 г., Новиковъ, послѣ новыхъ исканій масонской тайны и новыхъ недоумѣній и волненій, сдѣлался, наконецъ, розенкрейцеромъ, — послѣдователемъ одной изъ самыхъ шарлатанскихъ и нелѣпыхъ системъ нѣмецкаго масонства. Это розенкрейцерство и наполнило всѣ самые дѣятельные годы его, весь московскій періодъ его жизни, и Новиковъ остался, кажется, ему вѣренъ до послѣднихъ дней.

Въ наше время не трудно видѣть, гдѣ было больше правды, какое изъ двухъ направленій тогдашней мысли ближе подходило къ истиннымъ путямъ человѣческаго развитія,—идеи тогдашняго „просвѣщенія“ (какъ ни были онѣ преувеличенны) или необузданное фантазерство и обскурантизмъ мистиковъ. Новиковъ впалъ въ печальное и вредное заблужденіе, но мы знаемъ его, однако, за человѣка, глубоко преданнаго интересамъ человѣческой мысли, и потому его заблужденіе становится знакомъ времени, тѣмъ болѣе, что это заблужденіе раздѣляли и много другихъ людей, достойныхъ уваженія по своимъ нравственнымъ качествамъ. Масонство было для этихъ людей исканіемъ тайнъ о божествѣ, природѣ и человѣкѣ, и его успѣхъ показываетъ какъ то, что въ обществѣ дѣйствительно были пламенныя стремленія къ разрѣшенію представлявшихся ему нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, такъ и полную безпомощность этихъ людей.—Роль нашего масонства была особенно печальна въ этомъ отношеніи. Въ Англіи насъ всего меньше поражаетъ эта несообразность средневѣковаго фантастическаго братства среди XVIII-го вѣка, послѣ Бэкона, Ньютона, Локка, Толанда и другихъ свободныхъ мыслителей: англійское масонство было своимъ, туземнымъ произведеніемъ, держалось въ жизни на тѣхъ же правахъ, на какихъ держится въ Англіи столько другихъ остатковъ отъ среднихъ вѣковъ, и притомъ, главное,

оживлено было новыми религіозно-нравственными воззрѣніями. Во Франціи и Германіи орденъ былъ поставленъ уже иначе; но въ Германіи онъ нашелъ, однако, подготовленную почву и могъ установиться, хотя и получилъ новую окраску и едва ли не въ большинствѣ понизился въ уровнѣ своихъ первоначальныхъ идей. Правда, здѣсь начинаются уже нелѣпыя и вредныя злоупотребленія мистицизма, доходившія до сумасбродства, но, съ другой стороны, эти вещи имѣли свой противовѣсъ въ разумномъ прогрессѣ. Во Франціи масонская мистика никогда не поднималась до сильнаго вліянія въ обществѣ; въ Германіи, которая оказала наиболѣе сильное вліяніе на броженіе умовъ въ Россіи, рядомъ съ крайностями піэтизма и мистическаго масонства, уже дѣйствовали раціоналисты и „просвѣтители"; начинали свое поприще Шиллеръ и Гёте, полагались основанія Кантовой философіи. Даже оставаясь въ чисто масонской средѣ, наши масоны, если бы были нѣсколько серьезны, уже и въ то время могли бы найти себѣ лучшихъ руководителей; потому что къ періоду 1780—90-хъ годовъ, въ Германіи, въ самыхъ ложахъ и въ масонской литературѣ, уже развилась сильная реакція противъ мистическаго обскурантизма. Въ 1778 г., Лессингъ издалъ свои замѣчательныя „Разговоры для масоновъ" (Gespräche für Freimaurer), гдѣ онъ думалъ осмыслить масонство широкой идеей о служеніи дѣлу общаго счастья, идеей терпимости и братскаго облегченія общественныхъ тягостей и неравенствъ. Въ то же время обнаруживается различнымъ образомъ стремленіе къ совершенному преобразованію искажавшагося „ордена": къ періоду 1780—90 г.г. относятся и попытки иллюминатовъ, усилія Николаи, Боде, литературная и масонская дѣятельность Гердера, стремленія Эклектическаго Союза; въ концѣ столѣтія начинаются и реформаторскіе труды Шрёдера, Фесслера, вскорѣ начинаются и научныя историческія попытки разъясненія масонства.

Совсѣмъ иное положеніе было у насъ: образованіе еще только дѣлало свои первые шаги, и люди, искавшіе разрѣшенія своихъ нравственныхъ недоумѣній, впадали въ мистицизмъ, даже не имѣя почти возможности выбора, и никакого критеріума, по которому они могли бы установить свои понятія. И мы едва ли, напр., имѣемъ большое право обви-

нять Новикова за то, что онъ, повидимому, такъ легко обошелся безъ критики: эта критика не всякому была по силамъ, для нея требовалась извѣстная подготовленность мысли, извѣстная степень настоящихъ знаній, а отсутствіе этихъ знаній было общимъ свойствомъ и недостаткомъ цѣлаго времени. Гдѣ было Новикову учиться у раціоналистовъ или у Лессинга, когда эти раціоналисты, этотъ Лессингъ и до сихъ поръ недоступны вполнѣ русской литературѣ; когда въ самомъ образованномъ классѣ нашего общества до сихъ поръ, — черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Новикову приходилось принимать свое рѣшеніе, —большинство не въ силахъ уразумѣть точки зрѣнія Лессинга? Но все-таки, скажутъ на это, Новиковъ былъ черезъ мѣру легкомысленъ и легковѣренъ, когда довѣрялся розенкрейцерству, которое, кромѣ обскурантизма, рекомендовало еще только безсмысленную алхимію, добываніе философскаго камня и прочій кабалистическій вздоръ, о которомъ странно говорить... Но припадки подобнаго легкомыслія были болѣзнью вѣка. Это было время европейской знаменитости графа Сенъ-Жермена, Каліостро, іезуитскихъ чудотворцевъ, время Сенъ-Мартена, Сведенборга, масонскихъ вызывателей духовъ и проч., которые находили себѣ вѣру въ европейскомъ образованномъ обществѣ. Это легкомысліе мы встрѣтимъ и въ знаменитостяхъ тогдашняго литературнаго міра. Новиковъ могъ вѣрить въ алхимію и магію, когда Лафатеръ, европейская знаменитость, чудо философскаго глубокомыслія, передъ которымъ преклонялся образованный свѣтъ Европы, когда этотъ Лафатеръ вѣрилъ во всякій безсмысленный метафизическій вздоръ, вѣрилъ въ патера Гаснера и Каліостро, писалъ сантиментальныя посланія къ одному и говорилъ комплименты второму, который надъ нимъ же смѣялся. И однако же Лафатеръ имѣлъ передъ собой всѣ средства знанія и критики, и могъ бы научиться въ этихъ вещахъ здравому смыслу... Не забудемъ, наконецъ, другой стороны масонства, которая сохранялась въ его уставахъ при всѣхъ его отклоненіяхъ въ теософію и мистику: это—братская любовь къ людямъ. Между масонами были люди, искренно понимавшіе эту сторону своего ученія, способные къ глубокому убѣжденію, готовые служить общественному благу, — и для этихъ людей принципъ нравственнаго закона и чело-

вѣколюбія долженъ былъ получать особенную силу и могъ доставлять имъ полное нравственное удовлетвореніе. Новиковъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу этихъ убѣжденныхъ людей: таковы были и друзья его Шварцъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Тургеневъ и, вѣроятно, еще многіе другіе, о которыхъ мы мало знаемъ, чтобы сказать это о нихъ столь же утвердительно.

Исторія обращенія Новикова въ масонство, разсказанная имъ самимъ съ очевидной искренностью въ слѣдственныхъ показаніяхъ, представляетъ именно и эту безпомощность мысли и познаній, и горячее стремленіе узнать истину и настоящій путь къ полезной дѣятельности, а въ то же время и боязливыя опасенія навлечь какое-нибудь неудовольствіе властей. Онъ знаетъ свое время—и потому крайне опасается всего „политическаго“ и всячески отъ него удаляется, онъ радъ, когда узнаетъ, что въ „истинномъ“ масонствѣ дѣйствительно нѣтъ политическаго, что оно имѣетъ только нравственныя цѣли.

Вступая, наконецъ, въ масонство, онъ уступилъ убѣжденіямъ своихъ друзей, которые, по всей вѣроятности, желали имѣть его въ орденѣ, какъ человѣка умнаго и съ энергіей, который не остался бы только зрителемъ. Онъ сдѣлался членомъ общества въ ту смутную его пору, когда оно доискивалось источника знаній, которыхъ у него недоставало. Новиковъ колебался, и впослѣдствіи говоритъ о борьбѣ, которая тогда совершалась въ немъ: „Находясь на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество“ [1]), т. е. въ масонство. На него подѣйствовало то, что онъ слышалъ о возвышенныхъ цѣляхъ ордена, но все-таки онъ хотѣлъ сначала увѣриться въ дѣлѣ и вступилъ въ масонство только на условіяхъ: „чтобы не дѣлать никакой присяги и обязательства, чтобы мнѣ открыть три первые градуса наперед, и если я найду что противное совѣсти, то чтобы меня не считать въ числѣ масоновъ“ [2]), —что и было сдѣлано по его желанію. Вступивши

[1]) Лонгин. стр., 99.
[2]) Тамъ же, стр. 074.

въ орденъ, онъ, вѣроятно, нѣсколько успокоился относительно его смысла и цѣлей: вскорѣ онъ вошелъ окончательно въ дѣло и сталъ посѣщать ложи. Но тогдашнее положеніе масонства не удовлетворяло его: ложи производили на него такое же впечатлѣніе, какъ нѣкогда на Елагина, потому что „въ собраніяхъ почти играли масонствомъ, какъ игрушкою, ужинали и веселились, и хотя въ ложахъ и дѣлались изъясненія по градусамъ (т. е. смотря по разнымъ степенямъ масонства) на нравственность и самопознаніе, но они были весьма недостаточны и натянуты“ [1]). Неясность толкованій таинственнаго и высокаго предмета только раздражала любопытство. Новиковъ искренно желалъ „основать“ на чемъ-нибудь свое душевное спокойствіе, и вскорѣ онъ увлекается въ мудреные поиски за „истиннымъ“ масонствомъ. Понятно, что онъ долго его не находилъ, и что затронутая фантазія искала такихъ формъ масонства, въ которыхъ были бы признаки высшей мудрости; онъ дѣйствовалъ даже не безъ критики и отвергалъ многія системы, которыя имѣли успѣхъ въ русскомъ обществѣ. „Елагинская система“ не удовлетворяла его по ограниченности тайныхъ знаній; „стриктъ-обсерванскіе градусы“, т. е. тампліерство, казались ему подозрительны политически; французское масонство онъ считаетъ за „глупую игру и дурачество“;—но онъ слышитъ въ то же время, что тамъ-то есть „старое масонство“, и снова волнуется и ищетъ. Политическія тенденціи онъ отвергаетъ совершенно; онъ удаляется отъ „строгаго наблюденія“ и впослѣдствіи всѣми силами оберегается отъ иллюминатовъ, которые, по словамъ его, „суть истинные и злѣйшіе враги масонскаго ордена“ и могутъ почитаться „злодѣями человѣческаго рода“. Въ слѣдственныхъ отвѣтахъ Новикова остались, несомнѣнно, правдивыя черты его тогдашняго настроенія, когда онъ съ тревожною любознательностью искалъ разрѣшенія задачи: трогательныя черты этой внутренней борьбы странно поражаютъ насъ, когда мы вспомнимъ, въ какой обстановкѣ приходилось Новикову писать свои признанія, кто принималъ эти признанія, какъ писавшему приходилось сдерживать ощущенія, невольно имъ овла-

[1]) Лонгин., стр. 075.

дѣвавшія при воспоминаніяхъ, — чтобы не сказать лишняго слова... Вотъ, напримѣръ, разговоръ его съ упомянутымъ выше барономъ Рейхелемъ, отъ котораго Новиковъ, въ первое время своего масонства, доспрашивается сущности ордена: „Въ сіе время бывъ однажды у барона Рейхеля и разговаривая черезъ переводчика (Новиковъ не зналъ понѣмецки), не помню кто былъ, о всѣхъ раздѣленіяхъ и разныхъ партіяхъ въ масонствѣ, спросилъ я у него въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: Я не прошу васъ о вышнихъ градусахъ, ниже о изъясненіи масонства, потому что я рѣшился терпѣливо ожидать, упражняясь, сколько могу, въ нравственности, самопознаніи и исправленіи себя, но прошу васъ, дайте признакъ мнѣ такой, по которому я могъ бы безошибочно узнать истинное масонство отъ ложнаго, чтобы нехотя не зайти въ ложное; что я по сему признаку вѣрно слѣдовать буду, — но что ежели онъ мнѣ дастъ несправедливый, то онъ Богу отвѣтствовать будетъ. Подъ именемъ истиннаго масонства разумѣли мы то, которое ведетъ посредствомъ самопознанія и просвѣщенія къ нравственному исправленію кратчайшимъ путемъ, по стезямъ христіанскаго нравоученія; — и просилъ его о томъ со слезами. Онъ также со слезами сказалъ мнѣ, что онъ охотно это сдѣлаетъ и скажетъ вѣрно, и сказалъ: всякое масонство, имѣющее политическіе виды, есть ложное; и ежели ты примѣтишь хотя тѣнь политическихъ видовъ, связей и растверживанья словъ равенства и вольности, то почитай его ложнымъ. Но ежели увидишь, что чрезъ самопознаніе, строгое исправленіе самого себя, по стезямъ христіанскаго нравоученія, въ строгомъ смыслѣ, нераздѣльно ведущее; чуждое всякихъ политическихъ видовъ и союзовъ, пьянственныхъ пиршествъ и развратности нравовъ членовъ его; гдѣ говорятъ о вольности такой между масонами, что бы не быть покорену страстямъ и порокамъ, но владѣть оными, — такое масонство, или ужъ есть истинное, или ведетъ къ сысканію и полученію истиннаго; что истинное масонство есть, что оно весьма малочисленно, что они не стараются нахватывать членовъ, что они, по причинѣ великаго въ сіи времена распространенія ложныхъ масоновъ, весьма скрытны и пребываютъ въ тишинѣ: ложные масоны всего этого не любятъ. За сей совѣтъ готовъ я отвѣтствовать

предъ Богомъ“ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя представленія о масонствѣ, какъ нравственномъ совершенствованіи, какъ работѣ надъ исправленіемъ самого себя,—въ небольшомъ, тѣсномъ кругу и въ тайнѣ,—составляли существенную черту въ масонскихъ понятіяхъ Новикова, и что въ такомъ стремленіи его съ самаго начала и была причина его позднѣйшаго, такъ скоро имъ овладѣвшаго, увлеченія розенкрейцерствомъ. Около того же времени онъ встрѣчается съ княземъ Репнинымъ, такимъ же искателемъ масонской истины, и между ними происходитъ разговоръ того же рода. „Въ 1776 или седьмомъ году, въ бытность князя Петра Ивановича Репнина въ Петербургѣ (а знакомъ ему сдѣлался въ бытность мою на короткое время въ Москвѣ, кажется, чрезъ брата моего, и одинъ разъ обѣдалъ у князя Петра Ивановича Репнина и онъ меня очень обласкалъ), былъ я у него и по причинѣ его болѣзни и обѣдалъ у него одинъ: узнавъ, что я масонъ, онъ сказалъ, что и онъ масонъ, что онъ, въ разныхъ государствахъ бывши, искалъ масонства и что, не жалѣя денегъ, старался онъ доставать всевозможные градусы, но всегда находилъ лживые. Но, наконецъ, познакомился съ однимъ человѣкомъ,—а гдѣ, не сказалъ, — который далъ ему понятіе такое, что истинное масонство скрывается у истинныхъ розенкрейцеровъ, что ихъ весьма трудно найти, а вступленіе въ ихъ общество еще труднѣе, что у нихъ скрываются великія таинства; что ученіе ихъ просто и клонится къ познанію Бога, натуры и себя; что много ложныхъ обществъ, называющихся симъ именемъ, что много шарлатановъ и обманщиковъ называются симъ именемъ, и потому-то весьма трудно найти истинныхъ: и многое говоря, заключилъ, что счастливъ тотъ, кто найдетъ истинныхъ, а на сей конецъ хотѣлъ онъ познакомиться съ барономъ Рейхелемъ, чтобы узнать его. Я спросилъ его, что онъ нашелъ и вступилъ ли? На сіе онъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ объ нихъ хорошее понятіе, и хотѣлъ послѣ еще говорить, но не было случая“ [2]). Послѣ, въ 1782 году, такія же разсужденія съ Шварцемъ по поводу розенкрейцерства, которое Шварцъ предлагалъ при-

[1]) Лонгин., стр. 076.
[2]) Лонгин., стр. 077.

нять московскому кружку: — какой „предметъ“, т. е. цѣль этого ордена? Нѣтъ ли въ немъ чего противнаго христіанскому ученію или противъ государей и т. д.

Розенкрейцерство было послѣднимъ пунктомъ, на которомъ остановился кружокъ Новикова, быть можетъ, не безъ вліянія разсказовъ князя Репнина, а главнымъ образомъ, по убѣжденіямъ Шварца. Въ глазахъ Новикова и его друзей, эта форма имѣла, вѣроятно, то преимущество передъ другими, что она не заявляла никакихъ прямыхъ политическихъ тенденцій, и что вмѣстѣ съ тѣмъ эта форма представляла обширный запасъ мистической фантастики.

Чѣмъ же могла быть общественная дѣятельность, построенная на подобныхъ основаніяхъ? Мы уже замѣчали, что успѣхъ нашего масонства, — въ свою самую дѣятельную пору вполнѣ мистическаго, — прежде всего обнаруживалъ безсиліе общества передъ инымъ, болѣе опредѣленнымъ и критическимъ рѣшеніемъ вопросовъ религіи, нравственности и общественной жизни. Мистицизмъ есть то же суевѣріе, какъ программа и общественное направленіе, быть можетъ, еще болѣе вредное, чѣмъ суевѣріе народной массы, потому что это — суевѣріе людей, считающихся образованными и, конечно, могущихъ быть такими. Какъ и суевѣріе, мистицизмъ неспособенъ стоять рядомъ съ положительной точной наукой, не выдерживаетъ ея критики и оттого инстинктивно боится науки и отвергаетъ ее. Такова и была, дѣйствительно, среда, въ которой мистическое масонство находило наибольшее число своихъ ревностныхъ адептовъ. Люди съ строгимъ логическимъ умомъ или владѣвшіе точными знаніями, не могли быть масонами мистическаго толка. Императрица Екатерина, по положительности своего ума, должна была не любить масонство, — хотя бы оно и не возбуждало въ ней политическихъ подозрѣній. Съ другой стороны, оно должно было быть популярно между умами, вышедшими изъ простого невѣжества, но еще мало воспитанными настоящей наукой. Условія русскаго общества XVIII-го вѣка вполнѣ способствовали успѣху подобнаго направленія. Образованность была еще слишкомъ слаба; единственный университетъ, основанный только въ 1755 году, едва выходилъ изъ размѣровъ средней школы; литературное вліяніе, въ смыслѣ просвѣщенія, ограничивалось небольшимъ кружкомъ

читающей публики, — и если при этомъ уровнѣ образованія въ обществѣ являлась уже нѣкоторая потребность вдумываться въ трудные вопросы о человѣкѣ и природѣ и зарождалась первая попытка нравственнаго самосознанія, то мистицизмъ довольно естественно представлялся той формой, въ которую могли уложиться эти стремленія. Образованіе наше было вообще заимствованное, и изъ тѣхъ различныхъ формъ и направленій, которыя къ намъ приходили изъ европейскаго источника, оно усвоивало болѣе или менѣе то, что соотвѣтствовало существующему уровню умственной зрѣлости, что было по вкусу и по силамъ. Такъ было и здѣсь. Когда эта форма была вывезена къ намъ изъ-за границы, она была принята прежде всего людьми того легкаго образованія, которое было тогда почти единственнымъ свѣтскимъ образованіемъ, но которое уже могло открывать возможность и болѣе серьезныхъ интересовъ. Но и здѣсь масонство было сначала всего больше только модной забавой и развлеченіемъ, „братья“ собирались въ „столовыя ложи“ для ужиновъ и пріятнаго препровожденія времени, и только у немногихъ является болѣе серьезное пониманіе дѣла. Еще нѣсколько лѣтъ, и эти люди ѣздятъ по Европѣ, „не жалѣютъ денегъ“ на розысканіе драгоцѣнной тайны и считаютъ „счастливымъ“ человѣка, которому удается найти ее. Этимъ людямъ, безъ сомнѣнія, искренно хотѣлось найти истину... Самъ Новиковъ не представляетъ исключенія изъ числа людей, которые искали истины въ масонствѣ, не имѣя возможности найти ее инымъ путемъ. Его собственное образованіе было скудно, онъ ограниченъ былъ въ своемъ чтеніи однѣми русскими книгами, которыя сто лѣтъ тому назадъ давали очень немного пищи и для ума, и для сердца; и нельзя не видѣть большого историческаго смысла въ его признаніи, что масонство явилось для него исходомъ „на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей“. Это была, слѣдовательно, первая популярная философія, какая была по силамъ для людей обиходнаго образованія въ половинѣ XVIII-го вѣка [1]). Естественно, что при тѣхъ умственныхъ

[1]) „Сохраняя въ глубинѣ души уваженіе къ религіи, внушенное ему съ дѣтства, — разсказываетъ біографъ Новикова, — онъ высказалъ, напримѣръ, по обыкновенію своему, независимое свое мнѣніе о Дидро, который посѣтилъ Петербургъ въ 1773 году и былъ въ большой модѣ

средствахъ, каковы были средства значительнаго большинства въ образованномъ классѣ, нельзя было бы и думать о болѣе глубокомъ и логическомъ направленіи. Для общества съ ограниченнымъ кругомъ образованія и чуждаго серьезной наукѣ, масонство было наиболѣе доступнымъ содержаніемъ изъ того, что представляли иностранные источники; оно и было принято.

Сообразно съ этими тѣсными размѣрами умственнаго развитія въ обществѣ, представлявшемъ среду для дѣятельности Новикова, и сообразно съ тѣми нравами, которые дѣлали общество безгласнымъ и безправнымъ при патріархально-деспотическомъ характерѣ жизни, были очень скромны и размѣры самой иниціативы. Дѣйствія Новикова были крайне осмотрительны, даже робки. Отдаваясь дѣлу искренно и готовясь трудиться для разъ принятаго принципа, онъ долго медлилъ этимъ принятіемъ, онъ опасливо осматривался, не нарушаетъ ли какихъ правилъ и запретовъ. Онъ видѣлъ, что какъ бы этотъ принципъ ни былъ невиненъ и безобиденъ въ этомъ смыслѣ (въ своихъ показаніяхъ онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что масонство есть не больше, какъ только „самосознаніе, строгое исправленіе самого себя, по стезямъ христіанскаго нравоученія"), онъ представлялъ въ русской жизни нѣчто новое и невиданное, къ чему отнеслись бы, на первый разъ, съ извѣстнымъ недовѣріемъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Новиковъ, дѣйствительно, считалъ принятое имъ ученіе только болѣе глубокимъ пониманіемъ и дѣятельнымъ выполненіемъ истинной, церковной нравственности, — приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ думали нѣмецкіе піэтисты, но только несравненно менѣе смѣло и послѣдовательно, чѣмъ они; и митрополитъ Платонъ, исполняя данное ему порученіе „испытать Новикова въ вѣрѣ", вѣроятно съ полной увѣренностью могъ

при дворѣ и въ обществѣ: „это умный французъ, да ему, какъ невѣрующему, вѣрить нельзя". (Лонгин. стр. 98). Не знаемъ, въ чемъ тутъ можно видѣть особую „независимость" мнѣнія,—какъ будто дѣло въ томъ, что человѣку надо разбирать, кому вѣрить, а не въ томъ, чтобы самому судить объ аргументахъ, и притомъ судить по самымъ свойствамъ аргументовъ, а не по свойствамъ человѣка, который ихъ предлагаетъ. Мнѣніе это показываетъ не столько „независимость" Новикова, сколько слабость его въ этихъ предметахъ.

написать въ своемъ донесеніи императрицѣ: „Молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ" [1]); но во всякомъ случаѣ, Новиковъ чувствовалъ, что его масонство вводитъ новый элементъ въ общественный обиходъ и отсюда его мелочная, бдительная и боязливая осторожность. Онъ былъ, повидимому, хорошо знакомъ съ русскою жизнью и зналъ, что существующіе нравы крайне непривычны къ подобнымъ вещамъ, что самый невинный принципъ, выставленный передъ обществомъ, какъ независимое личное убѣжденіе и какъ программа общественной дѣятельности, рискуетъ большими опасностями. Если, съ одной стороны, въ поискахъ за „истиннымъ масонствомъ" онъ ищетъ удовлетворенія самому себѣ, старается обезпечить важность своихъ личныхъ мнѣній, то съ другой онъ старается обезпечить себя и отъ упомянутыхъ опасностей, —онъ ожидалъ, что „истинное" масонство и въ этомъ отношеніи дастъ ему большую увѣренность. Почти тягостно читать въ его признаніяхъ разсказъ обо всѣхъ этихъ страхахъ и недоумѣніяхъ. Масонство была вещь, не запрещенная закономъ; уже давно было Новикову положительно извѣстно, что въ масонскихъ ложахъ собирается „не малое число знатнѣйшихъ особъ въ государствѣ", что главная ложа управляется „его высокопревосходительствомъ" Ив. Перф. Елагинымъ; друзья завѣряютъ его, что въ ложахъ не дѣлается ничего законопротивнаго,—но онъ, тѣмъ не менѣе, ограждаетъ себя всевозможными предосторожностями и отъ „ложнаго масонства", и отъ малѣйшаго нарушенія правилъ государственной полиціи или господствующей религіи. Его понятія были вполнѣ ортодоксальны въ обоихъ отношеніяхъ и, вступивъ въ ложу, онъ думалъ, что ея секреты могутъ совершенно мириться съ его совѣстью... Конечно, другіе такъ не затруднялись: они смѣло вступали въ орденъ, устраивали ложи, носилы титулы, и остались потомъ здравы и невредимы, потому что для нихъ дѣло и кончалось титулами и обрядами. Для Новикова вступленіе въ ложу было началомъ дѣятельности, гдѣ онъ,—хотя крайне скромно и безобидно

[1]) Лонгин., стр. 035.

хотѣлъ, однако, итти своей дорогой, внѣ оффиціальной программы и начальственныхъ приказовъ; его мелочныя предосторожности даютъ намъ мѣрку тогдашней общественной дѣятельности, и эту мѣрку не долженъ забывать историкъ того времени.

Итакъ, умственныя средства, съ которыми началась дѣятельность Новикова, были ограниченны, по цѣлому состоянію тогдашняго образованія; его дѣйствія были крайне умѣренны и боязливы, потому что общество не давало начинающему никакой гарантіи, не обѣщало никакой поддержки въ трудную минуту. Въ самомъ содержаніи его пропаганды было много туманной фантастики и мистицизма, враждебнаго истинной наукѣ и отвращавшаго отъ нея. Печально за судьбу русскаго образованія—видѣть, что люди достойные, доброжелательные и преданные общественному благу, приходили къ тому, что поучались алхиміи и кабалистикѣ у нѣмецкихъ шарлатановъ и обскурантовъ и закрывали глаза на то, что было истиннаго и глубокаго въ лучшихъ проявленіяхъ просвѣтительной европейской мысли; что желая трудиться для просвѣщенія, они сами ставили ему помѣхи и препятствія и въ то время, когда европейская мысль, давно бросивши средневѣковой хламъ, установляла идеи, на которыхъ должно было потомъ основаться новое развитіе общества и образованности, эти люди хватались за этотъ самый средневѣковой хламъ...

При всей этой ограниченности и безпомощности, въ понятіяхъ и предпріятіяхъ Новикова и его друзей были однако стороны, по которымъ эти люди имѣютъ несомнѣнное право на мѣсто въ исторіи успѣховъ русскаго образованія: имъ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ самостоятельная инициатива, которую можно считать первымъ обширнымъ примѣромъ общественной самодѣятельности со временъ реформы; служеніе нравственнымъ интересамъ общества, не вызванное никакими оффиціальными указаніями, а внушенное инстинктомъ обязанности къ обществу и внутреннимъ убѣжденіемъ. Въ дѣлѣ Новикова, исторія его борьбы за идею принимаетъ особенно печальный и возбуждающій участіе характеръ еще и потому, что, вообще говоря, онъ дѣйствовалъ очень умѣренно (мы объяснимъ дальше, почему не имѣютъ особеннаго значенія тѣ нарушенія закона о печати,

изъ которыхъ сдѣлали главное формальное обвиненіе противъ него); онъ принималъ, съ своей стороны, всѣ, описанныя выше, мѣры предосторожности, дѣлалъ всѣ уступки (напр., при самомъ началѣ правительственныхъ неудовольствій изъявилъ готовность совершенно оставить ложи, если бы отъ него потребовали этого, — но этого не потребовали), — и несмотря на то, подвергся жестокому преслѣдованію. По той упомянутой нами чертѣ его убѣжденій, которая также получала въ масонствѣ свое практическое выполненіе и состояла въ стремленіи къ нравственному улучшенію согражданъ, въ братской любви къ людямъ, Новикова и его друзей можно назвать филантропами въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Благотворительная дѣятельность Новиковскаго кружка есть фактъ; достаточно прочесть записки Лопухина, чтобы видѣть, какъ въ людяхъ порядочныхъ масонство становилось источникомъ тѣхъ гуманныхъ отношеній къ людямъ, человѣколюбія и вѣротерпимости, которыя такъ мало были вразумительны для стараго русскаго общества и которыя такъ полезно было бы ему уразумѣть. Тѣ же филантропическія побужденія лежали въ основѣ образовательной дѣятельности Новикова. Въ обществѣ XVIII-го вѣка, которое подъ внѣшними манерами европейскаго образованія еще сохраняло такъ много старой грубости, подобные труды были отраднымъ проблескомъ лучшихъ возникающихъ понятій. Наконецъ, что дѣятельность Новикова не приняла другого, болѣе вѣрнаго по своимъ основаніямъ, пути, это было въ значительной мѣрѣ не личной ошибкой, а слѣдствіемъ странныхъ условій времени, и въ особенности отсутствія прочнаго образованія въ цѣлой средѣ. Мистицизмъ послѣ временъ Новикова еще разъ выдвинулся на сцену въ нашей общественной исторіи, и какой язвой для общества могъ онъ сдѣлаться, будучи поставленъ оффиціальной программой, показали времена Магницкаго, двадцатые годы XIX-го столѣтія. Явившись тогда въ роли господствующаго элемента, онъ вполнѣ раскрылъ свои ненавистныя свойства, объемъ которыхъ едва ли и теперь вполнѣ извѣстенъ, хотя о Магницкомъ писано уже не мало. Но исторически этотъ мистицизмъ, сколько мы думаемъ, нельзя производить отъ Новиковскаго масонства. Въ этотъ промежутокъ времени прошло очень много новыхъ вліяній,

которыя могли заслонить собой масонство Новиковскаго кружка. Правда, отъ временъ Новикова не прерывалась филіація понятій и личныя связи съ людьми новыхъ поколѣній, но при всемъ томъ, можно, кажется намъ, освободить память Новикова отъ нареканія, что его пропаганда отразилась въ необузданностяхъ обскурантизма двадцатыхъ годовъ. Личность Новикова остается чистой въ нашихъ глазахъ; по своей печальной судьбѣ, Новиковъ, хотя и мистикъ, остается дѣятелемъ и, къ сожалѣнію, мученикомъ русскаго просвѣщенія.

ГЛАВА IX.

Мистика. Мартинизмъ.

Мистицизмъ составлялъ вообще одну изъ главнѣйшихъ особенностей нашего масонства, какъ былъ сильно распространенъ и въ европейскомъ обществѣ XVIII-го вѣка. Оставивъ въ масонствѣ первоначально только оттѣнокъ его идеальныхъ тенденцій, мистицизмъ потомъ все сильнѣе и и сильнѣе проникалъ въ него особенно въ континентальныхъ ложахъ, гдѣ онъ находилъ поддержку въ туземномъ піэтизмѣ и дошелъ до крайнихъ предѣловъ во второй половинѣ XVIII вѣка, когда всѣ направленія европейской мысли достигли послѣдней степени напряженія.

Названіе мистицизма прилагается, вообще, къ тому нравственно-религіозному взгляду, который принимаетъ, что ясное понятіе о божествѣ, природѣ и человѣкѣ невозможно для обыкновеннаго человѣческаго познанія, что этого понятія не даютъ и положительныя религіи, и что оно достигается непосредственнымъ приближеніемъ къ божеству, чуднымъ единеніемъ съ высшимъ божественнымъ міромъ, которое происходитъ внѣ всякой дѣятельности сухого разсудка. Такимъ образомъ, основной чертой мистицизма является сильно возбужденное религіозное чувство и предположеніе полнаго безсилія разума, постигать высокія и таинственныя истины (изъ которыхъ мистикъ дѣлаетъ свою исключительную принадлежность) безъ помощи высшаго внутренняго свѣта. Чѣмъ сильнѣе возбуждаются въ человѣкѣ эти сверхъестественныя стремленія, и чѣмъ меньше онъ находитъ помощи въ разумномъ знаніи и мышленіи, тѣмъ больше онъ склоненъ впадать въ мистицизмъ. Мистикъ живетъ только чувствомъ и фантазіей, и стремленіе знать истину естественно превращается у него въ фантастическое желаніе проникнуть въ сверхъ-человѣческій міръ и найти успокоеніе въ единеніи съ „причиной всего“, божескимъ духомъ...

Это настроеніе можетъ имѣть много различныхъ степеней, отъ спокойной религіозности, которая ищетъ личнаго нравственнаго удовлетворенія, до крайней неясности мысли, блуждающей въ теософскомъ туманѣ, до чрезмѣрнаго возбужденія, переходящаго въ патологическій экстазъ и галлюцинаціи, или до фанатическаго ожесточенія, отвергающаго всякія права человѣческаго разума и переходящаго въ крайній обскурантизмъ. Различныя степени и характеры мистицизма, какъ направленія, опредѣляются различными обстоятельствами — цѣлымъ характеромъ времени, степенью его знаній, общественными условіями, дающими мистицизму дорогу въ тѣ или другіе классы общества; какъ личное свойство, мистицизмъ вызывается въ общихъ указанныхъ условіяхъ и собственно-личными особенностями и болѣзненными неправильностями организаціи, которыя дѣлаютъ людей склонными къ подобной фантастикѣ. Всѣ проявленія мистики трудно, конечно, подвести подъ одно точное опредѣленіе, и мистическія направленія въ общественной жизни могутъ подлежать разной исторической оцѣнкѣ.

Исторически, судьба мистицизма представляетъ необозримо длинную лѣтопись господства его надъ человѣческою мыслью и трудной борьбы, которою вела противъ него раціональная наука. Представленія мистическаго характера являются у всѣхъ народовъ, при первомъ выходѣ ихъ изъ грубаго фетишизма въ болѣе идеальныя религіи. Эти представленія и вообще остаются наиболѣе популярнымъ разрядомъ понятій въ массахъ, которыя по степени ихъ умственнаго развитія всегда представляли удобную почву для особаго рода народнаго мистицизма.

Но мистицизмъ игралъ свою роль и въ обществахъ цивилизованныхъ, какъ литературное и философское напра-